

50 ИДЕЙ,
о которых нужно знать

ФИЛОСОФИЯ

БЕН ДЮПРЕ

Бен Дюпре

ФИЛОСОФИЯ

50 ИДЕЙ,
о которых нужно знать

phantom press

Оглавление

Введение 3

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

- 01 Мозг в колбе 4
- 02 Пещера Платона 8
- 03 Пелена восприятия 12
- 04 Cogito ergo sum 16
- 05 Разум и опыт 20
- 06 Трехчастная теория познания 24

СУЩНОСТЬ СОЗНАНИЯ

- 07 Проблема тела и разума 28
- 08 Каково быть летучей мышью? 32
- 09 Тест Тьюринга 36
- 10 Корабль Тезея 40
- 11 Чужой разум 44

ЭТИКА

- 12 Гильотина Юма 48
- 13 Человеческая плоть... 52
- 14 Теория Божественной воли 56
- 15 Теория фуу/ура 60
- 16 Цели и средства 64
- 17 Машина иллюзий 68
- 18 Категорический императив 72
- 19 «Золотое правило» 76
- 20 Действие и бездействие 80
- 21 Скользкий путь 84
- 22 Там, где кончается долг 88
- 23 Плохой, потому что не повезло? 92
- 24 Этика добродетели 96

ПРАВА ЖИВОТНЫХ

- 25 Чувствуют ли животные боль? 100
- 26 Есть ли у животных права? 104

ЛОГИКА И СМЫСЛ

- 27 Виды доказательств 108
- 28 Парадокс брадобрея 112
- 29 Ошибка игрока 116
- 30 Парадокс сорита 120
- 31 Король Франции лыс 124
- 32 Жук в коробке 128

НАУКА

- 33 Наука и лженаука 132
- 34 Смена парадигмы 136
- 35 Бритва Оккама 140

ЭСТЕТИКА

- 36 Что такое искусство? 144
- 37 Ошибка намерения 148

РЕЛИГИЯ

- 38 Телеологическое доказательство 152
- 39 Космологическое доказательство 156
- 40 Онтологическое доказательство 160
- 41 Проблема зла 164
- 42 В защиту свободы воли 168
- 43 Вера и разум 172

ПОЛИТИКА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ОБЩЕСТВО

- 44 Позитивная и негативная свобода 176
- 45 Принцип различия 180
- 46 Левиафан 184
- 47 Дилемма заключенного 188
- 48 Теория наказания 192
- 49 Спасательная шляпка Земля 196
- 50 Справедливая война 200

Словарь терминов 204

Указатель имен и названий 206

Введение

Большую часть своей многовековой истории философия считалась уделом странных людей, выдававших рискованные идеи. За потенциально опасные мысли Декарту, Спинозе, Юму и Руссо — назовем лишь несколько имен — грозили отлучением от Церкви, не позволяли издавать свои работы, препятствовали продвижению по службе, а то и отправляли в изгнание. А самого знаменитого философа в истории, Сократа, власти древних Афин сочли столь пагубно влияющим на общество, что и вовсе казнили. Современных философов за их убеждения не приговаривают к смертной казни, что слегка огорчительно — ведь это показывает, насколько мы перестали бояться идей.

Сегодняшний философ, ученый-академик, вовсе не затворник, отгородившийся от проблем мира в башне из слоновой кости, — такое представление слишком далеко от реального положения дел. Проблемы, которыми занимается философия, действительно серьезны и зачастую трудноразрешимы, но они *имеют важное значение* для повседневной жизни. Естественные науки запросто могут породить целый магазин, набитый замысловатыми игрушками, всевозможными чудесами — от дизайнерских пупсов до генно-модифицированных пирожных, но физика с химией не научат верно пользоваться всеми этими штуковинами. Именно философия помогает разобраться в том, *что нам следует делать* с тем, что мы сумели сотворить. Иногда философы раздуваются от самодовольства, слыша восторги по поводу их идей, от которых «ум за разум заходит» (обычное последствие, кстати, неконтролируемого восхищения), но гораздо чаще философы позволяют ясно увидеть ту или иную ситуацию, они разбираются с проблемами, которые касаются каждого из нас. Именно этим проблемам и посвящена данная книга.

Обычно авторы в таких случаях рассыпаются в благодарностях всем, кто помогал им в работе, и при этом винят себя во всех грехах. Да, наверное, это обычно, но довольно нелогично (поскольку благодарности и обвинения всегда идут рука об руку), так что едва ли благодарности уместны в книге о философии. Но, вспомнив П. Г. Вудхауза с его посвящением «Сердца обалдуя» своей дочери — «без бесконечного сочувствия и поддержки которой книга была бы закончена вдвое быстрее», — я с радостью распределю благодарности и все прочее. В частности, я счастлив поблагодарить за «Стрелу времени» и тьму цитат, разбросанных по книге, своего прилежного редактора Кита Мансфилда, обладающего прекрасным чувством юмора. Благодарю и главу издательства «Quercus» Ричарда Милбанка за его непоколебимую уверенность и поддержку. И наконец, глубочайшая благодарность моей жене Джеральдин и деткам, Софи и Лидии, без бесконечного сочувствия и поддержки которых...

01 Мозг в колбе

Представьте, что некий злодей-ученый задумал исследовать человеческое существо. Он извлек мозг человека и поместил в емкость с питательной средой, поддерживающей его жизнедеятельность. Нервные окончания он подсоединил к суперкомпьютеру, который создал у мозга иллюзию нормального бытия, и тот решил, что все в мире как обычно — вокруг люди, предметы, небо над головой и так далее. И получилось, что весь его человеческий опыт — это лишь результат воздействия электронных импульсов, поступающих из компьютера в нервную систему.

Напоминает кошмар? Сюжет научно-фантастического романа? Именно это вы и сказали бы, будь ваш мозг погружен в питательную жидкость! Да, ваш мозг болтается в какой-то посудине, но все ощущения при вас, словно вы продолжаете жить в своем настоящем теле в реальном мире. Мир вокруг вас — стул, на котором сидите, книга в ваших руках, да сами руки — все это части грандиозной иллюзии, мысли и чувства внушены вашему мозгу суперкомпьютером злобного гения.

Впрочем, вы, возможно, не верите, что вы — это просто мозг в колбе. Большинство философов, вероятно, тоже в это не верят. Но верить и не нужно, достаточно признать, что такое возможно. Проблема заключается в том, что если вы действительно лишь мозг в колбе (а такую возможность нельзя исключить), то все, что вы знаете об окружающем мире, является ложным. А тогда получается, что на самом деле вы ничего не знаете. Выходит, достаточно самой малости, чтобы усомниться в наших знаниях о внешнем мире. Есть ли выход из этой колбы?

Происхождение колбы Классическая современная интерпретация «мозга в бочке» была предложена американским философом Хилари Патнэмом в его книге 1981 года «Разум, истина и история», но сама идея гораздо старше. Мысленный эксперимент Патнэма — это, по сути, усовершенствованная версия страшилки XVII века, злого гения (*malin genie*) вызвал французский философ Рене Декарт в 1641 году в «Размышлениях о первой философии».

Декарт намеревался реконструировать систему человеческих знаний на незыблемых основах, для чего применил «метод сомнений» — отказался от любых представлений, допускавших хоть малейшую неопределенность. Указав на ненадежность наших чувств и сумятицу, создаваемую фантазией, Декарт определил границы своего метода сомнений:

Итак, я сделаю допущение, что... какой-то злокозненный гений, очень могущественный и склонный к обману, приложил всю свою изобретательность к тому, чтобы ввести меня в заблуждение: я буду мнить небо, воздух, землю, цвета, очертания, звуки и все вообще внешние вещи всего лишь пригрезившимися мне ловушками, расставленными моей доверчивости усилиями этого гения.

Среди осколков своих прежних убеждений и мнений Декарт внезапно обнаружил единственную крупницу достоверности — *cogito*, — и на этом прочном (вероятно) основании он начал процесс реконструкции (см. с. 16).

В массовой культуре

Идея мозга, заточенного в сосуде, оказалась настолько провокационна, что породила массу инкарнаций. Одной из самых успешных стал фильм «Матрица» (1999), в котором компьютерный хакер Нео (в исполнении Киану Ривза) обнаруживает, что мир Америки 1999 года на самом деле компьютерная симуляция, созданная зловещим киберинтеллектом,

а люди соединены проводами с гигантским компьютером и обитают в капсулах, заполненных питательной жидкостью. Фильм этот — очень наглядное художественное воплощение сценария «мозга в колбе». Огромный успех «Матрицы» — очевидное подтверждение убедительности аргументов скептиков.

1644

Cogito ergo sum

1655

Корабль Тезей

1690

Пелена восприятия

1974

Машина иллюзий

1981

«Мозг в колбе»

К несчастью для Патнэма и Декарта, хотя оба выступали в роли адвоката дьявола — занимали скептическую позицию, чтобы разрушить скептицизм, — их искусство расставлять логические ловушки произвело гораздо большее впечатление на философов, чем последующие попытки из них выпутаться. Апеллируя к собственной каузальной теории смыслов, Патнэм пытался продемонстрировать, что сценарий «мозг в колбе» непоследователен, но ему лишь удалось показать, что мозг в колбе фактически не способен представить себе мозг в колбе. И, как результат, Патнэм подтверждает, что состояние «мозг в колбе» не может быть замечено и описано изнутри колбы, но неясно, каким образом семантическая победа (если ее можно таковой считать) решает проблему в отношении познания.

Скептицизм «Скептиком» обычно называют человека, который склонен подвергать сомнению общепринятые представления, или того, кто в целом не доверяет людям или идеям. В этом смысле скептицизм можно считать проявлением здоровой склонности непредвзято проверять и исследовать якобы общеизвестные вещи. Подобное состояние разума обычно надежно защищает от легковерия, но порой перерастает в извечное сомнение во всем подряд без всяких на то оснований. Впрочем, бытовой скептицизм сильно отличается от скептицизма философского.

Аргументы моделирования

Обычные люди, возможно, охотно отвергли бы кошмарные выводы скептиков, но мы не будем действовать столь поспешно. Философ Ник Бостром недавно выдвинул хитроумное предположение, что мы уже живем внутри компьютерной модели! Только представьте...

В будущем наша цивилизация достигнет такого уровня технологического развития, что сумеет создать невероятно сложный компьютерный симулятор человеческого сознания и мира, в котором это сознание сможет существовать. Для поддержания этих многочисленных виртуальных миров достаточно будет маленького ноутбука, и потому численность виртуальных личностей намного превосходит

количество биологических. Опыт биологических и виртуальных личностей ничем не различается, и те и другие, естественно, считают именно себя настоящими, но последние (а их, напомним, большинство) определенно заблуждаются. Мы рассуждаем о якобы далеком будущем, но кто сказал, что это «будущее» уже не наступило, что не достигнут требуемый уровень компьютерных технологий и виртуальные личности не наводнили мир? Разумеется, мы не считаем себя виртуальными персонажами, живущими в виртуальном пространстве, но это вполне может быть отнесено на счет высочайшего качества программы. Следуя логике Бострома, вполне вероятно, что наша гипотеза ошибочна!

Скептик-философ не заявляет, что мы ничего не знаем, хотя бы потому, что подобное утверждение стало бы для него самоуничтожительным (тогда бы мы просто не знали, что ничего не знаем). Скептическая позиция состоит в том, что подвергается сомнению наше право заявлять о собственном знании. Мы полагаем, что нам известно множество вещей, но как мы можем доказать это? Наше представление о мире базируется на восприятии, полученном с помощью органов чувств, и, как правило, опосредовано определенными причинами. Но ведь подобная модель восприятия не исключает ошибок? Можем ли мы быть уверены в том, что воспринятый образ не галлюцинация, не сон или, к примеру, не причуда нашей памяти? Если сон неотличим от опыта бодрствования, мы никогда не можем быть уверены, что то, что мы считаем фактом, на самом деле им является, что полагаемая нами истина на самом деле истина. Подобные вопросы, доведенные до логического конца, возвращают к злокозненному гению и мозгу в колбе...

Эпистемология — это раздел философии, изучающий теорию познания. Она определяет, что в действительности мы знаем, каким образом получаем это знание, и формулирует условия, при которых некая идея может считаться знанием. Эпистемология — это своего рода ответ на вызов скептиков, а ее история — это история попыток разгромить скептицизм. Правда, многие полагают, что несколько поколений философов, живших после Декарта, не далеко продвинулись в борьбе со скептиками. Осознание того, что в финале вы все равно упретесь в проклятую колбу, все так же нависает над философией грозной тенью.

«Компьютер такой умный, что если наш герой попытается поднять руку, то он «увидит» и «почувствует», как рука поднимается... Жертве даже может казаться, что вот прямо сейчас она сидит и читает эти слова о забавном, но совершенно абсурдном предположении, будто есть такой злодей-ученый, который похищает у людей мозги и помещает их в колбы»

Хилари Патнэм, 1981

**В сухом остатке
А вдруг вы — просто
мозг в колбе?**

02 Пещера Платона

Люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная невысокой стеной. И за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. Тени, отбрасываемые этими предметами на стену пещеры, — единственное зрелище, доступное узникам, единственное, о чем они могут думать и говорить.

Аллегория Пещеры, описанная Платоном в 7-м томе «Государства», монументального трактата о формах государственного устройства и идеальном правителе, вероятно, самая известная из множества образов и аналогий, предложенных этим великим греческим философом. Идея передать управление обществом философам зиждется на тщательном изучении природы истины и знания, и именно в этом контексте Платон использует аллегорию Пещеры.

Платоновская концепция познания сложна и многослойна, и раскрывается она по мере изложения мифа о пещере.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 429 до н. э.

В семье афинских аристократов родился Платон

399 до н. э.

Казнен Сократ, наставник Платона и герой его «Диалогов»

около 375 до н. э.

«Пещера Платона»

Теперь представь, что с тебя сняли оковы и позволили свободно ходить по пещере. Сначала ты сощуришься от света огня, но постепенно поймешь, каково происхождение теней, которые ты прежде считал подлинными предметами. А потом ты выйдешь из пещеры в залитый светом внешний мир, где вся полнота реальности освещена ярчайшим небесным светилом, Солнцем.

Толкование притчи о Пещере

Интерпретация платоновской пещеры вызвала массу споров, но общий смысл вполне ясен. Сама пещера олицетворяет «чувственный мир» — видимый мир повседневно опыта, где все неопределенно и постоянно изменяется.

Скованные узники (обычные люди) живут в мире догадок и иллюзий, в то время как бывшие заключенные, которым позволено бродить по пещере, придерживаются самого точного взгляда на реальность, возможного в переменчивом мире восприятия и опыта. Мир за пределами пещеры — это «истинное бытие», постигаемый мир, наполненный объектами познания, идеальный, вечный и неизменный.

Теория Форм По мнению Платона, знание должно быть не только истинным, но еще идеальным и неизменным. Однако ничто в эмпирическом мире (представленном жизнью внутри пещеры) не соответствует

Смотри, человеческие существа, живущие в подземной пещере... подобно нам... они видят лишь собственную тень либо тени друг друга, отбрасываемые на стену этой пещеры

Платон, около 375 г. до н. э.

Платоническая любовь

Идея, с которой сегодня чаще всего ассоциируют имя Платона, — так называемая платоническая любовь — естественным образом рождается из аллегории Пещеры, где вступают в противоречие мир разума и мир ощущений.

Классическое объяснение этой идеи, состоящее в том, что идеальная любовь выражается не физически, но интеллектуально, сформулировано в знаменитом диалоге «Симпосий».

347 до н. э.

Смерть Платона

VI в.

Бозций начинает дискуссию о природе универсалий

этому описанию: высокий человек по сравнению с деревом мал; яблоко, красное в полдень, в сумерках кажется черным и т. п. Поскольку ничто в эмпирическом мире не может быть объектом познания, Платон предполагает, что должна быть иная реальность (мир за пределами пещеры) совершенного и неизменного бытия, которое он назвал миром Форм (или Идей). Так, например, посредством имитации или копирования Формы Правосудия все отдельные акты справедливости являются справедливыми. В аллегории пещеры описана иерархия Форм, высшей из которых является Форма Добра (представляемая Солнцем), придающая смысл всем остальным и лежащая в основе их существования.

Проблема универсалий Теория Форм и метафизическая основа, на которой она строится, может показаться чересчур замысловатой и надуманной, но проблема, которую она породила, — так называемая проблема универсалий — стала основной в философии и в том или ином виде существует до сих пор. В Средневековье философская линия фронта пролегла между реалистами (сторонниками Платона), которые полагали, что универсалии, подобные «красоте» и «высоте», существуют независимо от красных и высоких предметов и номиналистами, считавшими эти понятия всего лишь названиями, ярлыками, прикрепленными к объектам, чтобы подчеркнуть сходство между ними.

Такое же различие, обычно выраженное терминами «реализм» и «антиреализм», присутствует во многих областях современной философии. Согласно реалистической позиции, во «внешнем мире» есть сущности — физические объекты, нормы морали,

В массовой культуре

Эхо платоновских размышлений ясно слышится в творчестве К. С. Льюиса, автора семи романов, образующих единый цикл «Хроники Нарнии». В финале завершающей части, «Последней битвы», дети — герои книги становятся свидетелями разрушения Нарнии и вступают в земли Аслана, чудесную страну, в которой соединилось лучшее, что было в прежней Нарнии, с той Англией, которую они помнят. В конце концов дети обнаруживают, что

в действительности они умерли и покинули «Землю теней», которая была лишь бледной копией вечного и неизменного мира, где они отныне поселились. Несмотря на откровенно христианские реминисценции, влияние Платона не менее очевидно — и это лишь один из многочисленных примеров огромного (и порой неожиданного) влияния великого греческого философа на всю западную культуру, религиозную мысль и искусство.

математические формулы, — которые существуют независимо от нашего знания или ощущения их. Противоположная концепция, известная как антиреалистическая, предполагает, что необходимо наличие связи между объектом и нашим знанием о нем. Основные аргументы этой дискуссии были сформулированы более двух тысяч лет назад великим Платоном, одним из первых философов-реалистов.

В защиту Сократа В аллегории Пещеры Платон не только прояснил собственный взгляд на реальность и наше знание о ней. В самом конце притчи узник, выйдя во внешний мир и познав природу истины и подлинной реальности, стремится вернуться в пещеру и освободить своих томящихся во мраке товарищей. Но, привыкнув к яркому свету, в темноте пещеры он поначалу спотыкается, тычется в разные стороны, и потому прочие узники считают его глуповатым. Они полагают, что путешествие вовне дурно повлияло на него, не желают слушать захватывающих рассказов и даже пытаются убить несчастного, когда тот становится чересчур настойчив. В этом фрагменте Платон намекает на обычную участь мыслителя — насмешки и отверженность, — пытающегося просвещать обычных людей и указывать им путь к знаниям и мудрости. Особое место в трудах Платона занимает судьба его учителя, Сократа (его устами он излагает собственные взгляды в «Государстве» и большинстве других диалогов), который всю жизнь отказывался смягчать свои философские концепции в угоду публике и в итоге был казнен по приговору афинских властей в 339 г. до н. э.

В сухом остатке
Любое знание —
лишь тень

03 Пелена восприятия

Каким мы видим (а заодно слышим и обоняем) мир? Большинство из нас искренне полагает, что окружающие физические объекты более-менее таковы, какими мы их воспринимаем. Но из этого здравого мнения вытекает тьма проблем, которые привели философов к вопросу, насколько непосредственным является наше восприятие объектов окружающего мира. По их мнению, мы имеем доступ лишь к внутренним «идеям», «впечатлениям» или (в современной терминологии) «чувственным данным». Для разъяснения этого вопроса английский философ XVII века Джон Локк использовал знаменитый ныне образ. Человеческое знание, предположил он, подобно «наглухо закрытому чулану с крошечными дырочками, сквозь которые могут проникнуть лишь образы, видимые подобия внешних вещей, но не сами эти вещи».

Но в концепции Локка есть одна серьезная загвоздка. Предположим, что идеи, проникающие в закрытый шкаф, — это более или менее подлинное отражение внешних объектов, но, признав это, мы одновременно признаем, что есть еще и некая внутренняя суть, соответствующая внешнему облику, который мы видим. Нам доступны только наши собственные представления, которые набрасывают непроницаемую «вуаль восприятия» на истинный внешний мир.

В 1690 году Локк опубликовал «Опыт о человеческом разумении», одно из наиболее полных собраний «репрезентативных», как мы говорим, моделей восприятия. Любая такая модель, включающая в себя промежуточные идеи или чувственные данные, вбивает клин между нами

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 375 до н. э.

«Пещера Платона»

1641

«Размышления о первой философии» Рене Декарта

и внешним миром, и именно в образовавшуюся трещину просачивается скептическое отношение к источнику наших знаний. Чтобы разорвать эту вуаль и победить скептиков, нужна прямая связь между наблюдателем и объектом. Так почему же модель, порождающая столь неразрешимую проблему, принята в качестве одной из основных?

Первичные и вторичные качества Ненадежность нашего восприятия — это важнейшее оружие в арсенале скептиков, сомневающихся в возможности познания. То, что помидор может казаться красным или черным в зависимости от освещения, оказывается решающим аргументом для отказа от чувств как источника знания. Локк надеялся, что перцептивная модель, в которой разделены внутренние идеи и внешние объекты, обезоружит скептиков. Его аргументы основывались на различии между первичными и вторичными качествами.

Картезианский театр

В современной науке модель восприятия Локка называется «репрезентативный реализм» — в противоположность «наивному» (или «обычному») реализму, которого все мы (даже философы в свободное от работы время) придерживаемся большую часть жизни. Оба взгляда реалистичны в той части, где признается существование внешнего мира, не зависящего от нас, но в «наивной» версии реализма «красный» считается свойством, имманентно присущим помидору. Хотя Локк сформулировал классическую концепцию репрезентативной модели

восприятия, началась она вовсе не с него. Порой эту теорию пренебрежительно именуют «картезианским театром» — именно у Декарта разум является той самой ступенью, с которой идеи рассматриваются внутренним наблюдателем, нематериальной душой. Тот факт, что внутренний наблюдатель, «гомункулус», сам по себе требует внутреннего наблюдателя (и так далее до бесконечности), стал одним из серьезнейших возражений против данной теории. Но тем не менее модель остается достаточно популярной.

1690

«Опыт о человеческом разуме» Локка

1710

«Трактат о принципах человеческого знания» Джорджа Беркли

1981

Хилари Патнэм разрабатывает сценарий «мозга в колбе»

**Никакое знание...
не может выйти
за пределы
человеческого
восприятия**

Джон Локк, 1690

Красный цвет не есть отличительное свойство собственно помидора, поскольку зависит от множества факторов: тут и физические характеристики помидора — текстуры, свойств его поверхности, и особенности наших органов восприятия; и природные условия в момент наблюдения. Эти отличительные (скорее, не-отличительные) свойства не принадлежат самому помидору и потому могут считаться «вторичными качествами».

В то же время у помидора есть определенные особенности, такие как размер и форма, которые не зависят от условий в момент наблюдения, да и вообще от существования наблюдателя как такового. Это «первичные качества», которые объясняют и порождают «вторичные». В отличие от наших представлений о вторичных качествах, первичные (по мысли Локка) очень похожи на сам объект и потому могут дать о нем адекватное представление. По этой причине наука имеет дело с первичными качествами, и, при всем уважении к аргументации скептиков, именно наши идеи о первичных качествах становятся надежным источником знания.

Застрявшие в чулане Локка Одним из первых критиков Локка стал его современник ирландец Джордж Беркли. Беркли принимал модель восприятия, где непосредственными объектами восприятия были идеи, но одновременно признавал, что концепция Локка очень далека от победы над скептиками и рискует обернуться полной капитуляцией. Отсидевшая в своем чулане, Локк никогда не сумеет

«Так я его опровергаю»

Сегодня нематериалистическая теория Беркли считается виртуозной, пожалуй, даже эксцентричной метафизической уловкой. Как ни странно, сам Беркли себя считал величайшим сторонником здравого смысла. Искусно обнажив подводные камни механистической концепции Локка, он предложил решение, очевидное для него самого и одним махом разрушавшее все скептические

и атеистические соображения. Возможно, еще большую досаду у него вызвало бы сообщение, что ныне его место в общественном сознании сведено к знаменитому, но малопонятному опровержению нематериализма, увековеченному в «Жизни Сэмюэла Джонсона» Босуэлла: «Изо всех сил стукнув ногой по большому камню, [он воскликнул]: “Так я его опровергаю”».

проверить, насколько «подобия внешних вещей, но не сами вещи» действительно соответствуют подлинным объектам. Он никогда не сможет поднять вуаль и взглянуть на внешний мир, так что он оказывается пойманным в ловушку представлений – и, получается, скептики выиграли.

Четко сформулировав слабости позиции Локка, Беркли пришел к неожиданному выводу. Вместо того чтобы рваться сквозь вуаль в попытке воссоединиться с внешним миром, он решил, что за этой вуалью просто нет ничего, к чему стоило бы стремиться! Реальность для Беркли как раз и состоит из «идей», то есть собственно ощущений. А с ними-то мы уже полностью и прекрасным образом соединены; таким образом, избегаем опасностей скептицизма, но довольно дорогой ценой – полным отказом от внешнего физического мира!

Согласно идеалистической (точнее, нематериалистической) теории Беркли, «существовать – значит быть воспринимаемым» (*esse est percipi*). Получается, вещи существуют только в тот момент, когда мы на них смотрим? С этим Беркли согласен, поскольку под рукой всегда отличный аргумент – Бог. Вся Вселенная вечно постигаема разумом Бога, а потому гарантировано существование и постоянство (нематериальное) мира.

Среди людей господствует странное Мнение, что Дома, Горы, Реки, одним словом, чувственные Объекты могут существовать в Реальности, то есть независимо от наблюдателя

Джордж Беркли, 1710

**В сухом остатке
Что скрывается
по ту сторону вуали?**

04 Cogito ergo sum

Отбросив любые мнения, в которых предположительно можно было усомниться, бросившись в бездонное море неопределенности, Декарт отчаянно ищет опоры — твердую почву, на которой можно возвести храм человеческого знания...

«Я заметил, что, когда я пытаюсь думать о чем-либо, пускай ошибочно, необходимо, чтобы я, думающий, все же существовал. И наблюдение этой истины — «Я мыслю, следовательно, я существую» [cogito ergo sum] — настолько твердо и очевидно, что все экстравагантные гипотезы скептиков не могут его поколебать; и тогда я решил, что могу, без малейших сомнений, принять это утверждение в качестве первого принципа философии».

Вот так француз Рене Декарт пришел к самой знаменитой и, возможно, самой важной мысли в истории западной философии.

Метод сомнений Сам Декарт стоял в авангарде естественно-научной революции, прокатившейся по Европе в XVII веке, — он намеревался (довольно амбициозно) порвать с набившими оскомину догмами Средневековья и «создавать науку» на прочнейшем из фунда-

«Je pense, donc je suis»

Рене Декарт, 1637

ментов. Для этих целей Декарт разработал собственный строжайший «метод сомнений». Вместо того чтобы выбирать и выбрасывать гнилые яблоки (его собственная метафора), он полностью опустошает корзину, избавляясь от любых представлений, которые могут вызвать хоть малейшее сомнение. А под занавес он выдумывает злобного демона, у которого лишь одна цель — обмануть мыслителя, так что в корзине Декарта не остается места даже для очевидных истин геометрии и математики.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

V в.

Блаженный Августин настаивает на познаваемости истины

1637

В «Рассуждении о методе» Декарт обращает скептицизм против скептиков

1644

В «Принципах философии» Декарт утверждает *Cogito ergo sum*

Язык имеет значение

Широко известное латинское изречение — *cogito ergo sum* — содержится в «Принципах философии» (1644) Декарта, но в его «Рассуждении о методе» (1637) есть и французский вариант (*Je pense, donc je suis*), а в «Размышлениях о первой философии», главной работе Декарта, изречение в его канонической форме вовсе не встречается.

И в этот момент — освободившись от всего, даже от собственного тела и чувств, других людей, всего внешнего мира, — Декарт находит спасение в *cogito*, мышлении. В каком бы заблуждении он ни пребывал, насколько решителен ни был демон в стремлении на каждом шагу обмануть его, все равно должен быть объект обмана. Даже сомневаясь во всем остальном, Декарт не может усомниться в том, что сейчас, в настоящий момент, он обдумывает эту самую ложную идею. Демон «никогда не убедит меня в том, что я ничто, до тех пор, пока я думаю, что являюсь кем-то... *Я есть*, я существую — и это истина, независимо от того, порождена ли она моим разумом, или внушена мне».

Границы *cogito* Ранние критики Декарта, а вслед и многочисленные их последователи, полагали, что он придает слишком большое значение *cogito*. Но на самом деле Декарт всего лишь пришел к выводу, что процесс мышления существует, но из этого вовсе не следует, что мыслит именно он. Но даже если допустить, что мысли порождает предполагаемый мыслитель, следует признать, что постулаты Декарта существенно ограничены. Во-первых, *cogito* имеет форму первого лица — мое *cogito* действенно только для меня, ваше — для вас, потому демон может убедить меня, что это *вы* думаете (и, следовательно, существуете). Во-вторых, *cogito* — это настоящее время и прекрасно сочетается с идеей о том, что я перестаю существовать, как только прекращаю мыслить. В-третьих, «Я», чье существование установлено, крайне зыбко и эфемерно: я могу не иметь биографии и прочих

1690

Определение «пелены восприятия» в работах Локка

1981

«Мозг в колбе»

Происхождение cogito

Cogito ergo sum — возможно, самое известное философское изречение, но происхождение его не совсем ясно. Его приписывают Декарту, но идея *cogito* восходит к гораздо более ранним временам. Например, в начале V века Блаженный Августин писал: «Если я обманываюсь, то уже поэтому существую». Впрочем, и он не был первым.

атрибутов, которые и делают меня «мною», и, разумеется, я по-прежнему остаюсь в когтях подлого демона.

Подводя итог, «Я» этого *cogito* — лишь мимолетный миг самосознания, не более чем пустячок, отрезанный от остальной действительности, включая его собственное прошлое. Так что же Декарт сумел построить на таком шатком фундаменте?

Реконструируя знание

Возможно, Декарт и заложил фундамент, но припас ли он материалы для строительства? Похоже, он установил планку чересчур высоко — не ниже, чем

доказательства достоверности существования демона. Отступление оказалось удивительно (и пожалуй, даже тревожно) стремительным. Существует два основных тезиса в поддержку идеи Декарта. Он указывает, что отличительная черта *cogito* — это ясность, с которой мы можем видеть, и отсюда он делает вывод о существовании общего правила — «все, что мы ощущаем ясно и отчетливо, является подлинным». Но откуда такая уверенность? А вот откуда: самая ясная и отчетливая идея — это идея всемогущего и всеведущего Бога.

Бог — источник всех наших идей, и, поскольку он милостив, он никогда не станет нас обманывать. Используя наши способности к наблюдению и рассуждению (тоже полученные от Бога), мы непременно придем к истине. Стоило на сцене появиться Богу, и море сомнений начало стремительно мелеть, мир оказался восстановлен, и можно приступить к реконструкции знания на научной основе.

Навязчивые сомнения Попытки Декарта выбраться из ловушки сомнений, которую он сам себе выкопал, убедили очень немногих. Гораздо больше внимания привлек печально известный «картезианский круг» — откровенное использование ясных идей для доказательства существования Бога, чья доброта, в свою очередь, гарантирует ясность и справедливость этих идей. Независимо от степени убедительности этого аргумента (едва ли Декарт действительно попал в столь очевидную ловушку) трудно разделить его уверенность в том, что ему удалось изгнать демона. Декарт не может отрицать (и не отрицает), что ложное мнение существует; и, если следовать основному правилу, это должно означать, что иногда

«...Обрести прибежище в достоверности существования Высшего существа, ради доказательства достоверности наших чувств, определено означает сделать крайне неожиданный вираж»

Дэвид Юм, 1748

мы можем заблуждаться относительно ясности и точности идеи. При этом мы не можем знать, что совершаем ошибку, а если так, то врата для скептицизма вновь распахнуты.

Декарта называют отцом современной философии. И он заслуживает этого титула, но вовсе не по тем причинам, которые понравились бы ему самому. Он стремился рассеять сомнения скептиков раз и навсегда, чтобы мы могли посвятить себя рациональному познанию, но в итоге оказался гораздо более успешен в создании сомнений, чем в их развенчании. Последующие поколения философов оказались заражены скептицизмом, который со времен Декарта безоговорочный лидер в философии.

**В сухом остатке
Я мыслю, следовательно,
я существую**

05 Разум и опыт

Как мы познаем? Мы получаем знания посредством разума и рассуждения? Или опыт, обретенный благодаря органам чувств, играет решающую роль в постижении мира? Почти вся история западной философии окрашена противоречием между разумом и чувствами как фундаментальными принципами познания. Это и есть яблоко раздора для двух важнейших философских течений — рационализма и эмпиризма.

Три ключевых различия Для понимания сути рационалистской и эмпирической теорий познания полезно рассмотреть три ключевых различия, определяемых самими философами.

a priori vs a posteriori Нечто известно *a priori*, если может быть познано без обращения к опыту — без всякого эмпирического исследования, как в действительности обстоит положение дел. « $2 + 2 = 4$ » известно *a priori* — вам не нужно обращаться к опыту, чтобы установить эту истину. Но если необходимо исследование, тогда нечто известно *a posteriori*. Например, утверждение «уголь черный» верно, но только *a posteriori* — ведь для подтверждения нужно взглянуть на кусок угля.

аналитический vs синтетический Суждение является аналитическим, если не содержит никакой иной информации, кроме той, что несут в себе использованные термины. Истинность утверждения «Все старые девы не замужем» очевидна лишь на основании понимания значения и взаимного расположения слов. Напротив, утверждение «Все старые девы несчастны» синтетическое — оно объединяет (синтезирует) различные понятия и таким образом предоставляет важную

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 350 до н. э.

Аристотель утверждает, что именно разум отличает человека от животных

V в.

Августин утверждает, что воля участвует в актах познания

1637

Декарт превозносит разум в качестве абсолютного гаранта истинности знания

информацию (ну или, в данном случае, дезинформацию). Чтобы определить, истинно это утверждение или ложно, вам придется исследовать душевное состояние всех старых дев.

необходимость vs случайность Необходима та истина, которая остается истиной в любых обстоятельствах, будучи выражена любыми словами. Случайная истина может перестать быть истиной при изменении внешних обстоятельств. Например, утверждение «Большинство парней порочны» может быть истинным или нет, в зависимости от того, как ведут себя парни. Напротив, если истинно, что все парни порочны, а Людвиг — парень, то истина (в данном случае это лишь вопрос логики), что Людвиг порочен.

На первый взгляд если аналитическое утверждение истинно, то тогда оно необходимо и известно *a priori*; синтетическое утверждение — всегда случайно и известно *a posteriori*. В действительности, однако, все не так прямолинейно, и основное различие между эмпириками и рационалистами заключается в их подходе к выбору терминов. Задача рационалистов состоит в том, чтобы продемонстрировать, что существуют *a priori* синтетические утверждения — что важные или содержательные факты могут быть исследованы рациональным,

Кантианские проблемы

Различия между аналитическим и синтетическим подходами впервые описаны в трудах немецкого философа Иммануила Канта. В своей «Критике чистого разума» он стремился показать, что есть идеи, или категории мысли, — такие как сущность и причинность, — которые в реальности не существуют, но которые мы вынуждены использовать, чтобы придать смысл этой самой реальности. Главная тема Канта — природа и объяснение таких несуществующих концепций и синтетического априорного знания, вытекающего из них.

1739–1740

В «Трактате о человеческой природе» Юм утверждает, что рассудок — раб страстей

1781

Кант разрабатывает рационалистическую теорию познания в «Критике чистого разума»

1963

Трехчастная теория познания

не-эмпирическим способом. А у эмпириков цель противоположная — показать, что очевидные *a priori* факты, например математические, являются по сути аналитическими.

Альтернативы фундаментализму

У математики нет не-метафизической ноги, на которую можно опереться

Томас де Квинси, 1830

Рационалисты и эмпирики хотя и различаются многим, но сходятся в том, что существует некая *основа* (разум или опыт), на которой строится знание. Шотландский философ XVIII столетия Дэвид Юм критиковал Декарта за поиск химеры — краеугольного камня рациональной определенности, на котором стоит знание, включающее в себя и достоверность наших чувств. При этом Юм не отвергал возможности существования такой основы, но наш повседневный опыт и естественная система представлений могут в нее не входить.

Поле боя — математика

В конфликте между эмпиризмом и рационализмом именно математика стала тем полем, на котором происходили самые жаркие битвы. Для рационалистов математика всегда была парадигмой познания, реальностью абстрактных объектов, доступных для исследования лишь при помощи одних упражнений разума. Эмпирики не могли игнорировать такой вызов — они вынуждены были либо отрицать возможность познания математических истин таким путем, либо продемонстрировать, что подобные истины, по сути, аналитические или просто не имеют значения. Последнее суждение обычно сводится к утверждению, что абстрактные математические факты — в действительности просто игра ума, а математическое мышление — это лишь система договоренностей, в которой цель — не открытие, а устранение противоречий; доказательство, но не истина.

Европейское соперничество

Исторически британские эмпирики XVII и XVIII веков — Локк, Беркли и Юм — считались противниками своих континентальных оппонентов, рационалистов Декарта, Лейбница и Спинозы. Но столь упрощенная классификация игнорирует массу деталей. Типичный представитель одной стороны, Декарт, зачастую склонен к эмпирическим исследованиям, в то время как Локк, образчик второй стороны спора, иногда не прочь обратиться к тому, что рационалисты назвали бы интеллектуальным озарением или интуицией.

Итак, и рационализм, и эмпиризм базируются на некоей основе, но подходы у них разные. Альтернатива им — когерентизм, согласно которому знание — это настоящая паутина представлений, все нити которой поддерживают друг друга, создавая гармоничную структуру. Но единой основы у этой структуры нет, а потому лозунг когерентистов: «Знание обоснованно, если оно согласуется с уже принятым множеством знаний».

В сухом остатке
Как мы познаем мир?

06 Трехчастная теория познания

«Упс, не туда повернул, — подумал Дон, увидев ненавистную фигуру, прислонившуюся к фонарному столбу, до боли знакомые черты его мерзкой британской рожи отчетливо видны были в электрическом свете. — Следовало знать, что этот подонок будет здесь отираться. Что ж, теперь знаю... Чего дожидаться, Эрик? Если ты такой крутой...» Полностью сосредоточившись на человеке перед собой, Дон не расслышал приближавшиеся шаги. И ничего не почувствовал, когда Эрик нанес роковой удар сзади...

Итак, знал ли Дон, что тем вечером его убийца Эрик находился неподалеку? Определенно, предполагал, и предположения его оправдались. У него были все основания для такого предположения: он ведь не знал, что у Эрика есть брат-близнец по имени Алек, и он отчетливо видел перед собой человека, как две капли воды похожего на Эрика.

Платоновское определение знания Интуитивно мы предполагаем, что Дон не знал наверняка, что Эрик где-то рядом, — хотя Эрик действительно был рядом. Дон лишь предполагал, что это возможно, и получил идеальное подтверждение. И тут мы вступаем в противоречие с одним из основополагающих определений, святая святых истории философии.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 370 до н. э.

Диалог Платона «Теттет»
о природе знания

1781

«Критика чистого разума»
Иммануила Канта

В диалоге «Теэтет» Платон мастерски исследует концепцию познания. Он приходит к такому выводу: знание — это «истинное мнение вкупе с *логосом*» (то есть «рациональным суждением», подтверждающим истинность мнения), или, говоря проще, знание есть «подтвержденное истинное мнение». Эта так называемая трехчастная теория познания может быть выражена еще более формально:

Человек S знает P только в том случае, если:

1. P есть истина
2. P есть мнение человека S
3. S имеет обоснованное суждение о P

В таком определении пункты 1, 2, и 3 — необходимые и достаточные условия знания. Условия 1 и 2 обычно принимаются без особых обсуждений — вы не можете знать то, что ложно, и вы должны иметь определенное мнение о том, что якобы знаете. Некоторые вопросы вызывает «обоснованное суждение» из пункта 3: если вы решили, что Ноггин выиграет Кентуккийское дерби, просто ткнув пальцем в список лошадей и жокеев, нельзя сказать, что ваше суждение обосновано, даже если Ноггин и вправду вдруг победит. Вам просто повезло.

Гаечный ключ Гетье в действии Вполне закономерно, что точности и обоснованности подтверждения, требуемого пунктом 3, уделялось много внимания, но основная структура, сформулированная трехчастной теорией, принималась большинством исследователей в течение почти 2500 лет. Но в 1963 году американский философ Эдмунд Гетье пустил в ход своеобразный гаечный ключ. В короткой статье Гетье привел контрпримеры в духе истории про Дона, Эрика и Алека, в которых некто имеет суждение и верное, и подтвержденное — то есть соблюдены все три условия трехчастной теории, — но в итоге оказывается, что его суждение вовсе не является знанием.

Проблема, продемонстрированная примерами Гетье, состоит в том, что подтверждение суждения не связано с истинностью самого суждения, истинность эта в той или иной степени сомнительна. Много сил было

1963

Эдмунд Гетье доказывает,
что подтверждение суждения
не связано с его истинностью

потрачено на то, чтобы заткнуть дыру, проделанную Гетье. Некоторые философы сомневались в самой идее определения знания в терминах необходимого и достаточного. Но чаще пытались решить проблему, добавив некое «четвертое условие», которое сумеет заново скрепить платоновскую модель.

Многие из тех, кто предлагал концепции подтверждения, были «экстерналистами» — они концентрировались на факторах, лежащих вне психологических возможностей предполагаемого исследователя. Каузальная теория, например, утверждает, что формирование верного мнения для знания зависит от представлений, вызванных внешними факторами. Выводы Дона по определенным причинам относились к другому человеку — Алеку, а не Эрику — и потому не могут считаться знанием.

После работы Гетье поиск «заплаток» превратился в своеобразную философскую гонку вооружений. Неудачные дополнения трехчастного определения натывались на ограждения контрпримеров, с твердым намерением продемонстрировать прорехи в обороне. Избежать проблемы Гетье удастся только ценой исключения большей части того, что мы интуитивно считаем знанием.

Должно ли знание быть бесспорным?

Четвертым дополнением к основным условиям трехчастной теории познания стало предложение считать знание «бесспорным». Идея состоит в том, что не должно существовать ничего, что может аннулировать знание. Так, например, если бы Дон знал, что у Эрика есть брат-близнец, он не стал бы предполагать, что мужчина у фонарного столба и есть сам Эрик. И тогда Дон не знал бы, что это Эрик, даже если бы это на самом деле был Эрик. В данном случае проблема в том, знает или не знает Дон о наличии двойника; но могут и быть и иные факторы. Получается, что познающий никогда не сможет быть уверенным в своем знании. Как и прочие решения проблемы Гетье, требование бесспорности настолько высоко задирает планку, что лишь ничтожная часть наших знаний сумеет пройти этот тест.

Комедия ошибок

Техника использования ошибочной идентификации, особенно в случае с близнецами, подвергающая сомнению вроде бы очевидное, хорошо известна любому, читавшему Шекспира. В «Комедии ошибок», например, действуют даже не одна, а целых две пары близнецов: Антифол и Дромио из Сиракуз и Антифол и Дромио из Эфеса — разделенные еще во младенчестве в результате кораблекрушения. Шекспир свел их вместе в хитроумном фарсе, который можно рассматривать как один из контрпримеров Гетье. Когда Антифол из Сиракуз прибывает в Эфес, Анжело, местный ювелир, окликает его: «Господин Антифол». Смущенный и удивленный, так как он никогда прежде не бывал в Эфесе, Антифол из Сиракуз отвечает: «Да, так меня зовут». На что Анжело отвечает: «Мне это отлично известно, сэр». Но в действительности Анжело ничего подобного не известно. В соответствии с трехчастной теорией познания его суждение подтверждено, хотя это всего лишь случайное совпадение, что у его клиента есть брат-близнец с таким же именем.

В сухом остатке
Когда мы действительно
знаем?

07 Проблема тела и разума

Победный марш науки, начавшийся в XVII веке, смел все предыдущие концепции и представления. Путь, проложенный Коперником, Ньютоном, Дарвином и Эйнштейном, отмечен многочисленными важными вехами, дающими надежду, что со временем даже самые отдаленные уголки вселенной и самые сокровенные глубины атома будут исследованы наукой. Или не будут? Есть одна проблема — самая очевидная и самая таинственная вещь на свете, которая до сих сопротивляется естествоиспытателям и философам, — человеческое сознание.

Все мы прекрасно осознаем, что обладаем сознанием — у нас есть мысли, чувства, стремления, свойственные лично нам; мы все — актеры в центре собственного мира с неповторимым взглядом на него. Наука, напротив, торжественно объективна, открыта для исследования, избегает предвзятости и личного подхода. Так как в физическом мире, описываемом наукой, может существовать нечто столь странное, как сознание? Как ментальный феномен можно соотнести с физическим телом и процессами в нем и описать в соответствующих терминах? Эти вопросы в рамках проблемы тело-сознание считаются в философии наиболее щекотливыми.

Француз Рене Декарт в XVII веке внес немалый вклад в развитие философии сознания и эпистемологии (учения о познании), его идеи повлияли на всю западную философию, вплоть до наших дней. Мысль Декарта о неизменности и определенности человеческого «Я» закономерно должна была породить идею о главенствующей роли сознания во взаимоотношениях с внешним миром. В терминах метафизики он определил сознание как полностью самостоятельную

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1637

Субстанциальный дуализм Декарта

1649

«Понятие сознания» Гилберта Райла

1664

Идея Спинозы о «дуализме свойств»

Дух Райла

В книге «Понятие сознания» (1949) английский философ Гилберт Райл оспорил дуалистическую концепцию Декарта о теле и сознании, заявив, что она основана на «категориальной ошибке». Представьте, к примеру, туриста, которому продемонстрировали все колледжи, библиотеки и прочие здания Оксфордского университета, а студент в конце экскурсии пожаловался, что университета так и не увидел. Он ошибочно отнес университет и здания, его образующие, к одной категории и, таким образом, ошибочно

интерпретировал взаимоотношения между ними. Декарт, по мнению Райла, совершил такой же промах в отношении тела и сознания, ошибочно предполагая, что они представляют собой абсолютно разные субстанции. Из этой дуалистической метафизики Райл создал уничижительный образ «духа в машине» — нематериальное сознание (дух), живущее внутри человеческого тела (машина) и дергающее там за рычаги. Совершив опустошительный набег на картезианский дуализм, Райл предложил собственное решение вопроса — бихевиоризм.

сущность — некую ментальную субстанцию, чья природа представляет собой процесс мышления. Все прочее, то есть материальная субстанция, занимает определенное положение в пространстве (заполняет собой физический мир). Иными словами, существуют две отдельные сущности, одна из которых — нематериальное сознание, наделенное ментальными свойствами, такими как способность мыслить и чувствовать; а другая — материальное тело, обладающее свойствами физическими, такими как масса и форма. В подобной картине мира отношения между сознанием и телом известны как «субстанциальный дуализм»; данную концепцию заклеил Гилберт Райл, обозвав ее догмой «дух в машине».

Проблемы дуализма Желание пить заставляет мою руку поднять стакан; заноза в ноге вызывает боль. Тело и сознание (как предполагает здравый смысл) взаимодействуют: ментальные процессы вызывают физические, и наоборот. Но необходимость такого взаимодействия немедленно порождает сомнения в картезианской картине мира. С точки

1950

Тест Тьюринга

1974

Какое быть
летучей мышью?

Догма «духа в машине»... утверждает, что существует и тело, и сознание; физические процессы и ментальные процессы; механические причины, вызывающие движение тела, и ментальные причины такого же телесного движения

Гилберт Райл, 1948

зрения науки физическое действие требует физической причины, но поскольку, по мнению Декарта, сознание и тело — *абсолютно* разные сущности, их взаимодействие становится невозможным.

Сам Декарт признавал наличие подобной проблемы и осознал, что для решения ее требуется вмешательство Бога как творца причин и следствий, но сам практически не занимался поисками выхода. Молодой современник и последователь Декарта, Никола Мальбранш, признавая дуализм, взял на себя бремя разрешения причинно-следственной проблемы и остроумно заявил, что никакого

взаимодействия вообще не происходит. В каждом случае, когда требуется совпадение ментальных и физических процессов, действует Бог, и потому создается впечатление, что существует некая причина, вызывающая соответствующее явление. Эта неуклюжая доктрина под названием «оказионализм» не встретила особой поддержки, — скорее, лишь обозначила серьезность проблемы и намерение ее разрешить.

Соблазнительный способ избежать проблемы, вставшей на пути картезианства, отыскал голландский современник Декарта Барух Спиноза. Его идея под названием «*дуализм свойств*» предполагала, что сам дуализм имеет отношение не к собственно сущностям, но к их свойствам. Два различных типа свойств, ментальные и физические, могут быть отнесены к одному объекту (человеку или предмету), но эти характерные свойства принципиально отличаются и не могут быть проанализированы в терминологии друг друга. То есть различные свойства описывают различные *аспекты* единого целого (эту концепцию называют иногда «теорией двух аспектов»). Данная теория объясняет, каким образом происходит взаимодействие тело-сознание, поскольку причины наших действий сами по себе имеют физическую и ментальную природу. Но, решаясь приписать столь различные свойства одному и тому же объекту, мы рискуем поставить дуализм перед гораздо более серьезной проблемой.

Физикализм Очевидным ответом на трудности сущностного дуализма Декарта стал монистический подход — в мире существует только одна «субстанция», либо ментальная, либо физическая, но не обе. Некоторые ученые, самый известный из которых Джордж Беркли, пошли по пути идеализма, провозгласив, что реальность состоит только из сознания и порожденных им идей. Но подавляющее большинство философов, и в первую очередь современных, предпочли разные формы физикалистских объяснений. Вдохновляемые беспорными успехами науки в этой области,

физикалисты утверждают, что сознание можно отнести к области компетенции естественных наук; и, поскольку предмет естествознания абсолютно материален, сознание тоже можно считать материальным объектом. Задача состоит в том, чтобы объяснить, каким образом сознание (личное и субъективное) вписывается в физическую картину мира (объективную и доступную всем).

Физикализм существует в самых различных формах, которые сходятся в одном: они призваны продемонстрировать, что ментальные явления можно подвергать анализу, исследовать и описывать в простых физических терминах. Успехи нейронаук не оставляют сомнений, что сознание имеет непосредственное отношение к работе мозга. Самый простой выход для физикалистов — провозгласить, что ментальные феномены идентичны физическим процессам, происходящим в мозге. Самая радикальная версия подобных теорий — «исключающая», она предполагает, что по мере развития научного понимания «народная психология» — бытовой способ мышления и выражения внутренней жизни в терминах представлений, желаний, намерений, суждений и т. п. — исчезнет, а на смену ей придут строгие концепции и описания, разработанные нейронаукой.

Физикалистское решение проблемы тело-разум одним махом сметает сложности дуализма. В частности, тайны причинно-следственности, терзающие дуалистов, рассеиваются простым переводом сознания в границы естественно-научных объяснений. Критики физикализма, разумеется, возмущены, что их оппоненты уничтожили слишком многое; что их успех достигнут чересчур дорогой ценой — утратой сущности опыта сознания, его субъективной природы.

Происхождение дуализма

Декарт, автор классического определения дуализма сущностей, тем не менее был не первым в этой области. Дуализм в той или иной форме присущ любой философской системе, религии или мировоззрению, предполагающим наличие сверхъестественной реальности, в которой существуют нематериальные объекты (душа, боги, демоны, ангелы и т. п.). Идея о том, что душа остается после смерти физического тела или реинкарнирует в другое (не обязательно человеческое), требует определенной дуалистической концепции мироздания.

В сухом остатке Сознание в замешательстве

08 Каково быть летучей мышью?

«...Попробуйте представить, что руки у нас переходят в перепончатые крылья, позволяющие нам порхать на рассвете и на закате, ловя ртом насекомых; что мы очень плохо видим и воспринимаем окружающее при помощи системы отраженных высокочастотных сигналов; что днем мы спим на чердаке, повиснув головой вниз. Все, что я могу себе вообразить (и то совсем немного), говорит мне лишь о том, как бы почувствовал себя я, если бы вздумал вести себя, как летучая мышь. Но я ставил вопрос не так! Я хочу знать, как чувствует себя изнутри *сама летучая мышь!*»

Статья Томаса Нагеля «Каково быть летучей мышью?» (1974) оказала куда более значительное влияние на развитие философии сознания, чем какая-либо еще работа последних лет. Нагель ухватил то ощущение неудовлетворенности, которое испытывали многие по поводу современных попыток анализировать душевную жизнь и сознание через сухую физическую терминологию. Его работа стала настоящим тотемом для философов, раздосадованных физикалистскими и редукционистскими теориями сознания.

С точки зрения летучей мыши Центральная мысль Нагеля заключается в наличии «субъективного характера опыта», что означает *быть* неким существом с точки зрения *самого* этого существа. Эта субъективность никогда не принималась в расчет редукционистами. Возьмем, к примеру, летучую мышь. Она

ориентируется в пространстве и охотится в полной темноте благодаря системе сонаров, посредством эхолокации, испуская звуки высокой частоты и улавливая их отражение от объекта. Эта форма восприятия в корне отличается от любых доступных нам, поэтому разумно предположить, что наш опыт несколько не похож на опыт летучей мыши. Значит, есть опыт, который человек в принципе не в состоянии пережить; и есть факты, выходящие далеко за пределы нашего понимания. Непостижимость данных фактов объясняется их субъективной природой — они по сути воплощают иной взгляд на мир.

Физикалисты любят ссылаться на примеры научных заключений (вода — это H_2O , а молния является электрическим разрядом) и заявлять, что подобные утверждения схожи с определением ментальных феноменов в терминах физических феноменов. Нагель отвергает подход, при котором в основе научного исследования лежит отказ от субъективной точки зрения ради достижения большей объективности. Безусловно, игнорирование субъективного элемента делает физикалистские теории сознания неполными и неудовлетворительными. «Если факты, информирующие о том, как переживает свой опыт *сам* организм, доступны только с одной точки зрения, то и истинный характер этого опыта можно обнаружить лишь в физической деятельности этого организма» — так пишет Нагель. И это все, что может предложить наука.

Чего не знала Мэри Нагель с удовлетворением констатирует таинственность предмета исследования, чтобы подчеркнуть провал физикалистских теорий в их попытках ухватить субъективный элемент, существенный для сознания. Он признает, что выступает против упрощенного подхода, но не физикализма как такового. Австралийский философ Фрэнк Джексон пошел дальше. В широко обсуждаемой работе 1982 года «Чего не знала Мэри» он описал мысленный эксперимент о девушке, которой известны все мыслимые физические факты о цвете. А значит, если правы физикалисты, предполагает Джексон, Мэри должна

«В отсутствие сознания проблема тело/разум стала бы значительно менее интересной. А при наличии его она кажется совершенно безнадежной»

Томас Нагель, 1979

1953

«Жук в коробке»
Витгенштейна

1974

Статья Томаса Нагеля
«Каково быть летучей мышью?»

1982

«Чего не знала Мэри?»
Фрэнка Джексона

знать о цвете абсолютно все. Но выясняется, что существует масса не физических факторов, о которых Мэри не имеет ни малейшего представления: она не знает, что значит видеть цвет, что значит видеть красный цвет и т. д. И Джексон приходит к выводу, что есть факты, которые не могут быть объяснены физической теорией, — а потому физикализм заблуждается.

Аргументы Джексона, конечно же, не убедили физикалистов. Их возражения касаются в первую очередь статуса так называемых «не физических фактов»: одни критики признают их фактами, но отрицают их не-физическую природу; другие утверждают, что это и вовсе не факты. Корень возражений в том, что Джексон осмелился возвысить голос против физикализма: ведь если физикализм верен и Мэри знает все, что известно науке о цвете, тогда она знает и о красном, включая его субъективное восприятие. Возможно, Джексон угодил в ловушку «человека в маске», пытаясь с помощью психики Мэри разделить физические и не-физические факты.

Как бы ни были обоснованы нападки на бедную Мэри, трудно не заметить, что и Джексон, и Нагель выносят приговор: та версия физикализма, что существовала до настоящего времени, упускала нечто существенное. Любые объяснения сознания в терминах физического мира оставляют неизведанным огромное пространство.

Черно-белая Мэри

С самого рождения Мэри была заперта в черно-белой комнате, и она никогда не видела ничего иного, кроме черного, белого и оттенков серого. Ее образование, возможно, было несколько необычным, но нельзя сказать, что оно отсутствовало. Читая книги (без цветных картинок, разумеется), просматривая учебные программы по черно-белому телевизору, она стала выдающимся ученым. Она изучила все, что было возможно (что вообще было известно), о физической природе мира, о нас, об окружающей среде. И в конце концов пришел день, когда Мэри выпустили из ее черно-белой комнаты во внешний мир. Какой шок она испытала! Она впервые увидела цвета, узнала, как выглядят красный, синий и желтый. И, хотя она знала все о цвете, оказалось, что есть нечто, ей неизвестное...

Мораль: (1) существуют не-физические факты; (2) тщательнее выбирайте родителей.

Человек в маске

Согласно закону Лейбница, или «идентичности неразличимого», если два объекта А и В идентичны, каждое свойство А будет свойством В; и, следовательно, если у А есть свойство, которого нет у В, эти объекты не являются идентичными. Берти считает Боно величайшим в мире рок-звезд, но по поводу Пола Хьюсона у него нет мнения (он не знает, что это настоящее имя Боно). Это означает, что у Боно есть свойство, отсутствующее у Пола Хьюсона, — он величайшая рок-звезда, по мнению Берти, — а потому, по закону Лейбница, Боно не может быть Полом Хьюсоном. Но Боно и есть Пол Хьюсон, — выходит, что-то не так с аргументацией. Это так называемая «проблема человека в маске»: я не знаю, кто скрывается под маской; я знаю, кто мой брат; таким образом, мой брат не может быть

человеком в маске. Ошибка коренится в субъективности суждения о том, что не является свойством данного объекта: вы знаете объект с одной стороны, а другие люди знают его с других сторон, отсюда и разные суждения об одном и том же.

Итак, неужели Фрэнк Джексон, выдумывая свой эксперимент с Мэри, попался в ловушку «человека в маске»? Физикалисты утверждают, что он использует неверное свойство, чтобы обозначить разницу физических и не-физических факторов. В действительности же, настаивают они, существует только один вид факта (физический), который можно представить по-разному, в субъективных описаниях — как два взгляда на один и тот же объект.

В сухом остатке
Внутри сознания
летучей мыши?

09 Тест Тьюринга

Пэрри: Копы арестовали не тех людей.

Интервьюер: Иногда они арестовывают тех, кого надо.

Пэрри: По закону следует преследовать вон тех итальянских мошенников.

Интервьюер: Вы итальянец?

Пэрри: По происхождению я британец, но родился в этой стране.

Интервьюер: Вам известны какие-нибудь итальянские мошенники?

Пэрри: Я стараюсь избегать общения с подонками.

Интервьюер: Вы их боитесь?

Пэрри: Мафия — жуткие бандиты.

Интервьюер: Вы связаны с мафией?

Пэрри: Ну, они обо мне знают.

Интервьюер: Откуда они о вас знают?

Пэрри: Они шпионят за мной.

Интервьюер: Но зачем?

Пэрри: Они хотят найти компромат на меня.

Интервьюер: Что они имеют против вас?

Пэрри: Хотят заполучить меня.

Вам кажется, что у Пэрри проблемы? Может, и так, но главная его проблема вовсе не мафия, а то, что Пэрри — компьютерная программа. В 1971 году Кеннет Колби, психиатр Стэнфордского университета, создал Пэрри, который запрограммирован отвечать на вопросы, как шизофреник с параноидальным комплексом преследования мафией.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1637

Проблема
тела и разума

1949

Бихевиоризм Гилберта Райла
в «Понятии сознания»

Колби провел тест, на который Пэрри отвечал наряду с настоящими пациентами, а результаты тестов потом анализировали эксперты-психиатры. И никто из специалистов не догадался, что Пэрри — не человек.

Умеет ли Пэрри думать? За двадцать один год до рождения Пэрри, в 1950 году, британский математик и провозвестник компьютерной эры Алан Тьюринг опубликовал статью, в которой предложил тест для определения мыслительных способностей машины. Основой теста стала имитационная игра: следователь разговаривает с человеком и машиной, при этом участники теста не видят друг друга. Следователь может задавать любые вопросы, чтобы определить, кто из собеседников является человеком; если ему это не удается, считается, что машина прошла тест.

Прошел ли тест Пэрри? Вообще-то, нет. Чтобы провести полноценный тест Тьюринга, группа психиатров (выполняющих роль судьи) должна знать, что один из пациентов — компьютер, и они должны выяснить, кто именно. В любом случае Пэрри быстро вычислили бы, если бы ему задавали вопросы в интерактивном режиме. Сам Тьюринг полагал, что к концу XX века компьютерные программы достигнут такого уровня, что судья с вероятностью не меньше чем 70% сможет вынести верное решение уже после пяти минут беседы, но на деле прогресс оказался куда неторопливей. И по сей день ни одна программа даже близко не способна пройти тест Тьюринга.

Ученый предложил свой тест, чтобы обойти вопрос «Умеет ли машина мыслить?», который полагал слишком неопределенным, но сейчас тест используют в качестве критерия именно для ответа на него (или «имеет ли машина разум?», или «демонстрирует ли интеллект?»). То есть тест Тьюринга рассматривается в качестве эталона сторонниками (научными и философскими) «мощного ИИ (искусственного интеллекта)» — идеи о том, что правильно запрограммированный компьютер обладает разумом (а не только симулирует его наличие), не уступающим человеческому.

«Я верю, что к концу (XX) столетия использование слов и общий настрой умов настолько изменятся, что станет возможно говорить о мышлении машин, не ожидая немедленных возражений»

Алан Тьюринг, 1912–1954

1950

Тест Тьюринга для определения мыслительных способностей машины

1980

Мысленный эксперимент Джона Серля «китайская комната», опровергающий существование компьютерного разума

1995

«Другие сознания», Томас Нагель

Китайская комната Наиболее серьезный аргумент против теста Тьюринга выдвинул в 1980-м американский философ Джон Серль, поставив мысленный эксперимент «китайская комната». Он представил, что находится в комнате, полной табличек с китайскими иероглифами, — при этом сам исследователь не знает ни слова по-китайски. Вдобавок у него есть учебник, написанный по-английски, объясняющий правила сочетания символов. Используя эти правила, можно, получая извне некоторый набор символов, передавать обратно другой набор, соответствующий правилам китайского языка. Со временем достигается такой уровень сноровки, что на взгляд стороннего наблюдателя ответы демонстрируют

**Современные попытки
понять сознание
по аналогии
с компьютером, который
может блестяще
продемонстрировать
внешние признаки
сознательного существа,
можно расценивать как
грандиозную
бессмысленную
трату времени**

Томас Нагель, 1986

знание испытуемым китайского. Другими словами, вопросы и ответы выглядят так, словно диалог ведут люди, прекрасно говорящие по-китайски. Но на самом деле человек в комнате не понимает ни единого символа из тех, которыми пользуется, он лишь манипулирует ими.

Компьютер занимается именно этим — подбирает подходящие данные в ответ на команды в соответствии с программой (в эксперименте Серля роль программы играет учебник, написанный по-английски). На основании этого эксперимента Серль предположил, что компьютерная программа, даже очень сложная, представляет собой лишь бессмысленного манипулятора символами. Она владеет синтаксисом —

следуя определенным правилам манипуляции, — но семантика, то есть понимание смысла, ей недоступна. Как внутри «китайской комнаты» нет понимающего китайский язык, так нет разума в компьютерной программе: ни понимания, ни интеллекта, ни разума. И компьютер никогда не выйдет за рамки симуляции этих явлений.

Если «пройти тест Тьюринга» означает подобрать подходящие ответы на вопросы, то «китайская комната» перечеркивает его претензии на способность определить машинный разум. Если же тест Тьюринга работает, то правомерна основная идея сторонников искусственного интеллекта. Но это не единственная закавыка. Если мы принимаем выводы, полученные в эксперименте с «китайской комнатой», то тем самым подрываем устои двух важнейших подходов в философии сознания.

Проблема бихевиоризма и функционализма

Центральная идея бихевиоризма заключается в том, что ментальные явления могут быть переведены, без потери смысла, на язык поведения. Например, если человеку больно, об этом можно сообщить особыми жестами, гримасами и т. п. Иными словами, внутренние переживания полностью передаются через внешние проявления — через «вопросы» и «ответы», достаточность которых совершенно определено опровергнута «китайской комнатой». Бихевиоризм в его классическом определении, данном Гилбертом Райлом, отступает под напором возражений Серля. Важность его для современной науки состоит в том, что он породил доктрину, наиболее распространенную и принятую в теории сознания, — функционализм.

Прикрывая многие изъяны бихевиоризма, функционализм утверждает, что ментальные состояния функциональны: состояние сознания определяется как функция, зависящая от различных входных параметров (причин, вызывающих эту функцию) и воздействующая на выходные параметры (обычно проявляющиеся в поведении). Используя компьютерные аналогии, функционализм (как и бихевиоризм) можно считать «программным обеспечением» теории сознания: он определяет мыслительные явления в категориях «вход» и «выход», не обращая внимания на «железо» (в отличие от дуалистов, физикалистов и прочих). Проблема заключается в том, что, сосредоточившись на «входных данных» и «выходных данных», мы рискуем вновь очутиться в «китайской комнате».

В поп-культуре

Артур К. Кларк буквально воспринял предсказание Алана Тьюринга. В «Космической одиссее 2001» он создал мыслящий компьютер. И никто из персонажей этой саги Стэнли Кубрика не удивляется, что их кораблем управляет думающая машина.

**В сухом остатке
«А вы сами-то прошли
этот тест?»**

10 Корабль Тезея

Парни, ну и проблемы у Тео с этой машиной, что он купил у Джо! Началось с пустяков — замок в дверце надо поменять, какие-то гайки в подвеске отвалились, ну, как обычно. А потом все серьезнее и серьезнее — сначала сцепление, потом коробка передач, а потом и вся трансмиссия. И вечно какой-то стук, вмятины, машина все время торчала в ремонте. И конца этому не было... Невероятно. «Не так уж невероятно, — угрюмо думал Тео. — По сравнению с тем, что в машине, которой всего два года от роду, заменен каждый чертов винтик. Впрочем, во всем есть хорошая сторона — возможно, теперь у меня абсолютно новая машина!»

Прав ли Тео? Или это все та же машина? История автомобиля Тео — или, более привычно, корабля Тезея — одна из множества головоломок, придуманных философами для проверки неизменности объектов или людей с течением времени. Похоже, наша интуиция в этой области сильна, но противоречива. Историю с кораблем Тезея рассказал английский философ Томас Гоббс, он и придал ей законченный вид. Что касается истории с Тео...

Честный Джо был вовсе не честным. Многие детали, которые он заменял в автомобиле Тео, работали прекрасно, а остальные он починил. Он сохранял старые детали и собирал из них новый механизм. Через два года у него получилась точная копия машины Тео. То есть он думал, что это копия. Но, возможно, это и была машина Тео?

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

I В.

Миф о корабле Тезея, пересказанный Плутархом

1664

Джон Локк определяет критерии личности

Кризис идентификации Где же оригинал? Автомобиль Тео, ныне полностью состоящий, заботами Джо, из новых деталей, или тот, что Джо собрал из оригинальных деталей? Зависит от того, кто спрашивает. В любом случае, идентификация автомобиля не так проста и очевидна, как нам хотелось бы.

Проблема касается не только кораблей и автомобилей. Люди в течение жизни тоже серьезно меняются. Физически и психологически очень мало общего между карапузом двух лет от роду и дряхлым девяностолетним стариком, в которого он превратится 88 лет спустя. Это один и тот же человек? Если так, то почему? Это важно, поскольку непонятно, можно ли наказывать девяностолетнего старика за то, что он совершил 70 лет назад? А что, если он даже не помнит об этом? Следует ли врачу согласиться на просьбу старика позволить ему умереть, которую он высказал 40 лет назад — так сказать, в предыдущей версии самого себя?

Проблема личностной идентификации занимала философов сотни лет. Что является необходимым и достаточным условием для того, чтобы считать ныне существующую личность той же самой, что существовала ранее?

Животные и пересадка мозга С точки зрения здравого смысла личностная идентификация — это вопрос биологии: я тот, кто был в прошлом, потому что я тот же организм, человеческое животное; я связан с конкретным физическим телом, представляющим собой единую и неделимую органическую сущность. Но представьте ситуацию с пересадкой мозга — благодаря стремительному развитию технологий такая операция, возможно, станет реальностью в недалеком будущем — и *ваш* мозг перенесут в мое тело. Интуиция подсказывает, что в итоге *вы* получаете новое тело, а не *мое* тело — новый мозг; похоже, обладание телом *не является* необходимым условием сохранения личности.

Это соображение заставило философов сменить точку зрения и связывать личность не со всем телом, но лишь с мозгом. Это больше устраивает нашу интуицию в случае с пересадкой мозга, например, но не решает проблемы в целом. Наше беспокойство связано с тем, *что* именно мы считаем важным в деятельности мозга, а не с физиологическим органом как таковым. Даже если мы не знаем наверняка, каким образом активность

1739

Личность как «пучок представлений» в философии Дэвида Юма

1949

Гилберт Райл создает карикатурный образ дуализма разум-тело в виде «духа в машине»

Храбрый офицер

Томас Рейд попытался расшатать позицию Локка, придумав следующую историю. Однажды, будучи еще мальчишкой, храбрый офицер был выпорот за воровство яблок из чужого сада; в своей первой военной кампании он захватил знамя противника; позже он стал генералом. Представим, что, захватывая вражеское знамя, он еще помнил, как его пороли в детстве, но, став

генералом, он помнил лишь о своих военных подвигах. Локк вполне мог признать возражения Рейда: его намек подразумевает существование различий между человеческим существом (организмом) и личностью (осознающим субъектом), и пожилой генерал вполне может быть совсем не тем же самым человеком, что озорник-мальчишка.

мозга влияет на сознание и мышление, практически никто не сомневается, что именно мозг порождает эти процессы. То, что делает меня «мною», — это «программное обеспечение» в виде опыта, воспоминаний, суждений и т. п., но не «железо» в форме куска плоти серого цвета. Мое осознание себя не слишком пострадает, если все эти воспоминания, опыт и прочее перенести в искусственный мозг или в чей-то еще, приспособленный для хранения моих суждений и всего остального. С этой точки зрения мое осознание вообще никак не привязано к телу, даже к мозгу.

Психологическая преемственность Что касается психологического — не биологического — подхода к проблеме самоидентификации, предположим, что каждый элемент моей психологической истории связан с предыдущими неразрывной нитью воспоминаний и представлений. Не все (возможно, вообще никакие) из них тянутся от начала до конца; они образуют сложно переплетенную сеть, которая и есть моя история. Идея психологической непрерывности как основного критерия личностной идентификации во времени принадлежит Джону Локку. Ныне это доминирующая теория в философии, но тоже не без внутренних противоречий.

Например, система телепортации в сериале «Звездный путь» («Стар трек»). Запись вашей физической структуры, вплоть до последнего атома, переносится в некое удаленное место (скажем, из Лондона на Земле на Лунную базу-1), где ваше тело восстанавливается, в то время как тело в Лондоне уничтожается. Все нормально — обеспечена психологическая преемственность: непрерывная линия ваших воспоминаний и всего прочего плавно перетекла от личности в Лондоне к новой личности

на Луне, так что психологическая преемственность и, следовательно, личностная идентификация сохранены. Вы благополучно прибыли на Лунную базу-1. Но предположим, что система сломалась и аннигиляции прежнего тела в Лондоне не произошло. И теперь существуют две личности — одна на Земле, вторая на Луне. Согласно теории, если психологическое единство сохранено в обоих, они оба — вы. Ну, здесь-то мы, не колеблясь, можем заявить, что оригинал — тот, кто в Лондоне, а на Луне — копия. Но в этом случае мы вынуждены вернуться к биологической/животной составляющей: получается, что старое мясо, находящееся в Лондоне, в большей степени является вами, чем новое мясо, поселившееся на Луне.

Будьте последовательны Путаница с интуицией может возникать по причине неправильно сформулированных вопросов или использования неверных концепций для ответов. Дэвид Юм указал на эфемерность личности, заявив, что, сколь бы пристально вы ни вглядывались внутрь себя, вы обнаружите там только мысли, воспоминания, опыт. Ошибочно было бы пытаться обнаружить себя в качестве субъекта этих мыслей — личность не более чем точка зрения, которая придает смысл нашему опыту, но не является самим опытом.

Идея личности как сущностного «объекта», который мы считаем своей сутью, вызывает смущение, когда мы воображаем пересадку мозга и телепортации, связанные с разрушением тела. Нам кажется, что сохранение личности в подобных экспериментах зависит от возможности найти место, где сохранится этот «объект». Но если отбросить мысли о материальном, все становится гораздо проще. Представьте, например, что с аннигиляцией в Лондоне все нормально, а вот прибор на Луне создал сразу две копии. Выяснить, кто из них вы (равносильно вопросу «где заканчивается моя личность?»), значит просто задавать неверный вопрос. На свете появилось два человеческих существа с одинаковым набором мыслей и воспоминаний, но отныне каждый из них пойдет своим путем, и постепенно их психологические истории разойдутся в разные стороны. Вы (как набор воспоминаний и опыта) сохранились в двух личностях — интересная форма существования, достигнутая ценой вашей личностной идентификации!

**В сухом остатке
Что делает
личность личностью?**

11 Чужой разум

Какая же чушь все эти голливудские глупости! Застывшие лица, рыбы глаза, пристальный взгляд — абсолютный вздор. На самом деле зомби распознать чрезвычайно трудно. Они выглядят точно так же, как вы или я, так же ходят, разговаривают — ни за что не догадаешься, что внутри у них пустота. Стукни зомби как следует по ноге, и он дернется и взвизгнет так же громко, как вы или я. Но в отличие от нас с вами он ничего не чувствует — ни боли, ни страха, вообще ничего не осознает. Я, конечно, говорю «вы или я», но правильнее, наверное, говорить «я». Потому что в вас-то я как раз и не уверен... ни в ком из вас, строго говоря.

Зомби в философии больше похожи на жен в «Степфордских женах», чем на пожирающих мозги упырей из «Ночи живых мертвецов». Тем не менее в степфордских женах есть что-то откровенно, хотя и едва различимо, неправильное

Лари Хаузер, 2006

Зомби — частые гости в долгой философской дискуссии под названием «проблема чужого разума». Я знаю, что у меня есть разум, внутренняя жизнь, опыт, но содержание вашего сознания скрыто от меня; все, что доступно моему непосредственному наблюдению, — ваше поведение. Достаточно ли этого свидетельства для того, чтобы предположить, что ваш разум похож на мой? Или, если заострить вопрос, откуда мне знать, что вы не один из зомби, о которых говорилось выше, не отличимый от меня в том, что касается поведения и психологии, но начисто лишенный сознания?

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 350 до н. э.

Виды доказательств

1637

Картезианский дуализм
тела и сознания

От зомби к мутантам

Зомби — не единственные гости на конференции по философии сознания. Вы можете встретить здесь также и мутантов. Подобно зомби, философские мутанты менее устрашающи, чем их голливудские аналоги. Они, разумеется, совершенно неотличимы от обычных людей в том, что касается поведения и физических признаков. У них даже есть разум! Фишка с мутантами в том, что их сознание нисколько не похоже на ваше или мое (ну, во всяком случае, на мое уж точно не похоже).

Мутанты могут быть какими угодно: они могут получать удовольствие от того, что

вызывает у меня боль; они видят красное там, где я вижу синее; единственное правило — чувства и мышление мутантов отличаются от моих. Мутанты очень удобны, когда дело касается изучения проблемы иного разума: вопрос не в том, обладают ли разумом другие люди, а в том, насколько их мышление похоже на мое. Могу ли я полагать, чисто теоретически, что вы испытываете боль так же, как и я? И насколько сильную? Или насколько похоже наше с вами восприятие красного цвета? С этой точки зрения открывается новое поле для дискуссий, и, пожалуй, наши ответы помогут пролить свет на то, чем же является сознание.

Может, вам и покажется абсурдным сомневаться в наличии сознания у других, но что в этом такого уж неестественного? Принимая во внимание невероятную трудность в объяснении или адаптации сознания в физическом мире, неужели не разумно предположить, что единственное сознание, о существовании которого мне известно наверняка, — мое собственное — величайшая редкость или оно вообще уникально? А может, вы, все остальные, — зомби — и есть норма, а отклонение как раз я?

Учитывая, что в остальном мы так похожи... Наиболее распространенными и радикальными способами решения проблемы чужого разума, разработанными, среди прочего, Берtrandом Расселом, стали варианты так называемого доказательства по аналогии. По собственному опыту я знаю, что, если наступить на колючку, последует совершенно определенное поведение (крик «ой», вздрагивание, гримаса и т. п.) и все это

1922

«Логико-философский трактат»
Людвига Витгенштейна

1924

«Анализ сознания»
Берtrand Рассела

1950

Тест Тьюринга

сопровождается определенным ощущением — болью. Следовательно, можно сделать вывод, что другие люди реагируют на подобные раздражители подобным же образом, что они тоже испытывают боль. Я наблюдаю множество соответствий — и физиологических, и поведенческих — между собой и другими людьми и в силу этих соответствий делаю вывод, что психология других людей похожа на мою психологию.

Поиск аналогий привлекателен с точки зрения здравого смысла. Если бы вдруг нам пришлось отстаивать свое мнение, мы, возможно, нашли бы нужные доказательства. Аргумент этот, конечно, индуктивный (см. с. 108), поскольку не может (да и не должен) служить окончательным доказательством, но это справедливо в отношении многого, что мы считаем доказанным мнением.

Борьба с ветряными мельницами?

Проблема чужого разума — наглядный пример того, как философы находят проблему там, где остальным она даже не мерещится. Действительно, все мы (даже философы — по крайней мере, из практических соображений) принимаем как данность, что другие люди могут наслаждаться собственными чувствами и мыслями, схожими с нашими. Но не следует на этом основании отвергать философскую подоплеку проблемы. Никто не пытается никого убедить в том, что люди — на самом деле зомби. Скорее наши размышления о сознании и его взаимоотношениях с телом позволяют предположить, что зомби существуют. И это должно заставить нас серьезно взглянуть на концепции сознания.

Картезианский дуализм вбил огромный метафизический клин между ментальными и физическими реалиями, образовав трещину, из которой проросли корни скептицизма. Это хороший повод критически взглянуть на дуализм, на самого Декарта и на множество религиозных проявлений этой теории. Напротив, одной из привлекательных сторон физикалистской концепции является то, что ментальные проявления могут быть исчерпывающе объяснены, теоретически хотя бы, в терминах физиологии; и, если ментальное растворяется в физическом, зомби тут же пропадают. Это не обязательно верно, но очевидно, что движение происходит в правильном направлении. Таким образом, изучение проблемы чужого разума может прояснить более общие вопросы философии сознания.

«Если связь между человеческим телом и определенным типом мышления настолько условна, как предполагает картезианское определение разума, мне должно быть столь же легко... поверить в то, что стол испытывает боль, как и в страдания другого человека. Фокус в том, что все обстоит не так»

Людвиг Витгенштейн, 1953

Стандартная критика сводится к тому, что доказательство строится на предположении или экстраполяции единственного объекта (моего собственного разума). Представьте, например, что вы нашли устрицу с жемчужиной и на основании этого заключили, что во всех устрицах есть жемчуг. Чтобы уменьшить риск подобной ошибки, вам нужно проверить множество устриц, но в случае с чужим мозгом подобный путь недоступен. Как заметил Витгенштейн: «Как можно безответственно обобщать единственный случай?»

Степень безответственности выводов на основании единственного источника снижается, если они сделаны в контексте релевантной информации. Если мы, к примеру, знаем, что жемчужина не является существенным функциональным элементом организма устрицы или что коммерческая ценность жемчуга не определяется обязательным наличием жемчужины в каждой раковине, мы будем менее склонны к ложным умозаключениям на основании единственного случая.

Проблема разума и сознания настолько таинственна, настолько не похожа на все, к чему мы привыкли, что совершенно непонятно, какую информацию о них можно считать релевантной. В этом смысле проблему чужого разума можно рассматривать как частный случай более общей проблемы тела/сознания. Если наша теория сознания сможет прояснить отношения между ментальными и физическими феноменами, можно надеяться, что проблема понимания чужого разума станет проще или исчезнет совсем.

**В сухом остатке
Эй, дома есть кто?**

12 Гильотина Юма

«В каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным образом, устанавливает существование Бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно “есть” или “не есть”, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки “должно” или “не должно”...»

...Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это «должно» или «не должно» выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее следует принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него».

В этом знаменитом отрывке из «Трактата о человеческой природе» шотландский философ Дэвид Юм формулирует, в своей обычной лаконичной манере, классическое определение того, что по сей день остается центральным вопросом философии морали. Как мы можем перейти от *описательного* изложения того, как обстоят дела в мире («есть»), к *предписывающей* формулировке, подсказывающей, что следует делать («должно»)? Или, короче, как мы получаем «должно» из «есть»? Юм убежден, что это невозможно, и многие мыслители согласны с ним, полагая, что «гильотина Юма» (или, в терминах более прозаических, «закон Юма») решительно отделяет мир фактов от мира оценок.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1739–1740

«Трактат о человеческой природе» Юма

1785

В «Основах метафизики нравственности» Кант доказывает, что разум является определяющим фактором в действиях морали

Натуралистическая ошибка Закон Юма часто путают с родственным ему, но все же отдельным постулатом, сформулированным английским философом Дж. Э. Муром в «Принципах этики» (1903). Мур обвинял философов прошлого в совершении того, что он назвал «натуралистической ошибкой», то есть установлении тождественности этических концепций природным; в силу чего «хороший», например, *может означать то же самое, что «приятный»*. Но, допуская Мур, требуется установить, действительно ли то, что приятно, одновременно и хорошо, — вопрос не пустой — в противном случае определение следует считать ошибочным.

Сам Мур считал (и его мнение было гораздо менее значимым, чем ошибка, на которую он указывал), что этические определения типа «хороший» не являются «природными», «естественными» свойствами — это простые и не поддающиеся анализу качества, постигаемые лишь посредством специфического морального чувства под названием «интуиция».

Чтобы еще больше запутать дело, выражение «натуралистическая ошибка» иногда используют для описания абсолютно иного заблуждения, особенно любимого рекламщиками, — заявления, что сам факт натуральности (или ненатуральности) чего-либо дает основания для предположений о том, что предмет хорош (или, соответственно, плох). Жертвы естественных природных патогенных микроорганизмов, прошедшие лечение синтетическими препаратами, с готовностью подтвердят порочную природу данного аргумента.

«Вероятно, самое простое и важное в этике предельно логично. Я имею в виду невозможность вывести нетавтологические этические нормы... из констатации фактов»

Карл Поппер, 1948

1903

«Принципы этики»
Дж. Э. Мура

Этика-лизм

Этика, или философия морали, часто разделяется на три обширных раздела. **Метаэтика**, на уровне максимального обобщения, исследует источник морали, включая такие вопросы, как объективность или субъективность ее природы. **Нормативная этика** занимается этическими стандартами (нормами), на которых основано моральное поведение; утилитаризм, например, — это нормативная система, основанная на стандартах «утилитарности», «практичности». И наконец, самый низший уровень, **прикладная этика**, переводит философскую теорию в практические сферы, такие как проблема абортов, эвтаназии, справедливой войны и обращения с животными. Философы создают множество концепций по всем этим вопросам, и потому появляется множество «-измов». Ниже представлено краткое описание некоторых из наиболее часто встречающихся этических позиций.

Абсолютист

считает, что определенные действия являются верными или неверными при любых обстоятельствах.

Концептуалист

полагает, что истинность или ложность действия можно оценить по его результату в достижении желаемого или по состоянию дел. Наиболее известная из подобных систем — утилитаризм.

Деонтологист

рассматривает определенные действия как верные или неверные независимо от их последствий; особое значение обычно придается намерениям, а также правам и обязанностям. **Кантианская этика** — главная из деонтологических систем.

Ценности в мире, свободном от ценностей Проблема, поднятая Юмом, восходит к двум мощным, но противоречащим друг другу позициям, которых придерживаются многие из нас. С одной стороны, мы полагаем, что живем в физическом мире, который теоретически может быть объяснен законами естественных наук; это мир объективных фактов, в котором нет места оценкам. С другой стороны, мы чувствуем, что, вынося моральные оценки, — к примеру, осуждая

геноцид, — мы поступаем правильно, в соответствии с законами этого мира; мы это знаем, и это истинно. Но кажется, подобная точка зрения несовместима с законом Юма; если мы не в состоянии обосновать свои моральные оценки в безоценочном мире, описываемом наукой, мы вынуждены обратиться к собственным чувствам и предпочтениям, заглянуть в себя, чтобы отыскать истоки наших моральных устоев. Сам Юм серьезно относился к своим наблюдениям, считая, что если быть предельно внимательным и вдумчивым, то «все общепринятые этические нормы» должны быть пересмотрены. Логическая пропасть между фактом и оценкой, обнаруженная Юмом, поставила под сомнение само существование этики и в то же время стала основой философии морали.

**В сухом остатке
«Есть» и «должно»
разделяет пропасть**

13 Человеческая ПЛОТЬ...

«Когда Дарий был царем Персии, он собрал греков, живших при дворе, и спросил, что они возьмут в обмен на то, чтобы поедать тела своих умерших отцов. Греки ответили, что не сделают этого даже за все деньги мира. Затем в присутствии греков с помощью переводчика, чтобы те поняли, о чем идет речь, царь спросил индийцев из племени каллатов, которые на самом деле поедали тела умерших, что они возьмут в обмен на то, что сожгут покойников (как было принято у греков). С криками ужаса они умоляли царя даже не произносить вслух такие чудовищные слова».

Ну и кто был прав, греки или каллаты? Мы, пожалуй, посеем перед перспективой съесть своих родственников, но не более чем каллаты при мысли о возможной кремации. В конце концов мы, конечно, согласимся с Геродотом, греческим историком, который, пересказывая эту легенду, процитировал поэта Пиндара: «Обычай — царь всего». То есть ни одна из сторон не права и никто не ошибается; «правильного ответа» не существует. У каждой группы собственные обычаи и традиции; каждый ведет себя в соответствии со своим культурным кодом, и согласно этому коду каждый будет защищать соответствующие похоронные обряды.

В таком случае моральные нормы не представляются абсолютными — они зависят от культуры и традиций соответствующей социальной группы. И существует, разумеется, бесчисленное множество примеров культурных различий, как и географических, исторических. Подобные примеры поддерживают точку зрения релятивистов:

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

VI в. до н. э.

Царь Персии Дарий демонстрирует (согласно Геродоту) склонность к релятивизму

V в. до н. э.

Крайний релятивист Протагор побежден Сократом в диалоге Платона

не существует абсолютной и универсальной истины, все моральные оценки и мнения следует выносить только в соответствии с социальными нормами данной группы.

Vive la difference Релятивистская идея, по сути, состоит в том, чтобы относиться к моральным суждениям так же, как к эстетическим. Как и в вопросах вкуса, здесь бессмысленно говорить об ошибках *«de gustibus non disputandum»* — «о вкусах не спорят». Если вы любите помидоры, а я нет, мы просто признаем различия: нечто правильно для вас, но не для меня. В этом смысле истина требует искренности: если я откровенно признаюсь, что люблю нечто, я не могу ошибаться — это истина (для меня). Продолжая аналогию, если мы (в роли общества) одобряем смертную казнь, это морально оправдано (для нас) и нам не стоит в этом сомневаться. И если мы не пытаемся убедить людей отказаться от любви к помидорам и не критикуем их за эту привязанность, то и в случае морали подобная критика неуместна. Но на деле наша нравственная жизнь полна осуждений и конфликтов, и мы привычно занимаем жесткую позицию по некоторым вопросам, как, например, смертная казнь. Иногда мы можем даже вступать в конфликт *сами с собой*: я могу изменить точку зрения относительно некоторых вопросов морали, мы все вместе можем изменить позицию — как, например, случилось с проблемой рабства. Ярым релятивистам пришлось бы признать: то, что верно для одного, не годится для остальных, или истинное для меня (или всех нас) сейчас перестанет быть таковым потом. И в случае с рабством, женским обрезанием, узаконенным убийством младенцев и т. п. релятивистам пришлось бы проглотить эту горькую пилюлю.

Неспособность релятивизма принять во внимание аспекты, характерные для морали нашей нынешней жизни, обычно рассматривается как решающий удар против него, но релятивисты могут попытаться обернуть дело в свою пользу. Они будут настаивать, что не следует критиковать и осуждать других. Урок, преподанный грекам и каллатам, означает, что мы должны быть более толерантны, более открыты и объективны, более чутки к чужим обычаям и манерам. Следуя этой логике, многие ассоциируют релятивизм с толерантностью и объективностью, а не-релятивистов изображают нетерпимыми ко всему, отличающемуся от привычного им. В крайнем проявлении это можно представить в виде карикатурной

1962

Концепция Куна о смене парадигмы предполагает, что наука не свободна от релятивизма

2005

Папа Бенедикт XVI осуждает «диктатуру релятивизма»

«Что есть мораль в определенном времени и месте? Это то, что нравится большинству там и тогда, а аморально то, что им не нравится»

Альфред Норт Уайтхед, 1941

толерантность и культурную чуткость в качестве универсальных ценностей!

Познавая в перспективе Абсурдность тотального релятивизма и опасность его широкого одобрения в качестве политической мантры порой закрывают собой глубинный смысл, содержащийся в его более сдержанных формах. Самый важный урок релятивизма заключается в том, что знание само по себе перспективно: мы всегда смотрим на мир под определенным углом, с определенной точки. Не существует

картинки западного империалиста, высокомерно навязывающего собственные культурные взгляды прочему невежественному миру. Но на деле нет никакого противоречия в том, чтобы сохранять толерантность по общим проблемам, но при этом полагать, что в некоторых вопросах другие люди или другие культуры могут ошибаться. В действительности релятивист страшно боится, что именно нерелятивист сумеет продемонстрировать

Заткнуть за пояс релятивизм

Строгий или радикальный релятивизм — при котором все нормы (моральные и не только) относительны — довольно быстро приводит к затруднительным положениям. А что, если сама идея об относительности всех норм относительна? С этим придется согласиться во избежание противоречий; но если это так, тогда мое заявление, что все нормы абсолютны, оказывается истинным для меня. Подобного рода непоследовательность стремительно проникает во все сферы. Релятивист не может утверждать, что всегда неверно критиковать культурные установления других народов, и, значит, для меня это тоже справедливо. Он также не может настаивать, что всегда правильно сохранять толерантность

и объективность, и это может дать право какому-нибудь тирану растоптать любые проявления недовольства. В целом релятивизм не в состоянии последовательно и искренне мотивировать собственную позицию.

Саморазрушительная природа радикального релятивизма была отмечена в самом его зарождении еще Платоном, который продемонстрировал противоречия релятивистской позиции софиста Протагора (в диалоге его имени). Вывод из всего этого — рациональная дискуссия зависит от наличия некой общей почвы; мы должны согласиться хоть в чем-то, чтобы содержательно взаимодействовать. Но именно эта общность отвергается радикальным релятивизмом.

Все дозволено?

«Сегодня скрытым коварным препятствием на пути развития образования стало засилье в нашем обществе и культуре релятивизма, который, не признавая определенности ни в чем, оставляет единственный критерий: эго с его стремлениями. Но эта иллюзия свободы становится тюрьмой для каждого, поскольку разделяет людей, запирая человека в клетке его собственного “эго”».
Папа Бенедикт XVI, июнь 2005

В последние несколько десятилетий идея релятивизма приобрела политическую и социальную важность, выйдя за рамки своего первоначального значения. Из представления о том, что не существует абсолютных истин, — «все относительно» —

идея трансформировалась в концепцию равенства ценностей и вытекающего отсюда вывода «все дозволено». По крайней мере, в наличии подобных взглядов верят различные реакционные силы, в том числе некоторые представители Католической церкви, объясняющие моральную (особенно сексуальную) распущенность и социальные проблемы господством релятивистских воззрений. С другой стороны, некоторые либертарианцы рады, не затрудняя себя логическими рассуждениями, превратить мотив «все дозволено» в политическую мантру. Так и существуют вместе эти противоположности — восторг с одной стороны, ужас с другой, — а между ними испуганно съезжился релятивизм.

выгодной внешней позиции, с которой мы можем наблюдать мир «как он есть» или «что он вообще есть». Это мнение часто объясняют в свете концептуальных схем или рамок: проще говоря, мы можем воспринимать лишь образ реальности в наших концептуальных рамках, которые определяются сложной комбинацией факторов, в том числе и нашими культурно-историческими особенностями. Да, мы не можем выйти за границы собственной концептуальной схемы и объективно взглянуть на вещи — «глазами Бога», — но это вовсе не означает, что мы вообще не можем ничего познать. Точка зрения — это точка зрения на *что-то*, и, сравнивая различные взгляды, мы можем надеяться объединить их и создать объемное представление, более полную, «стереоскопическую» картину мира. Этот благостный образ предполагает, что движение в направлении понимания должно происходить в сотрудничестве, взаимодействии, обмене идеями и мнениями: вот в чем исключительно позитивная функция релятивизма.

В сухом остатке Все относительно?

14 Теория Божественной Воли

Вопросы истинного и ошибочного, добра и зла, добродетели и греха — все это вещи, которые действительно беспокоят нас. Аборты, эвтаназия, права человека, отношение к животным, исследования стволовых клеток... бесконечный список опасных и крайне важных тем. Порой этика представляется огромным минным полем, на котором в любой момент есть опасность сделать неверный шаг, и каждая ошибка может обойтись слишком дорого.

Парадоксально, но многим людям размышления над вопросами морали даются легко и непринужденно, как прогулка в парке. В сознании миллионов людей мораль неразрывно связана с религией: то или иное действие верно или неверно по той простой причине, что Бог (или просто бог) установил, что так быть должно; добро есть добро, а зло есть зло исключительно потому, что так повелел Бог.

В каждой из трех «религий Книги» — иудаизме, христианстве и исламе — система морали основана на «Божественной воле»: Бог распоряжается, человек подчиняется. Бог определяет для верующих систему моральных ограничений; подчинение им означает добродетель, нарушение — грех. Подобная структура этики, начертанная рукой самого Господа, должна отмечать все опасения, сопровождающие субъективистские соображения о морали и главное мучительное подозрение: а вдруг мы сами придумываем правила, которым следуем?

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

XIV–XIII вв. до н. э.

Согласно Писанию, на горе Синай Бог даровал Моисею Десять Заповедей

около 375 до н. э.

Теория Божественной воли

«Никакая мораль не может быть основана на власти и авторитете, даже если это Божественная власть»

А. Дж. Айер, 1968

Дилемма Евтифрона В отсутствие Бога теория Божественной воли, разумеется, немедленно терпит крах, но, даже если допустить его существование, остается много серьезных проблем, угрожающих целостности концепции. Самая грозная из них, пожалуй, так называемая дилемма Евтифрона, впервые сформулированная Платоном примерно 2400 лет назад в диалоге «Евтифрон». Сократ (устаами которого говорит Платон в этом диалоге) вовлекает молодого человека по имени Евтифрон в дискуссию о природе благочестия. Они соглашаются в том, что благочестие «угодно

Понимание воли Божьей

Те, кто хотел бы объяснить моральные нормы Божьей волей, сталкиваются, помимо дилеммы Евтифрона, еще с одной серьезной трудностью: различные религиозные тексты, посредством которых воля Господа стала известна людям, содержат множество противоречащих друг другу и/или довольно неприятных утверждений. Известный фрагмент из Библии, книга Левит (20:13), гласит: «Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость; да будут преданы смерти, кровь их на них». Если Библия — это слово Господа, и слово это определяет, что есть мораль, наказание сексуально активных гомосексуалистов морально оправдано. Но большинство людей сегодня сочли бы подобные взгляды отвратительными, и в любом случае это противоречит запретам, изложенным в других местах Библии (один из очевидных — «не убий»). Так что сторонникам теории Божественной воли непросто, используя указания самого Бога, построить адекватную внутренне непротиворечивую систему морали.

IV в. до н. э.

Платон сформулировал «дилемму Евтифрона»

1739

Гильотина Юма

Без вести пропавший?

Самая большая опасность для теории Божественной воли кроется в возможности утратить того, кто изъявляет эту волю: мы можем сомневаться в существовании Бога, несмотря на разнообразные аргументы, предъявляемые в доказательство, и можем не воспользоваться преимуществами веры (см. с. 172). Но негибкие адвокаты этой теории искусно поворачивают угрозу в свою пользу, используя ее как подтверждение существования Бога:

1. Существует такая вещь, как мораль, — у нас есть система этических законов/запретов.
2. Бог — единственный кандидат на роль автора этих законов/запретов. Следовательно —
3. Бог существует.

Впрочем, такая логика рассуждений едва ли убедит оппонентов. Первый пункт, предполагающий, что мораль есть нечто, существующее независимо от человека, поднимает один из основных вопросов. И даже допуская, что мораль действительно существует независимо от нас, второй пункт принимает на себя всю тяжесть нападения Евтифрона.

богам», но затем Сократ предлагает ключевой вопрос: выбирают ли боги добро, потому что оно благое, либо же добро благое, потому что выбрано богами? Эта дилемма (обычно формулируемая в монотеистической терминологии) ставит под сомнение теорию Божественной воли.

Итак, добро является добром по распоряжению Бога или Бог дает такое распоряжение, потому что добро — это добро? Ни та ни другая версия не устраивает сторонников теории. Рассмотрим первый вариант: убийство (допустим) является злом, потому что так постановил Бог, но все могло быть и наоборот. Бог мог определить, что убийство — это нормальное или даже обязательное действие, и так оно и было бы — просто потому, что такова его воля. Согласно этому толкованию выходит, что следование религиозным предписаниям не многим отличается от слепого подчинения деспотической власти. Может, другой вариант лучше? Не слишком. Если Бог распорядился считать добром то, что и так является добром, следовательно, его качества не зависят от Бога. В лучшем случае Бог выступает в роли посланника, передающего этические предписания, но не является их источником. А мы могли бы обратиться прямо к источнику, радостно отбросив всяких посланцев. Бог нам не нужен, по крайней мере, в роли

«Боги любят праведника, потому что он праведник, или он праведник, потому что возлюблен богами?»

Платон, около 375 г. до н. э.

творца норм морали. Итак, когда дело касается нравственности, Бог либо деспот, либо вообще ни при чем. Нелегкий выбор для тех, кто стремится сделать Бога официальным гарантом своей этики.

Распространенное возражение дилемме Евтифрона — утверждение, что «Бог есть добро» и, следовательно, не может побуждать ко злу. Но здесь существует риск попадания в ловушку нелогичности. Если «добро» означает «установленное Богом», то понятие «Бог есть добро» теряет всякий смысл — получается, что «Бог таков, потому что подчиняется своим собственным распоряжениям».

Возможно, разумнее понимать эту фразу так: «Бог есть (то же самое, что) добрый (добро)», и, таким образом, его установления неизбежно будут добрыми. Но если Божественность и доброта суть одно и то же, утверждение «Бог добрый» бессмысленно: мы продолжаем блуждать во тьме по замкнутому кругу, — вероятно, это еще один пример любви Бога к неисповедимости его путей.

В сухом остатке
Потому что так
повелел Бог

15 Теория фуу/ура

И пробыл там Моисей у Господа сорок дней и сорок ночей, хлеба не ел и воды не пил; и написал на скрижалях слова завета, десятисловие:

«Ура! Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.

Фуу! Не делай себе кумира.

(далее следуют пять пунктов “фуу!” и два “ура!”; а потом...)

Фуу! Не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».

Так повелел Господь, согласно эмотивизму, или этической «теории фуу/ура». В таком изложении эмотивизм может показаться не слишком серьезной попыткой демонстрации силы этических притязаний, и это ощущение, несомненно, усиливается ироническим названием теории. В действительности эмотивизм — очень серьезная теория, с долгой славной историей, рожденная глубочайшей озабоченностью тем, *что именно можно считать более естественным пониманием нашей морали.*

Сдвиг к субъективизму В мире множество очень разнообразных, но объективно истинных фактов, чья подлинность не зависит от нас. Некоторые из них — научного характера, описывают физические явления, процессы и реакции; другие — морального, о том, что в мире происходит правильно и неправильно, что считать дурным, а что хорошим. Возможно, для определения подобных вещей достаточно здравого смысла, но философам такая точка зрения не кажется привлекательной.

Рассудок, раб страстей

Главным вдохновителем современного субъективизма стал шотландский философ Дэвид Юм с его знаменитым текстом в защиту субъективистской морали в «Трактате о человеческой природе»:

«Возьмем любой предположительно порочный поступок: к примеру, убийство Уилфула. Рассмотрим его со всех точек зрения и попробуем обнаружить факт или явление, которые можно назвать безусловно дурными. Но, с какой стороны ни взгляни, вы обнаружите лишь страсти, мотивы, желания и мысли. Никаких фактов. Зло определяется вами в момент вашего наблюдения за объектом. И его не существует, пока вы не заглянете в собственное сердце, где найдете возмущение и гнев по поводу

совершившегося. И вот это уже неоспоримый факт; но он имеет отношение к вашим чувствам, а вовсе не к разуму. И кроется внутри, а вовсе не в окружающем мире».

Сам Юм полагал, что в своих поступках люди руководствуются «нравственным ощущением», или «симпатией», каковая, по сути, есть способность ощущать радость и страдания других; именно это чувство, а вовсе не разум лежит в основе нравственности и морали. Разум играет роль в понимании последствий наших поступков и в рациональном планировании путей достижения определенных целей, но сам по себе он не способен быть побудительной силой. Как сказал Юм: «Разум есть и должен быть только рабом страстей».

Возьмем, к примеру, такой факт: убийство — это плохо. Мы можем описать акт убийства поминутно; объяснить, с использованием массы физиологических и психологических подробностей, как и почему оно произошло. Но какие качества или свойства мы должны добавить, чтобы отнести это событие к неправильным с точки зрения морали? Мы утверждаем, что убийство — это то, чего не следует делать, то есть среди множества обстоятельств, связанных с убийством, существует еще некое присущее ему специфическое свойство «не-должно-делания». Ошеломленные полной абсурдностью существования подобного

«Нет ни добра, ни зла, такими делают их мысли»

Уильям Шекспир, около 1600

1952

В «Языке морали» Р. М. Хэар излагает основы прескриптивизма

1964

А. Дж. Айер отстаивает идеи эмотивизма

Прескриптивизм

Самая распространенная критика эмотивизма такова: он не в состоянии увлечь логикой этического дискурса — основными примерами рассуждений и их рациональными аргументами. Успех в этом отношении — одна из основных рекомендаций конкурирующей субъективистской теории, известной как прескриптивизм. Она ассоциируется с именем английского философа Р. М. Хэара. Принимая в качестве исходного пункта утверждение, что моральные принципы имеют предписывающий элемент — они предписывают нам, как поступать и как себя вести, — прескриптивизм предполагает, что суть моральных принципов в их руководящей роли; сказать, что убивать плохо, равнозначно приказу «Не убий!». По мнению Хэара, суть этических суждений, отличающих их от прочих предписаний, в их «универсальности»: озвучивая моральный запрет, я тем самым признаю, что данный запрет обязателен для всех (включая меня) в сходных обстоятельствах (то есть я должен следовать «золотому правилу», о котором будет сказано далее). Моральные терзания, утверждают прескриптивисты, аналогичны противоречивым приказам; противоречивость и нерешительность объясняются наличием нескольких запретов, которым невозможно следовать одновременно. В этом смысле прескриптивизм оставляет больше места для дискуссий, чем эмотивизм, хотя нельзя сказать, что он в полной мере отражает весь комплекс проблем нравственного диалога.

свойства в нашем мире (мире, лишенном оценок, который описывает наука; см. с. 132), философы предлагают заменить тезис о наличии объективных моральных систем неким субъективным мнением, отражающим положение дел в мире.

От описания к эмоциям

Согласно наивному субъективистскому взгляду, постулаты морали — это лишь описания наших чувств по отношению к обстоятельствам. Когда я говорю «Убийство — это плохо», я просто заявляю о своем (или, возможно, моего окружения) неодобрении данного факта. Но это слишком примитивно. Если я скажу «Убийство — это хорошо», всего лишь описывая собственное отношение к нему, это тоже может считаться истиной. Следовательно, требуется более продуманный подход.

Эмотивизм (или экспрессивизм) — теория фуу/ура — более утонченная форма субъективизма, предполагающая, что моральные суждения — это не описания или констатация наших чувств, но выражение их. То есть, когда мы выносим суждение, мы генерируем эмоциональный ответ — наше одобрение («ура!») или несогласие («фуу!»). «Убийство — это плохо» суть выражение нашего неодобрения («фуу убийству!»); «говорить правду — хорошо» — выражение одобрения («ура честности!»).

Проблема эмотивистов в том, что им нужно привести свои теории

в соответствие с нашими представлениями, сопровождающими моральный дискурс. Этот дискурс предполагает наличие внешнего мира объективных ценностей: мы размышляем о нравственных проблемах и спорим о них; обращаемся к фактам, чтобы разрешить эти проблемы; провозглашаем этические нормы, которые могут быть как подлинными, так и ошибочными; абсолютная моральная истина, к которой мы стремимся, существует. Но, если верить эмотивистам, нам нет нужды познавать этику — достаточно лишь выражать чувства, а непосредственное выражение, разумеется, не может быть истинным или ложным. Эмотивисты допускают возможность обсуждения и дискуссии о наших представлениях и мотивах действий, но это мало напоминает привычные нам дебаты на этические темы. Недостает логической связи между постулатами, а выводы напоминают упражнения в риторике — реклама нравственности, как кто-то саркастически заметил.

Разумнее всего в ответ смириться, мужественно стиснув зубы: да, скажут эмотивисты, теория не соответствует нашим привычным представлениям, но это лишь потому, что неверны представления, а не теория. Согласно «теории ошибки» привычный нравственный дискурс неверен, поскольку основан на так называемых объективных моральных факторах, которых в действительности не существует. Было предпринято множество попыток приблизить эмотивистскую картину к реальному этическому дискурсу, но, поскольку между ними по-прежнему зияет огромная пропасть, предлагаются иные подходы, важнейшим из которых является прескриптивизм.

«Я не знаю, как опровергнуть аргументы о субъективности этических норм, но сам лично не способен поверить, что распутство и жестокость порочны лишь потому, что мне они не нравятся»

Бертран Рассел, 1960

В сухом остатке
Выражение
нравственного суждения

16 Цели и средства

«Мистер Келч не был до конца уверен, есть ли у акул губы, а если есть, облизывают ли они их; но не сомневался, что если акулам в принципе свойственны такие действия, то именно этим они сейчас и занимаются. Воздушный шар стремительно падал в море, и он отчетливо видел грозно рассекающие воду плавники собирающихся к обеду гостей...»*

* Персонажи популярных рассказов Фрэнка Ричардса (наст. имя — Чарлз Хэмилтон), публиковавшиеся в журнале «Мэгэзин» с 1908 по 1940 год.

...Мистер Келч понимал, что через пару минут он сам и лучшие ученики “Грейфрайрз” станут пищей для акул, если не сбросить за борт балласт. Но все, что можно, уже выбросили из корзины — остались только он и шестеро мальчиков. Совершенно очевидно, что только Бантер весит достаточно, чтобы спасти ситуацию. Прискорбно для Жиртреста, но другого выхода нет...

“О боже... эй, парни... слушайте, если вы меня хоть пальцем тронете, я... Аааааа!”»

Предположим, Келч абсолютно верно оценил ситуацию. Действительно, существовало только два варианта: все шесть человек (включая Бантера) и сам Келч падают в море, и акулы разрывают их в клочья — или за борт на съедение акулам выбрасывают одного Бантера. Для самого Бантера, который погибает в любом случае, особой разницы нет, если не считать неприятного момента собственно сброса и полета; но, избавившись от толстого мальчишки, Келч спасает себя и еще пять человек. Так правильно ли будет пожертвовать Бантером? И правда ли цель (спасение нескольких невинных жизней) оправдывает средства (прекращение одной невинной жизни)?

Самолет со 120 пассажирами на борту потерял управление над густо населенным районом. Времени на эвакуацию нет, падение самолета приведет к гибели тысяч людей. Единственный выход — сбить самолет. Вы готовы это сделать?

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 1260

Действие и бездействие

1739

Гильотина Юма

Этические разногласия Подобные решения, касающиеся жизни и смерти, вовсе не плод фантазии. Порой люди оказываются в ситуациях, когда необходимо пожертвовать одним человеком или даже несколькими — а в крайних случаях даже убить их, — чтобы спасти многих. Именно такие случаи проверяют на прочность нашу интуицию, раздираемую противоречиями.

Эта фундаментальная неопределенность отражена в диаметрально противоположных философских подходах к разрешению данной дилеммы. Разнообразные теории при ближайшем рассмотрении оказываются по одну из сторон от главного «геологического разлома» этики — отделяющего «теории долга» (деонтологические) от «теорий последствий» (консеквенциалистских).

Консеквенциализм и деонтология Различия между консеквенциализмом и деонтологией легко продемонстрировать в понятиях цели и средств. Консеквенциалист полагает, что вопрос о правильности или неправильности поступка должен решаться в свете его последствий; любое действие — это лишь средство достижения определенной цели, и его этичность определяется эффективностью осуществления поставленной задачи. Цель сама по себе — это некое состояние дел (как состояние счастья, к примеру), которое достигается путем осуществления различных действий. Выбирая между подходящими вариантами поведения, консеквенциалист оценивает положительные и отрицательные последствия и на этом основании принимает решения. В случае с Бантером консеквенциалист, скорее всего, рассудит, что положительный итог, состоящий в спасении нескольких жизней, оправдывает гибель одного человека.

Цель может оправдывать средства до тех пор, пока существует нечто, оправдывающее цель

Лев Троцкий, 1938

Сиамские близнецы погибли в течение нескольких месяцев, если их не разделить хирургическим путем. В результате операции одного из близнецов наверняка ждет здоровая полноценная жизнь, но второй при этом неминуемо умрет. Вы приступаете к делу? (Вы решитесь на это, даже если родители не дадут согласия?)

1785

Категорический императив Канта в «Основах метафизики нравственности»

1789

Утилитаризм Иеремии Бентам

Пациент А безнадежно болен и, безусловно, умрет в течение недели. Но его сердце и почки в прекрасном состоянии и идеально подходят для пересадки пациентам В и С, которые, определенно, умрут еще раньше, чем он, если не получат донорских органов, но в случае трансплантации прогноз у них исключительно благоприятный. Других доноров не существует. Готовы ли вы убить пациента А (с его разрешения, без его разрешения?), чтобы спасти пациентов В и С?

Офицер гестапо собрал 10 детейшек и грозит расстрелять их, если вы не откроете имя и местонахождение шпиона. Вы вообще ничего не знаете о шпионаже, не говоря уже о конкретной личности разведчика, но вы абсолютно уверены, что офицер этому не поверит и обязательно приведет угрозу в исполнение. Вы готовы назвать кого-то — кого угодно — чтобы спасти детей? (И как вы решите, кого именно?)

Деонтологическая система, напротив, не соотносит средства с результатом, но оценивает их свойства независимо. Действия имеют присущие им собственные качества, не являясь лишь инструментом достижения желаемого финала. Деонтологист может посчитать, что убийство невинного человека является безусловно дурным поступком:

Цель оправдывает средства

В обыденном сознании средства могут быть оправданы только целью, так как первое есть способ достижения последнего. То есть средства оправданы (признаны таковыми) самим фактом достижения намеченной цели. Проблема возникает — и довольно зловещая, — когда выбрана неподходящая цель и выбор сделан в свете идеологии или догмы. Если политический идеолог или религиозный фанатик определяет цель, не учитывающую интересы остальных людей, это прямой путь к тому, чтобы его последователи признали морально приемлемыми любые средства для ее достижения.

вышвыривание Бантера из корзины шара не будет оцениваться положительно, независимо от последствий этого действия.

Случай Билли Бантера может показаться надуманным, но в реальной жизни иногда возникают неприятные дилеммы подобного рода. Все примеры, приведенные в этой главе, похожи — по крайней мере, в части этической проблемы, которую они поднимают, — на подлинные истории, которые уже происходили и наверняка еще когда-нибудь произойдут.

Самая известная из консеквенциалистских теорий — утилитаризм; самая влиятельная деонтологическая система разработана Кантом.

Вы вместе с другими пассажирами и экипажем маленького самолета выжили в результате катастрофы и оказались далеко в пустынной горной местности. Здесь нет никакой еды, у вас никаких шансов выбраться отсюда самостоятельно, а спасатели доберутся до вас только через несколько недель. Но к тому времени все вы точно умрете от голода. Плоть одного из пассажиров поможет остальным продержаться до прихода помощи. Вы готовы убить и съесть одного из своих спутников? (И как вы будете выбирать?)

В сухом остатке Самый плохой вариант

17 Машина ИЛЛЮЗИЙ

Представьте, что существует машина, способная создать любое ощущение по вашему желанию. Хитрые нейропсихологи могут воздействовать на ваш мозг, и в результате вы почувствуете себя писателем, работающим над величайшим романом, или испытаете радость от знакомства с новым интересным человеком или от прочитанной книги. А на самом деле вы плаваете в резервуаре с физраствором, а в мозг вам воткнуты электроды. Подключитесь ли вы к такой машине, заранее на всю жизнь запрограммировав все, о чем когда-либо мечтали? Разумеется, при условии, что вы никогда не узнаете, как в действительности бултыхаетесь в резервуаре, и все, происходящее в вашем сознании, будет для вас абсолютно реально... Подключитесь? Имеет ли для нас значение что-нибудь, кроме нашего собственного восприятия окружающего мира?

Автор данного мысленного эксперимента, предложенного в 1974 году, американский философ Роберт Нозик считает, что ответы на эти вопросы соответственно «Нет, не подключусь» и «Еще как имеет». На первый взгляд машина ощущений очень похожа на бочку Патнэма (см. с. 4). Обе концепции описывают виртуальную реальность, совершенно не отличимую (по крайней мере, изнутри) от реального мира. Но если Патнэм исследовал саму ситуацию

«Выбирая между горем и ничем, я выбираю горе»

Уильям Фолкнер, 1939

«мозга в колбе» и ограничения скептицизма, Нозика в первую очередь интересует проблема выбора: решится ли человек на подключение к машине и, если да, какие выводы можно сделать на основании его решения?

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 1260

Действие и бездействие

конец XVIII в.

Иеремия Бентам сформулировал принципы классического утилитаризма

Итак, выбор между виртуальной жизнью, полной удовольствий, где исполняется каждое ваше желание и стремление, и жизнью настоящей, полной разочарований, неудач, в которой даже успех почти всегда оказывается неполным, а мечты не сбываются почти никогда. Несмотря на очевидную привлекательность «генератора иллюзий», большинство людей, по мнению Нозика, предпочтут *не* подключаться к этой фантастической машине.

Реальность жизни важна сама по себе: мы хотим совершать действия, а не только испытывать удовольствие от этого процесса. Если бы удовольствие было единственным определяющим фактором, единственным источником радости в жизни, вопрос такого выбора вообще не стоял бы — очевидно, что в смысле удовольствия машина предпочтительней. Но если большинство людей все же отвергают этот вариант, значит, заключает Нозик, существует нечто иное, помимо удовольствия, что считается действительно важным.

Классический утилитаризм Вывод Нозика подрывает основу любой гедонистической (основанной на концепции удовольствия) этической теории, и особенно утилитаризма, — по крайней мере, в классической формулировке, предложенной в XVIII веке его основателем Иеремией Бентамом. С точки зрения утилитаризма любое действие оценивается как правильное или неправильное в зависимости от того, насколько оно способствует улучшению человеческого состояния, в зависимости от его «полезности». Со времен Бентама было предложено несколько определений «полезности», но он имел в виду удовольствие или счастье, и его этическую теорию часто сводят к формуле «наибольшее счастье для наибольшего количества людей».

Утилитаризм не стесняется выводов, не совпадающих с общепринятыми представлениями (см. с. 64). Один из главных аргументов Бентама заключался в том, что данная теория позволяет создать рациональную научную основу для решения этических и социальных проблем, в отличие от хаотичных и непоследовательных интуитивных представлений, лежащих в основе так

«Природа поставила человека под управление двух верховных властителей — страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать»

Иеремия Бентам, 1785

1861

Эссе Милля «Утилитаризм» уточняет теорию Бентама

1974

«Машина иллюзий» Роберта Нозика

2003

Аргумент симулятора предполагает, что все мы, возможно, давно живем в виртуальном мире

Виды утилитаризма

Утилитаризм — самая значительная разновидность консеквенциализма, системы взглядов, согласно которой действия должны оцениваться как правильные или неправильные в свете их последствий (с. 66). В случае утилитаризма ценность действия определяется по степени его «полезности». В классическом (гедонистическом) утилитаризме Бентама и Милля полезность приравнивается к удовольствию, но с тех пор концепция неоднократно модифицировалась и расширялась. Все современные формы утилитаризма признают, что счастье человека зависит не только от удовольствий, но также от удовлетворения широкого спектра потребностей и стремлений. Некоторые теоретики даже предложили расширить концепцию, включив в нее любые формы разумной жизни, а не только человечество.

Практическое применение утилитаризма также интерпретируется по-разному. Согласно **непосредственному утилитаризму**, или **утилитаризму действия**,

каждый поступок оценивается непосредственно как его вклад в общую пользу. С другой стороны, согласно **утилитаризму правил**, подходящий способ действий определяется на основании правил, которые обеспечат полезность. Например, убийство невинного человека может в определенных обстоятельствах привести к спасению множества жизней и оказаться полезным; таким образом, с точки зрения утилитаризма действия это являлось бы правильным поступком. Но, как правило, убийство ни в чем не повинных людей уменьшает общую полезность, поэтому утилитаризм правил полагает тот же самый поступок неправильным, хотя тот и может иметь положительные последствия при определенных условиях. Таким образом, утилитаризм правил оказывается ближе к нашим повседневным, интуитивным представлениям о морали, хотя большинство твердокаменных утилитаристов не одобряют этот подход, считая его спорным и недостаточно последовательным.

называемого естественного права. В качестве такой научной основы Бентам предложил *«felicific calculus»*, «исчисление счастья», согласно которому мера удовольствия и боли, вызванных определенными действиями, может быть измерена и подвергнута сравнению; далее правильность действия может быть определена с помощью простой арифметики. Таким образом, для Бентама одно удовольствие отличается от другого интенсивностью и длительностью, но качественных различий между ними нет. Эта монолитная концепция удовольствия оказывается очень уязвима в связи с выводами Нозика. Принимая во внимание бескомпромиссность Бентама, можно предполагать, что

почтенный философ с радостью разгромил бы интуитивные предположения и мысленные эксперименты Нозика. Впрочем, Дж. С. Милль, еще один из основателей утилитаризма, готов был пойти на компромисс, чтобы сгладить наиболее острые грани теории.

Возвышенные и низменные удовольствия Критики поспешили указать, насколько ограничена предложенная Бентамом концепция морали. Предположив, что в жизни нет ничего важнее удовольствия, он попросту отбросил все, что мы сочли бы безусловно значимым, — знание, честь, успех. Бентам предложил «доктрину, достойную только свиней» (так заклеил ее Милль). Сам Бентам в восхитительной манере решительно парировал: «Если отбросить предассудки, — игра в пятнашки не менее ценна, чем искусство, наука, музыка или поэзия». Иными словами, если популярная игра создает больше счастья для большего числа людей, она имеет большую ценность, чем утонченные высокоинтеллектуальные развлечения.

Милля не устраивала категоричность Бентама, и он стремился модифицировать утилитаризм, сделать его менее уязвимым для критики.

В придачу к двум составляющим меры счастья Бентама, длительности и интенсивности, Милль добавил третью переменную — качество, — создав тем самым иерархию «возвышенных» и «низменных» удовольствий. Некоторые удовольствия — «духовные» и «интеллектуальные» — по природе своей «выше» простых радостей плоти и обладают большей ценностью при исчислении полезности. В соответствии с этой концепцией Милль вынужден был признать, что «лучше быть несчастным Сократом, чем счастливым глупцом». Этот компромисс, однако, недешево обошелся утилитаризму. По меньшей мере, одно из главных достоинств схемы Бентама — простота — было утрачено (хотя практическое исчисление счастья в любом случае было бы достаточно сложным). Более того, разделение удовольствий на «возвышенные» и «низменные» требует критерия, позволяющего их оценивать. Если нечто, помимо удовольствия, является значимым для идеи Милля о полезности, это может отчасти способствовать разрешению проблемы, поднятой Нози́ком. Но тогда возникает вопрос, можно ли вообще считать его теорию утилитаризмом.

Любое действие верно настолько, насколько оно способствует счастью, и неверно настолько, насколько оно способствует его противоположности

Дж. С. Милль, 1859

**В сухом остатке
Одного только счастья
достаточно?**

18 Категорический императив

Вам известно, что некая Кристина хочет убить вашу подругу Марию, которую вы только что видели сидящей в баре. Кристина спрашивает у вас, не знаете ли вы, где находится Мария. Если вы скажете правду, она разыщет Марию и убьет ее. Если соврете и скажете, что видели, как пять минут назад Мария ушла, Кристина потеряет след и Мария останется в живых. Что же делать? Сказать правду или солгать?

На первый взгляд вопрос звучит безумно. Правдивый ответ приведет к роковому итогу. Конечно, следует солгать — это же ложь во спасение, подумаете вы. Но с точки зрения Иммануила Канта, одного из самых влиятельных и, как считают некоторые, величайших философов за последние 300 лет, этот ответ неверный. «Не лги», согласно Канту, — фундаментальный принцип морали, «категорический императив»: принцип, которого в обязательном порядке следует придерживаться, независимо от обстоятельств и последствий. Непоколебимая верность долгу вкупе с лежащим в ее основе категорическим императивом — основа кантовской этики.

Гипотетический и категорический императивы

Чтобы объяснить, что такое категорический императив, Кант для начала объясняет, чем он не является, сравнивая его с *гипотетическим* императивом. Например, я приказываю вам (императив): «Прекратите курить!» Подразумевается, что к этому императиву может быть подключена цепочка условий: «если хотите сохранить здоровье» или «если не хотите напрасно тратить деньги». Соответственно, если здоровье и деньги вас не волнуют, приказ этот не имеет для вас никакого значения и его можно проигнорировать. Категорический же императив не подразумевает никаких «если», ни явных, ни скрытых.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 30

Золотое правило

Плевать на последствия!

Кантианская этика, парадигматическая и деонтологическая (основанная на долге), оказала огромное влияние на последующие этические теории, создатели которых либо последовательно развивали идеи Канта, либо яростно с ними боролись. Самому Канту его ранние оппоненты предложили проблему, весьма похожую на вышеописанный

случай Марии и Кристины. Но он твердо придерживался идеи категорического императива, утверждая, что необходимо быть правдивым при любых обстоятельствах, даже ценой человеческой жизни. Идея долга, который превышает всего, несмотря на последствия, привела Канта к созданию системы морали, невообразимо далекой от консеквенциализма.

«Не лги!» и «Не убивай!» не зависят от ваших целей, потребностей и желаний, и подчиняться им необходимо всегда и без всяких условий.

Категорический императив, в отличие от гипотетического, представляет собой нерушимый закон морали.

С точки зрения Канта, в основе каждого действия лежит определяющее правило, или «максима». Такие максимы могут принимать форму категорического императива, но не являются при этом моральными законами, поскольку сами не проходят проверку высшим, общим категорическим императивом:

Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом.

Иными словами, действие морально приемлемо, только если оно соответствует правилу, которое можно всегда и везде применять к себе и окружающим (фактически вариант «золотого правила», см. с. 76). Например, мы можем предложить максиму, согласно которой ложь приемлема. Но ложь возможна только при наличии (хотя бы в некоторой степени) правды; если бы все постоянно лгали, никто бы никому не верил, и потому было бы странно, неразумно и в некотором смысле самоубийственно желать превратить ложь во всеобщий закон. То же самое и с воровством, ибо

оно предполагает наличие собственности; если бы воровали *все*, сама концепция собственности была бы бессмысленна. Нарушение обещаний подразумевает некоторый институт исполнения данного кому-либо слова, и так далее.

Требование универсальности, таким образом, логически исключает некоторые виды поведения, но есть и множество других, которые можно было бы считать универсальными, но мы по тем или иным причинам не желаем принимать их в качестве нерушимых законов морали. «Всегда заботься о своих интересах», «нарушай обещания, если это сойдет тебе с рук» — нет ничего нелогичного или иррационального в стремлении превратить подобные принципы в законы. Как же Кант избегал этой опасности?

Свобода воли и чистый разум Требования категорического императива придали кантианской этике рациональную структуру, но задача заключалась в том, чтобы наполнить эту логическую структуру собственно моральным содержанием — объяснить, как «чистый разум», без эмпирической поддержки, может направлять и определять поведение индивида. Ответ лежит в ценности морали самой

Мизантроп

Канта часто насмешливо изображали таким законченным архетипическим философом, запершимся в своей «башне из слоновой кости» и погруженным в мрачные тевтонские метафизические размышления. Такой образ поддерживается лишь тем фактом, что всю свою долгую жизнь Кант прожил холостяком в родном Кенигсберге, ни на день, видимо, его не покинув.

Мрачных тонов добавляют и суровый аскетизм философии Канта, и дьявольски трудный язык его сочинений. Порой Кант сам провоцировал своих противников; один из самых известных примеров — его размышления о сексе, напоминающие (как заметил философ Саймон Блэкберн) описание группового изнасилования:

Плотская любовь сама по себе — это деградация человеческой природы; стоит индивиду стать объектом appetitов другого индивида, как все мотивы моральных отношений теряют значение, потому что в качестве объекта appetitов другого индивида человек становится вещью и может быть использован в качестве таковой всеми остальными.

Но даже если для карикатурных представлений о «мрачном философе» есть реальная основа, это никоим образом не отменяет окончательного вердикта: Кант — один из наиболее оригинальных и влиятельных мыслителей в истории философии; его идеи и мысли стали точкой отсчета современной этики, эпистемологии и метафизики.

по себе — ценности, основанной на «едином высшем моральном принципе»: свобода воли, подчиняющаяся законам, которые она налагает сама на себя. Высший смысл независимой, свободной воли личности отражает вторая великая формула категорического императива:

Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, но никогда не относился бы к нему только как к средству.

Признав бесспорную ценность своей собственной свободной воли, необходимо распространить уважение на других. Нельзя обращаться с другими людьми, как со средством достижения своих целей, поэтому эгоистические максимы противоречат категорическому императиву и не могут считаться законами морали. В сущности, здесь идет речь о признании основных естественных прав человека, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть попораны. В этом заключается глубочайший гуманизм и просвещенность этики Канта.

«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и нравственный закон во мне»

Иммануил Кант, 1788

**В сухом остатке
Исполнить долг
любой ценой**

19 «Золотое правило»

Вопрос в том, будут ли предоставлены всем американцам равные права и возможности, будем ли мы обращаться со своими согражданами так же, как хотим, чтобы обращались с нами. Если американец не может пообедать в открытом для публики ресторане или отправить своих детей в лучшую государственную школу только из-за цвета кожи, — если он не может голосовать за тех, кто будет представлять его интересы, — если, коротко говоря, он не может наслаждаться полноценной свободной жизнью, которой мы все жаждем, тогда кому из нас захотелось бы поменять цвет кожи и оказаться на его месте? Кто бы на его месте удовольствовался предложениями терпеть и ждать?

В июне 1963 года, когда проблема межрасовых отношений в США приобрела особую остроту и начались открытые демонстрации и даже беспорядки, президент Джон Ф. Кеннеди произнес речь, обращенную к американскому народу, в которой со всей страстью обрушился на сегрегацию и дискриминацию по расовому признаку. Он затронул один из самых фундаментальных и непротиворечивых моральных принципов, так называемое «золотое правило». Само по себе правило очень простое: «поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Принцип, сформулированный в этом высказывании, — основа первичного этического чувства человека, и в том или ином виде он встречается практически во всех философских и религиозных учениях.

«Кто добр к существам Божьим, тот добр к себе»

Мухаммед, около 630

Еще один тип нарушителей «золотого правила» — лицемеры, которые делают следующий логический шаг: они не только не поступают так,

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 30

Золотое правило морали

1759

«Теория нравственных чувств» Адама Смита

Халявщики и лицемеры

Есть люди, намеренно игнорирующие «золотое правило» и поступающие с другими совсем не так, как им хотелось бы, чтобы поступали с ними. Близкие родственники попирающих «золотое правило» — те, кто хочет получать не отдавая, — халявщики, стремящиеся получать выгоду от того, что окружающие следуют «золотому правилу». Рабочие, не вступающие в профсоюз, но получающие прибавку к зарплате, которой профсоюз добился; страны, не пытающиеся сократить выбросы углекислого газа, но получающие выгоду

от международной борьбы с глобальным потеплением. Проблема заключается в том, что для индивида такое стремление учитывать свои интересы может быть вполне рациональным, но если подобной позиции станут придерживаться многие, никаких выгод, на которые все надеялись, не будет. Следует ли в данном случае прибегать к насилию? Правильно ли заставлять вступать в профсоюз, прибегать к угрозам международных экономических санкций или иным сценариям?

как должно, но еще и не делают того, к чему призывают. Священник, нарушающий супружеские клятвы и одновременно проповедующий святость брачных уз; политик, берущий взятки, страстно выступая против коррупции. Нарушение «золотого правила» в этих случаях заключается в противоречии — между провозглашаемыми принципами и реальными поступками, между важными идеями, которые защищают люди, и очевидным пренебрежением этими идеями.

Мало кто из философов обходился без обращения к «золотому правилу» или, по крайней мере, упоминания о нем в контексте собственных теорий. Хотя Кант и утверждал, что «золотое правило» не может считаться универсальным законом, эхо этого правила явственно слышно в самой знаменитой формулировке категорического императива: «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» (см. с. 73). На другом конце философского спектра Дж. С. Милль настаивал на исключительной утилитарности «золотого правила», заявляя, что «в золотом правиле Иисуса из Назарета

1863

Дж. С. Милль провозглашает «золотое правило» принципом утилитаризма

1952

В «Языке морали» Р. М. Хэар излагает основы прескриптивизма

июнь 1963

Президент Джон Ф. Кеннеди произносит программную речь о расовом равенстве

Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки

Иисус, около 30

«Золотое правило» — хорошая норма, которую, пожалуй, можно даже улучшить, если наши действия по возможности будут совпадать с желаниями других

Карл Поппер, 1945

Идеальные наблюдатели и незаинтересованные очевидцы

Популярность «золотого правила», благодаря которой оно оказалось включено почти во все философские и религиозные системы, во многом объясняется его универсальностью. В зависимости от вкусов и потребностей его основными характеристиками могут считаться взаимность, универсальность и беспристрастность. Многогранность правила означает, что оно возникает в различных системах в разнообразном обличье. Одна из важных для философии инкарнаций «золотого правила» — «идеальный наблюдатель». Дело в том, что на наше наивное восприятие воздействует множество факторов — невежество, пристрастность в отношении друзей и недостаток сочувствия к прочим людям. В качестве противоядия предлагается идеальный (или идеализированный) наблюдатель, чей взгляд не замутнен подобными пороками, и потому он оказывается куда лучшим мерилем в вопросах морали, чем обычный несовершенный человек.

Один из самых известных вариантов этой концепции — идея «незаинтересованного и информированного наблюдателя», разработанная шотландским философом Адамом Смитом в работе «Теория нравственных чувств» (1759). Наблюдатель, согласно Смигу, это внутренний голос совести, «внутренняя личность, великий судья и арбитр» наших поступков, чье право судить основано «на нашем стремлении обрести те качества и совершать те поступки, которыми мы восхищаемся в других; и на нашем страхе развить в себе такие качества и совершать поступки, которые мы ненавидим и презираем в окружающих».

мы читаем совершенный дух этики утилитаризма» (см. с. 69). Современный пример — прескриптивизм, этическая теория, разработанная Р. М. Хэаром, который предположил, что «универсальность» — очевидный вариант «золотого правила» — является основным свойством морального суждения.

Разбираясь в «золотом правиле»

Исключительная простота «золотого правила», в чем отчасти кроется его привлекательность, делает его одновременно уязвимым для критики. Люди получают удовольствие по-разному;

не склонному к мазохизму большинству граждан следовало бы опасаться мазохиста, твердо придерживающегося «золотого правила». В то же время попытки изменить и уточнить правило подвергают риску его действенность. Можно попытаться определить контекст и обстоятельства, в которых должно действовать «золотое правило», но чем точнее эти обстоятельства будут определены, тем менее универсальным оно станет, а ведь именно в универсальности кроется его сила. «Золотое правило» подразумевает последовательность, но даже эгоист может последовательно отстаивать собственные интересы и вполне последовательно рекомендовать остальным поступать точно так же.

Вместо того чтобы воспринимать «золотое правило» как своего рода моральную панацею (как пытались некоторые философы), разумней и практичней считать его важной, даже необходимой составляющей нашего этического мышления и сопровождать его требованиями не только последовательности, но и честности. Необходимо мысленно ставить себя на место другого человека, демонстрируя уважение и понимание, на которое вы сами рассчитываете. Таким образом, «золотое правило» может стать лекарством от моральной близорукости, часто поражающей человека, когда затронуты его непосредственные интересы.

«Благородный муж помогает другим обрести опору там, где он обрел опору сам, и ведет людей туда, куда и сам стремится. Способность судить о других по себе — это и есть человечность»

Конфуций, около 500 г. до н. э.

В сухом остатке
Поступай так, как хочешь,
чтобы поступали с тобой

20 Действие и бездействие

Вода дошла уже до уровня груди и продолжала быстро подниматься. Если спасатели не успеют, восемь запертых в пещере спелеологов погибнут через полчаса. Что делать? Вывести людей из пещеры невозможно, как невозможно и остановить поток воды. Единственный выход — направить поток в соседнюю маленькую пещеру, где сидят в безопасности и спокойно ждут спасения еще два спелеолога, оставшие от основной группы. Если пустить туда воду, пещерку затопит в считанные минуты и эти двое наверняка погибнут. Как должны поступить спасатели? Отступить и спокойно наблюдать, как тонут восемь человек, или спасти их ценой жизни двоих товарищей?

Отвратительный выбор, не имеющий простого решения. Предположим, что действительно существуют только два варианта: перенаправить поток воды, то есть совершить обдуманное вмешательство, которое приведет к смерти двух человек, в противном случае имеющих шанс выжить; или сидеть и ничего не делать, то есть бездействовать, допуская тем самым гибель восьми человек, которых можно было спасти. Хотя последнее приведет к большим жертвам, многим кажется, что гораздо хуже совершать действия, приводящие к гибели людей, чем бездействовать, точно так же обрекая их на смерть. Предполагаемое нравственное различие между тем, что вы делаете, и тем, чему позволяете происходить, — так называемая доктрина действия/бездействия — разделяет теоретиков этики на два лагеря. Те, кто настаивает, что нравственная ценность действий должна

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

IV в. до н. э.

«Дилемма Евтифрона» в диалогах Платона

около 300 до н. э.

Проблема добра и зла

Принцип двойного эффекта

Часто главным при оценке действия с точки зрения морали становится намерение. Действие может заслуживать осуждения, даже если его негативные последствия были непреднамеренны (по небрежности или недосмотру, например), но те же самые действия вполне могут быть осуждены гораздо более сурово, если совершались целенаправленно. Тесно связанный с концепцией действия/бездействия, принцип двойного эффекта поднимает вопрос различения действий, результаты которых были либо запланированы, либо всего лишь предполагались. Поступок, у которого есть и положительные и отрицательные последствия, может быть оправдан с точки зрения морали, если положительные последствия были его целью, а отрицательные были предвидены, но целью не являлись. Например:

- хирургическая операция во время беременности, в результате которой сохранена жизнь матери, но погибает плод: спасение женщины есть цель хирургического вмешательства, смерть плода ожидаема, но не преднамеренна;

- смертельно больным пациентам дают обезболивающие: намерение состоит в том, чтобы облегчить страдания пациента; непреднамеренное последствие — сокращение срока жизни пациента как побочный эффект;
- бомбардировка склада боеприпасов противника во время войны: цель — уничтожить склад; ненамеренные, но предвиденные последствия — гибель гражданского населения, живущего неподалеку от склада.

Во всех этих случаях принцип двойного эффекта используется, чтобы оправдать то или иное действие с точки зрения нравственности. Эту доктрину часто используют философы, придерживающиеся абсолютистской, или основанной на долге (деонтологической), концепции морали, в ситуациях конфликта обязательств и откровенного нарушения прав. Данный принцип работает или не работает, когда обнаруживается разница между намерением и предвидением; а вот всегда ли это различие настолько существенно, чтобы оправдать поступок, — вопрос весьма спорный.

оцениваться исключительно на основе их последствий, обычно отрицают эту доктрину; в то же время она привлекательна для тех философов, кто подчеркивает важность существования норм морали и взывает к нашей обязанности соблюдать их независимо от последствий (см. с. 72).

Играя в Бога Что бы ни подсказывала интуиция, при более подробном рассмотрении разница действия и бездействия становится все более сомнительной. Во многом наше интуитивное представление о правильном и неправильном поведении, особенно когда дело касается жизни и смерти, происходит от столь же интуитивного ощущения, что, активно вмешиваясь в ход событий, мы «играем в Бога», решаем, кому жить, а кому умереть. Но может ли бездействие считаться таковым с точки зрения морали? Осознанное решение не предпринимать никаких действий ничем не отличается от осознанного решения что-нибудь сделать. Похоже, в определенных ситуациях нам ничего не остается, кроме как играть в Бога, у нас просто нет выбора. Неужели родители, которые утопили своих детей в ванне, покажутся нам милосерднее тех, кто просто уморил ребенка голодом? В подобных случаях разница между действием и бездействием исчезающе мала, и, возможно, нам трудно будет согласиться, что «бездействие» менее предосудительно, чем «действие».

Фома Аквинский о самозащите

Формулировка принципа, который позже стал известен как доктрина двойного эффекта, приписывается философу XIII века Томе Аквинскому. Рассуждая о допустимости убийства в целях самозащиты, он пришел к выводу, весьма близкому современному законодательству. Классическая формулировка этой доктрины из «Суммы теологии» звучит так:

Ничто не мешает одному действию иметь два последствия, одно из которых намеренное, а второе происходит само по себе... акт самозащиты может также иметь два последствия:

первое — сохранение собственной жизни; второе — убийство агрессора. Таким образом, это действие, поскольку цель заключается в спасении своей жизни, не незаконно, поскольку для любого существа естественно стремиться продлить свое существование насколько это возможно. Но в то же время, несмотря на добрые намерения, действие может быть незаконным, если оно будет непропорционально цели. Если, защищая собственную жизнь, человек действует более агрессивно, чем это необходимо, его действия противозаконны. Если же он реагирует умеренно, то самозащита его законна.

Предлагаемая нравственная дилемма между совершенным действием и тем, которому просто позволили случиться, часто возникает в такой этически сложной области медицины, как эвтаназия. В этом случае речь идет о разнице между активной эвтаназией, когда лечение ускоряет смерть пациента, и пассивной эвтаназией, когда смерть наступает в результате отсутствия лечения. Законодательство большинства стран мира (и в этом, вероятно, прослеживаются наши инстинктивные представления) признает различие между этими двумя ситуациями, но все равно сложно понять, в чем разница с точки зрения морали между, например, инъекцией смертоносного препарата (действие) и отсутствием инъекции препарата, продлевающего жизнь (бездействие). Позиция закона основана отчасти на представлении (религиозном в своей основе) о святости человеческой жизни; но в вопросе эвтаназии — это забота о жизни как таковой, игнорирующая качество этой жизни и желание самого человека. В результате закон оборачивается жутковатой стороной, подвергая человека мучениям, от которых было бы избавлено в подобных же обстоятельствах больное животное.

«Энола Гей»

Что бы произошло, если бы бомбардировщик В-29 «*Enola Gay*» не сбросил первую атомную бомбу на Хиросиму 6 августа 1945 года? Это событие и последовавшая через три дня бомбардировка Нагасаки привели к скорейшему окончанию Второй мировой войны — Япония сдалась 14 августа.

Возможно, несмотря на ужасающие последствия этого действия, гораздо больше человеческих жизней было спасено, поскольку удалось избежать долгих кровопролитных боев.

Оправдывает ли это решение о бомбардировке? По мнению президента Трумэна, «это решение, о котором нельзя сожалеть».

В сухом остатке Делать или не делать?

21 Скользящий путь

К высотам морали ведет множество дорог, и не все они безопасны. В спорах по различным социальным и политическим вопросам едва ли найдется мотив, обсуждаемый чаще и с большим пылом, чем проблема «скользящего пути». Идея эта настолько завораживает, что предлагают ее без особых доказательств и принимают почти без колебаний. Хотя тема скользящего пути не обязательно предполагает нечто незаконное, возникает она обычно в крайне эмоциональных дебатах, и зачастую обращение к ней оказывается не вполне оправданным.

В общем смысле идея «скользящей дорожки» предельно проста: если разрешить некое «А» (безобидное или почти безобидное), это неизбежно приведет к некоторому «Я» (совершенно непозволительному или нежелательному). «Скользкие дорожки» обнаруживаются в поразительном множестве ситуаций. Вот несколько классических примеров:

- если разрешить активную эвтаназию, чтобы смертельно больные люди могли выбирать момент собственной смерти, это неизбежно приведет к всеобщему чувству вины, из-за которого пожилые люди будут «уходить спокойно», освобождая жизненное пространство, облегчая бремя заботы о них молодым и т. д.;
- если позволить родителям выбирать пол ребенка, вскоре они захотят «программировать» все прочие его качества, и мы столкнемся со всеми кошмарами евгеники;
- легализовать легкие наркотики, например марихуану, значит поощрить употребление тяжелых наркотиков, и не успеешь оглянуться, как улицы наводнят полубезумные агрессивные наркоманы;

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 300 до н. э.

Парадокс сорита

- проявить снисходительность к малолетнему преступнику — значит дать ему разрешение на все более тяжкие преступления, и вскоре мы окажемся лицом к лицу с бандами малолетних воров и убийц.

Во всех этих случаях декларируется существование «скользкой дорожки» от «А» до «Я», но отчего-то умалчивается о пути от «Б» до «Ю». Но именно эта лакуна и является самым важным моментом: как доказать неизбежность перехода от «А» к «Я». Как правило, акцент смещается на финальные ужасы, рисуемые в максимально мрачных тонах, и предполагается, что отсутствие дискуссии по существу, то есть о различных возможностях применения «А», пройдет незамеченным. Логика заменяется риторикой. Разумность предоставления родителям возможности выбрать пол будущего ребенка следует рассматривать по существу, и, если данная идея будет признана нежелательной, она должна быть, вероятно, запрещена. Если же идея сама по себе безобидна, можно рассматривать следующий этап, оценивая, насколько неизбежны пагубные последствия в случае ее применения. Но в реальной жизни, как только возникает настоящая угроза скользкого пути, обычно вводятся определенные правила, дабы избежать неконтролируемого падения.

Домино, клинья и границы

Скользкие дорожки — не единственная опасность, о которой любят предупреждать нас моралисты. Первые неосторожные шаги по скользкой

Лягушка в кипятке

Опасность постепенных социальных и политических изменений хорошо иллюстрируется притчей о лягушке в кипятке. Если вы хотите сварить лягушку, бессмысленно (как гласит притча) бросать ее в кипяток, она тут же выпрыгнет; неудачи легко избежать, если посадить лягушку в холодную воду, а уж затем медленно подогревать. И свобода, подобно лягушке в медленно нагревающейся воде, при постепенном и незаметном ее ужимании в какой-то момент окончательно умрет, хотя однократное агрессивное посягательство на гражданские права встретило бы яростное сопротивление. Социально-политическая теория даже более правдоподобна, чем история с лягушками; ошибочность последней приходится принимать как данность, не проверяя на практике.

1785

«Основы метафизики нравственности»
Иммануила Канта

1950

Джон Далей формулирует
«теорию падающего домино»

дорожке зачастую приводят прямиком в страну иных вербальных опасностей, где слышится стук падающих костяшек домино, снежный ком вырастает до чудовищных размеров, плотины рушатся под потоком воды и повсюду плавают айсберги.

Одна падающая костяшка домино может уронить соседнюю, вызвав своеобразную цепную реакцию, которую и назвали **эффектом домино**. Это ситуация, когда одно нежелательное событие провоцирует последовательность столь же нежелательных событий. Самое известное использование этого принципа на практике имело место в 1954 году, когда, вдохновленный «теорией домино» американский президент Дуайт Эйзенхауэр сумел оправдать вторжение во Вьетнам. По мнению Эйзенхауэра, победа коммунистов в одной стране неизбежно приведет к тому, что вся Юго-Восточная Азия окажется в руках красных. В данном случае первая костяшка (Вьетнам) действительно упала, но предполагаемого распространения коммунистических идей в регионе не произошло, за исключением, безусловно, Камбоджи; эффект домино не сработал.

Верблюжий нос

Яркую и редко используемую метафору «скользкой дорожки» предлагает арабская сказка, исключительно точно рисуя печальные последствия ужасающего события и опасности того, что «верблюд сунул свой нос под полог». Ведь нос, без сомнения, самая отвратительная и опасная часть верблюда. Не говоря уже о том, как рискованно жить в шатре. Итак:

«Старик портной устало заканчивал работу, размышляя о тяготах судьбы, как вдруг из-за полога в шатер просунулся верблюжий нос. “Прошу прощения, — жалобно сказал верблюд. — Мой нос ужасно замерз, не позволишь погреть его здесь всего минутку?” Пока растерянный старик подыскивал слова, чтобы ответить незваному гостю, тот успел просунуть в дом свою длинную шею, горб — и вот уже громадная туша развалилась у очага, заполнив всю лачугу. “Эй, — рассердился старик. — Здесь не хватит места для двоих!” И каково же было его удивление, когда верблюд в ответ лишь фыркнул: “Что за беда! Если для тебя нет места, убирайся прочь!”

Вот так бывает порой, что дурные привычки незаметно поработают человека, стоит только позволить “верблюду сунуть свой нос”».

Небольшую трещину в камне или дереве можно расширить, если вбить в нее клин. А фигуральное выражение «это еще цветочки» означает, что небольшое изменение в законе (допустим) может стать началом масштабных реформ. Предположение, что из юрисдикции суда присяжных следует убрать случаи серьезного мошенничества, рассматривается как «это еще цветочки», поскольку можно заподозрить, что следующим шагом станут ограничения в других (или даже всех) случаях. Впрочем, чаще всего такие опасения остаются всего лишь опасениями.

Проблема **проведения границы** обычно поднимается при поиске определенной информации там, где найти ее невозможно, — при ожидании точности, невозможной в данных обстоятельствах. Мы все могли бы, например, согласиться, что не следует ежегодно впускать в страну миллионы мигрантов, но некоторое их количество вполне допустимо. Где же граница? Тот факт, что существует неопределенность, не означает, что решение невозможно или его не следует принимать.

Другой пример ситуации, где невозможно обозначить точную границу, — долгий спор об абортах. Практически все участники спора согласны, что эмбрион сразу после зачатия и полностью сформировавшийся ребенок — разные явления, но не могут (поскольку это невозможно) определить точный момент, начиная с которого фиксируются различия. Развитие плода — постепенный процесс, и любая проведенная граница будет до некоторой степени спорной. Это не значит, что границ вообще не существует, что их вообще не нужно проводить или что любые прежде установленные границы недостаточно убедительны.

**В сухом остатке
Дай ему палец...**

22 Там, где кончается долг

31 июля 1916 года, в ходе битвы на Сомме на севере Франции, 26-летний Джеймс Миллер, рядовой Королевского Ланкастерского полка, «получил приказ доставить важное сообщение под тяжелым артиллерийским и ружейным огнем и любой ценой вернуться с ответом. Ему пришлось пересечь открытое пространство, и он был ранен сразу же после того, как покинул окоп. Попав в спину, пуля прошла навывлет. Но отважный солдат зажал рану руками, доставил сообщение, вернулся и рухнул замертво у ног пославшего его офицера. Он отдал свою жизнь, продемонстрировав непревзойденную верность долгу».

Как оценить такое поведение? Британское командование времен Первой мировой, безусловно, сочло поступок рядового Миллера выдающимся подвигом, заметным на фоне множества исключительных проявлений героизма в то время, поскольку он был награжден Крестом Виктории «за выдающуюся храбрость» (цитата в начале главы взята из официального представления Миллера к награде). Если бы Миллер сполз обратно в окоп сразу же после ранения, сложно было бы его в чем-нибудь *обвинить* или сказать, что он действовал *неправильно* или, хуже того, *безнравственно*. Как и его командиры, мы, скорее, готовы признать, что действия Миллера оказались «выходящими за рамки служебных обязанностей» и заслуживают особой награды. Коротко говоря, мы готовы восхищаться его действиями, но не осудили бы парня, поступи он иначе.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 30

Золотое правило морали

1740

«Трактат о человеческой природе» Дэвида Юма

1775–1783

В результате Американской революции в США установлена система прав и обязанностей

Действия, превышающие требования долга Наше инстинктивное понимание морали не противоречит такой оценке. Вполне естественно рассматривать мораль как «двухуровневую» систему. На первом уровне — то, чему должен следовать каждый: основные обязанности человека и минимальные требования морали. Часто они формулируются негативно, как условия, невыполнение которых недопустимо: не лги, не изменяй, не убивай и т. д. От нас ждут соблюдения данных норм, и мы рассчитываем, что другие тоже будут их исполнять.

Помимо стандартных моральных обязательств существуют еще и нравственные идеалы более высокого уровня. Они формулируются позитивно и, как правило, не имеют ограничений: если базовая норма морали призывает, к примеру, не красть, то идеалом может считаться щедрость, в принципе

Это героизм?

«Представьте, что группа солдат тренируется в метании гранаты; внезапно граната выскальзывает из рук одного из них и падает на землю; один из солдат бросается на нее, накрывая своим телом, и спасает товарищей ценой собственной жизни... Если он этого не сделал, можно ли считать, что он не выполнил свой долг? Хотя он очевидно в чем-то превосходит своих товарищей, но можем ли мы утверждать, что те не исполнили свой долг, поскольку не пожертвовали собой? А если бы солдат не сделал того, что сделал, кто-нибудь посмел бы сказать: "Ты должен был накрыть своим телом гранату"?»

Этот пример приведен в работе «Святые и герои» британского философа Дж. О. Урмсона, определившей ход многих философских споров последних десятилетий. Урмсон называет три условия, при соблюдении которых поступок может считаться «превышающим требования долга»: он не должен быть обязательным; он должен заслуживать одобрения; его отсутствие не должно вызывать порицания. Описанный случай явно соответствует всем трем критериям, что позволяет классифицировать его как героический.

1785

В «Основах метафизики нравственности» Кант анализирует понятие долга

1789

Декларация прав человека определяет права и обязанности граждан во Франции

1958

Статья Дж. О. Урмсона «Святые и герои»

Нравственная целостность

Идея героических, превосходящих требования долга поступков подчеркивает личностный аспект морали. Герои и святые обладают личным чувством долга, чувством того, что именно они должны совершить; и они по собственной воле отказываются от возможности сослаться на опасность или сложность ситуации, дабы не совершать определенных поступков, как предпочитает сделать большинство из нас. Основные формы утилитаризма, безусловно, безличностны, любая жизнь представляет равную с другими ценность, при этом, как правило, недооценивается важность личных устремлений и обязательств. Ими зачастую пренебрегают, используя принципы утилитаризма для принятия моральных решений, и потому некоторые считают, что утилитаризм практически не учитывает персональные предпочтения и игнорирует чувство нравственной целостности личности.

безграничная. Поступки, выходящие за рамки требований базовой морали, попадают в категорию «превышающих требования долга» — они достойны всяческих похвал, но их отсутствие вовсе не предосудительно. Поступки такого рода — удел «героев и святых». Эти люди могут считать подобные действия своим долгом и винить себя, не совершив их, но это уже их *личное* моральное чувство долга, и другие не вправе судить их.

Могут ли добрые поступки быть необязательными? Эта категория выдающихся, но необязательных нравственных подвигов представляет философский интерес именно по причине тех сложностей, которые возникают из-за них в некоторых этических системах. Такие системы обычно имеют некоторую общую концепцию блага и разделяют правильные и неправильные действия на основе этой концепции. Поступок положительный, но не обязательный может в такой ситуации вызвать определенные сложности с классификацией.

С точки зрения утилитаризма, по крайней мере его последовательной версии (см. с. 69), действие считается «хорошим», если увеличивает общую полезность (например, счастье), и чем больше пользы принес поступок, тем он лучше. Отдать все свое состояние на благотворительность в пользу стран третьего мира — поступок не обязательный; окружающие, возможно, и одобряют его, но не станут терзаться угрызениями совести, если не последуют данному примеру. Иными словами, в данном

случае благотворительность «сверх требований долга». Да, но если такой поступок определенно увеличивает общее благо (что вероятнее всего), как же он может не быть обязательным? Для кантианской этики «превышение требований долга» — тоже проблема. Высшей ценностью морали Кант полагал личную ответственность (см. с. 72). Но тогда могут ли существовать границы, за которыми бремя этой ответственности не столь тяжело?

Конфликты такого рода между этическими теориями и нашим инстинктивным чувством морали оказывают пагубное воздействие, особенно на первых. Радикальные утилитаристы могут утверждать (некоторые так и делают), что следует принять все следствия их теории, фактически отрицая «превышение требований долга» в каких-либо действиях, и соответственно изменить образ жизни. Столь радикальные предложения, идущие вразрез с повседневной моралью и объявляющие большинство человечества морально несостоятельным, наверняка не получат широкой поддержки. Чаще теоретики пытаются «сгладить» возникающие конфликты. Обычная стратегия — попытаться найти оправдания и объяснения (к примеру, чрезмерная сложность или опасность действия), позволяющие избежать «необязательных» поступков. Даже если такой маневр срабатывает, для самой теории он не проходит бесследно: введение частных факторов усложняет концепцию, и та теряет универсальность, обязательный фактор в области морали (см. с. 76). Другой подход заключается во внедрении новых идей, подобных теории двойного эффекта или действия/бездействия (см. с. 81), чтобы объяснить выбор одного образа действий при наличии другого, теоретически предпочтительного. Но сами эти концепции небезупречны, и вдобавок теория, обремененная большим количеством примечаний и разного рода уточнений, становится менее убедительной.

В сухом остатке
Неужели все должны
быть героями?

23 Плохой, потому что не повезло?

Два друга, Бэлл и Хейг, проводят вечер в пабе. Когда паб закрывается, оба неверной походкой после пары явно лишних пинт ковыляют к своим машинам. Бэлл, как и много раз прежде, спокойно добирается до дома, заваливается спать и встает на следующее утро с легким похмельем. Хейг, столь же опытный нетрезвый водитель, тихонько едет домой, как вдруг на дорогу перед ним выскакивает молодой человек. Хейг не успевает затормозить, и парень погибает на месте. Хейга арестовывают, отправляют в камеру, где он просыпается наутро с легким похмельем и абсолютной уверенностью, что следующие годы проведет в тюрьме.

Что сказать о поведении Бэлла и Хейга? С точки зрения закона, несомненно, второй виновен гораздо больше: Бэлл, даже если его поймают, заплатит штраф и в худшем случае лишится прав на некоторое время; Хейг почти наверняка получит серьезный тюремный срок. В данном случае закон отражает наше интуитивное представление о морали. Нам кажется, что тот, чьи безответственные действия привели к смерти, заслуживает более сурового осуждения, чем тот, кто (всего лишь) управлял автомобилем, будучи в состоянии опьянения. И все же единственное различие между двумя водителями в данной ситуации – внезапно выскочивший на дорогу юноша – дело случая, и не более того. Оба водителя вели себя безответственно,

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 350 до н. э.

Этика добродетели

около 1260

Действие и бездействие

но одному из них не повезло. Единственный фактор, объясняющий более суровое наказание, как с точки зрения закона, так и с точки зрения морали, — простое невезение, нечто, по определению не поддающееся контролю.

Моральная удача Разное отношение к Бэллу и Хейгу вступает в противоречие с другой составляющей нашего морального чувства — представлением о том, что судить о нравственности поступков можно только в той мере, в какой наши поступки от нас зависят. Если вы случайно прольете на меня кофе, едва ли мне это понравится, но если это произошло в поезде в тот момент, когда машинист вдруг резко затормозил, я, пожалуй, не стану возмущаться. Не следует судить о людях по-разному, если различия в их поведении не зависят от них. Если гольфист бьет по мячу, мяч улетает к зрителям и случайно убивает одного из них, мы не станем обвинять его более — если вообще будем обвинять, — чем другого игрока, который точно так же ударил по мячу, но без трагических последствий (как при этом чувствует себя гольфист-неудачник — это уже другой вопрос).

Если перенести такой ход рассуждений на историю Бэлла и Хейга, то они оба заслуживают одинаково сурового наказания. Итак, следует ли осудить Бэлла суровее из-за вреда, который его безответственное поведение могло бы причинить? Или следует быть помягче с Хейгом, поскольку выпил-то он не больше, чем тысячи других безответственных водителей, но ему просто не повезло? Можно придерживаться первоначальной позиции — два случая должны оцениваться по-разному, поскольку имели различные последствия. Но, если так, нам придется изменить свои взгляды на важность контроля над ситуацией: мы будем вынуждены признать, что мораль зависит от случайностей, — то есть существует нечто, что можно было бы назвать, отчасти парадоксально, «нравственным везением» или «моральной удачей». Отсутствие таковых может сделать вас плохим человеком.

«Если взрослый по забывчивости оставит младенца одного в ванне, то, несясь со всех ног, он наверняка успеет подумать, что совершил непоправимое, если ребенок утонул; если же с ребенком все в порядке, он просто укорит себя за неосторожность»

Томас Нагель, 1979

1739

Гильотина Юма

1789

Теории наказания

1981

«Моральная удача»
Бернарда Уильямса

...Или не повезло быть плохим? Вопрос существования «моральной удачи» — определяется ли нравственность поступка хотя бы в некоторой мере слепой удачей, которую мы не можем контролировать, — активно обсуждался философами в последнее время. Особую остроту обретает дискуссия по вопросу так называемой «итоговой удачи», когда случайные последствия поступка влияют на нашу оценку. Но ведь существуют и другие виды везения, и в действительности проблема гораздо серьезнее.

В ситуации, подобной случаю Бэлла/Хейга, велико искушение ответить, что все дело в *намерениях* — а вовсе не в последствиях этих намерений, — которые следует принять во внимание при вынесении суждения. Бэлл и Хейг имеют одинаковые намерения (ни тот ни другой не собирается никого убивать), и, следовательно, судить их нужно (вероятно) одинаково. Но до какой степени мы контролируем свои намерения? Мы формируем их в зависимости от особенностей личности, но существует множество факторов (подпадающих под определение «базовая удача»), которые определяют эту личность и нам неподвластны. Наш характер — продукт невероятно сложной комбинации генетических и внешних факторов, на которые мы никак не можем повлиять. Можно ли обвинять человека за действия или намерения, обусловленные особенностями его характера? Если я обречен быть трусом и эгоистом — такова моя «природа», — разве справедливо критиковать меня за то, что я всеми способами стараюсь избежать опасности и думаю только о собственных интересах?

Не в то время, не в том месте

Мы можем проявить дурные или положительные черты характера, только если обстоятельства предоставляют нам такую возможность: мы все зависим от «случайной удачи». Невозможно продемонстрировать свою непревзойденную щедрость, если у вас нет денег или рядом нет того, кто нуждается в вашей помощи. Мы можем думать, что неспособны на жестокость, подобную зверствам нацистов в Освенциме, но нельзя быть в этом полностью уверенным. Единственное, что мы можем сказать наверняка, — нам очень повезло, что мы никогда этого точно не узнаем. Так, может быть, нацистам просто не повезло оказаться в ситуации, проявившей все их человеческие качества? Может, они стали мерзавцами только потому, что им не повезло?

Скептицизм по поводу влияния удачи на мораль не позволяет нам сохранить концепцию морали неизменной... Концепция морали сама по себе сохранится, но утратит свою привычную значимость и потому станет совершенно иной, поскольку в нынешней концепции морали существенным элементом является ее важность

Бернард Уильямс, 1981

«Границы» удачи можно раздвигать все дальше и дальше. Другой вид удачи — зависящая от обстоятельств — демонстрирует, насколько оценка поступка как аморального может зависеть от простого факта: человек оказался не в том месте и не в то время. Если довести спор о существовании моральной удачи до логического завершения, он сливается с вопросом о свободе воли, поднимая все те же проблемы: в конечном счете есть ли у нас возможность совершать по-настоящему свободные поступки, и если нет — существует ли на самом деле ответственность? Если ответственности не существует, как можно оправдать существование наказаний? (См. с. 192.)

Неопределенность позиций и мнений по вопросу моральной удачи отражается в крайностях философских подходов. Некоторые отрицают само существование моральной удачи, а затем пытаются объяснить ее очевидные проявления в рамках привычного морального дискурса. Другие признают существование моральной удачи и пытаются определить, следует ли в связи с этим менять наш способ моральной оценки, и если да, то в какой мере. Ставка высока, поскольку существует опасность разрушить основные критерии, организующие нашу нравственность, само представление о морали; и потому до окончательного решения еще очень далеко.

**В сухом остатке
Удача на стороне
добродетели?**

24 Этика добродетели

Более четырехсот лет философы, занимающиеся вопросами морали, рассуждали преимущественно о действиях, а не о тех, кто их совершает, о том, что мы должны делать, но не о том, какими нам следует быть. Основная задача философов заключалась в открытии и объяснении принципов, на которых строится мораль, и создании правил, регулирующих наше поведение согласно этим принципам.

На основе самих этих принципов создавались самые различные теории — от деонтологической этики Канта до консеквенциалистского утилитаризма Бентама и Милля. Тем не менее существовало некое негласное соглашение, по которому «главный» вопрос сводится к оправданию действий, но не оценке характера действующих лиц, — это рассматривалось как нечто вторичное или вообще не имеющее значения. Но так было не всегда, добродетель не всегда была служанкой долга, но имела ценность сама по себе.

Вплоть до эпохи Ренессанса и начала научной революции на развитие философии и науки вообще огромное влияние оказывали мыслители классической Греции — Платон и его ученик Аристотель. Основной проблемой они полагали как раз воспитание доброго нрава. То есть принципиальный вопрос не «Как правильно поступить (в определенных обстоятельствах)?», но «Как правильнее жить?». Понятно, что, с учетом данных приоритетов, природа добродетели или морального совершенства представлялась главным элементом. Позднее, во времена Галилея и Ньютона, когда внимание мыслителей переместилось в область правил и принципов нравственного поведения, философия Аристотеля на несколько веков оказалась в тени. Но уже с середины XX века обнаружилось некоторое возрождение интереса к изучению

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 350 до н. э.

Принципы этики добродетели

около 350 до н. э.

Идея «золотой середины» сформулирована Аристотелем

Этика и мораль

Будем откровенны, пропасть между задачами, которые ставили перед собой Аристотель и Платон, и подходом большинства современных философов столь велика, что некоторые ученые предлагали создать специальную терминологию, отражающую эту разницу. Термин «мораль» предлагалось использовать только в системах, подобных Кантовой, где доктрина формируется на основе принципов морали и долга,

а слово «этика» (происходящее от греческого «характер») оставить для концепции Аристотеля и подобных ей, где основное внимание уделяется свойствам личности и практической (не только моральной) мудрости. Насколько такое терминологическое разделение необходимо — вопрос спорный, поскольку многие считают, что таким образом создается ложное противоречие между Аристотелем и прочими философами.

природы характера и добродетели. Это относительно «молодое» философское течение, вдохновленное в первую очередь этической философией Аристотеля, получило название «этика добродетели».

Греки о добродетели Согласно Аристотелю, да и другим греческим мыслителям, чтобы быть достойным человеком, принимающим верные нравственные решения, вовсе не обязательно понимать и применять определенные моральные правила и принципы. Суть в том, что человек должен обрести мудрость в результате целенаправленной работы над собой, и тогда в любой ситуации он будет вести себя правильно, не задумываясь, как и почему он это делает. Благородство характера и добрый нрав, врожденные или развитые сознательно, приводят к правильному поведению. Характер зависит от добродетелей. Они, в свою очередь, суть проявление «*eudaimonia*» — состояния, которое греки считали высшим благом для личности и конечной целью человеческой жизни. Обычно это слово переводят как «счастье», но на самом деле это понятие несколько шире и динамичней, и точнее трактовать его как «процветание» или «наслаждение достойной (успешной) жизнью». Греческие философы выделяли четыре главные добродетели: смелость, справедливость,

347 до н. э.

Смерть Платона

335 до н. э.

В Афинах основан
Лицей Аристотеля

Золотая середина

Идея золотой середины занимает центральное место в аристотелевской концепции добродетелей. Порой эта доктрина ошибочно рассматривается как призыв к умеренности, к выбору срединного пути в любой ситуации, но в действительности речь идет совсем о другом. Как поясняет приведенная ниже цитата, «середина» определяется исключительно обращением к разуму. Например: добродетель, лежащая посередине между трусостью и поспешностью, — смелость. Быть смелым означает не только избегать трусливых поступков, подобных бегству от врага, но и поступков безрассудных, легкомысленной бравады, вроде бессмысленной атаки на врага, способной поставить под угрозу и самого храбреца, и окружающих. Смелость зависит от разума, регулирующего природные иррациональные инстинкты. В основе идеи золотой

середины лежит представление о том, что любой поступок должен определяться обстоятельствами и практической мудростью, живо реагирующей на определенную ситуацию.

«Итак, добродетель есть сознательно избираемый склад души, состоящий в обладании серединой по отношению к нам, причем определенной таким суждением, каким определит ее рассудительный человек. Серединой обладают между двумя [видами] порочности, один из которых — от избытка, другой — от недостатка. А еще и потому [добродетель означает обладание серединой], что как в страстях, так и в поступках [пороки] преступают должное либо в сторону избытка, либо в сторону недостатка, добродетель же [умеет] находить середину и ее избирает».

Аристотель, около 350 г. до н. э.

умеренность (самоконтроль) и интеллект (практическая мудрость). Но основная идея Платона и Аристотеля заключается в так называемом «единении добродетелей». Основываясь отчасти на наблюдении, что хороший человек должен понимать, как действовать даже в сложной ситуации, когда различные добродетели требуют противоположного, они пришли к выводу, что добродетели подобны различным граням драгоценного камня, — следовательно, невозможно обладать одной из них, будучи лишенным остальных. Для Аристотеля единение добродетелей означает, что хороший человек обладает всеобъемлющей добродетелью, обычно именуемой «великодушие/благородство» (от латинского *magnanimity* — «великая душа»). Аристотелевский «*megalopsychos*» («великодушный человек») — архетип достоинств и добродетелей: это человек, занимающий высокое общественное положение

Человеческое благо представляет собою деятельность души сообразно добродетели, а если добродетелей несколько — то сообразно наилучшей и наиболее полной. Добавим к этому: за полную жизнь. Ведь одна ласточка не делает весны и один теплый день тоже

Аристотель, около 350 г. до н. э.

и заслуживающий почета и уважения, он способен на великие дела, с радостью помогает другим, но неохотно принимает награды; демонстрирует достоинство и скромность, но без напускного смирения.

Иерархия, подразумеваемая единством добродетелей, привела Платона к выводу, что различные добродетели на самом деле суть одна и подчинены они все одной высшей добродетели — знанию. Идея равнозначности знания и добродетели предполагает отрицание возможности «*akrasia*», или слабости воли: для Платона невозможно, «зная верный путь, выбрать неверный»; к примеру, несдержанность — следствие невежества, а вовсе не слабости. Идею о возможности сознательного зла категорически отрицал Аристотель, для которого этот принцип был частью основополагающих убеждений (*endoxa*). Для Платона и Аристотеля мораль неразрывно связана с разумом, с рациональным выбором; Аристотель, разрабатывая эту доктрину, придал ей окончательный вид в концепции «золотой середины» (см. с. 98).

В сухом остатке
Важно то, каков ты,
а не то, как ты поступаешь

25 Чувствуют ли животные боль?

«— Ой, лапа! — взвизгнул Крот. — Ой, моя бедная лапа! — И он уселся прямо на снег, обхватив заднюю лапу передними. — Бедняжка! — посочувствовал Дядюшка Рэт-Водяная Крыса. — Ну скажи, как тебе сегодня не везет, а! Ну-ка, покажи лапу. Конечно, — продолжал он, опускаясь на колени, чтобы получше рассмотреть. — Лапа порезана, никаких сомнений. Погоди, сейчас я достану платок и перевяжу.

— Я, должно быть, споткнулся о сучок или пень, — сказал Крот печально. — Ой, как болит!

— Уж очень ровный порез, — заметил Рэт, внимательно рассматривая лапу. — Нет, никакой это не сучок и не пень. Это порезано острым краем чего-то металлического. Странно! — Он на минуту задумался и принялся исследовать близлежащие рытвины и кочки.

— Какая тебе разница, об чего я порезался, — хныкал Крот, от боли забывая, как надо говорить правильно. — Все равно больно».

А настоящие животные могут испытывать боль или это свойство выдуманных зверей, как персонажей «Ветра в ивах»? Мы можем определенно заявлять, что животные не умеют говорить, но во всем остальном мы не столь уверены.

Ответ на вопрос, чувствуют ли животные боль, и более общий вопрос о сознании у животных имеет прямое отношение к таким насущным проблемам:

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 350 до н. э.

Аристотель утверждает, что именно разум отличает человека от животных

около 250 до н. э.

Притча о собаке Хрисиппа

Лингвистический подход

Воспользовавшись методом аналогии, мы способны установить сходство между сознанием человека и некоторых животных, но как далеко мы можем зайти? Субъективный опыт животного наверняка тесно связан с образом жизни и средой обитания, к которой вид адаптировался в процессе эволюции. Как отметил Томас Нагель, мы не имеем ни малейшего представления, каково на самом деле быть летучей мышью или любым другим животным (см. с. 32). Эта проблема стала еще очевидней с появлением лингвистического подхода, который

доминировал в философии разума в XX веке. В соответствии с ним наше сознание определяется или регулируется в основном языком, а мысли обязательно выражаются, даже не будучи высказанными в словесной форме. С этой точки зрения у не-говорящих животных вообще не может быть никаких мыслей. В последние годы позиция сторонников лингвистического подхода несколько смягчилась, и многие философы допускают, что у некоторых животных могут быть мысли, пусть и простые.

- имеем ли мы право использовать миллионы крыс, мышей и даже приматов для медицинских исследований, тестирования косметики и т. д.?
- имеем ли мы право уничтожать кротов и других так называемых паразитов ядом, газом и другими способами?
- имеем ли мы право истреблять в массовом порядке коров, куриц и т. д., чтобы обеспечить себя пищей?

Большинство философов согласны, что наличие сознания (особенно способность чувствовать боль) критически важно для определения того, насколько применима к животным мораль. Если мы признаем, что животные чувствуют боль и что причинять боль аморально, мы должны принять и то, что не имеем морального права причинять боль животным. При более подробном рассмотрении вопроса, например в попытках найти возможные оправдания для причинения боли животным, проблема становится почти неразрешимой.

1921

Людвиг Витгенштейн предлагает философскую теорию языка

1974

Томас Нагель интересуется «Каково быть летучей мышью?»

Иногда утверждают: животные не говорят потому, что у них отсутствуют умственные способности. Это равносильно утверждению: «Они не мыслят, поэтому не говорят». Но они всего лишь не говорят. Или, точнее, они не употребляют языка за исключением его самых примитивных форм

Людвиг Витгенштейн, 1953

Физиологически нервные системы всех млекопитающих в общем похожи; найдены генетические и эволюционные параллели. Учитывая все эти сходства, резонно

Что происходит в головах у животных? Есть ли у животных чувства, мысли, убеждения? Могут ли они рассуждать? К сожалению, о сознании животных мы знаем очень мало. Нам и о человеческом сознании известно не так уж много (см. с. 44). Мы даже не знаем наверняка, испытывают ли другие люди такие же чувства, что и мы; не можем с абсолютной уверенностью утверждать, что другие люди вообще что-либо чувствуют. Неудивительно, что в случае с животными ситуация ничуть не лучше (если не хуже).

В обоих случаях — и с разумом животных, и с сознанием других людей — мы лишь можем провести аналогию с нашим собственным разумом.

Млекопитающие реагируют на боль примерно так же, как люди: пытаются прервать контакт с источником боли, издают крики боли и ярости и т. д.

Собака Хрисиппа

В Древнем мире философы также не могли прийти к единому мнению о наличии сознания у животных. Одним из аргументов в этом споре стала притча о собаке Хрисиппа. Приписываемая философу-стоику III в. до н. э. Хрисиппу, притча рассказывает об охотничьей собаке, преследуя добычу, добежала до перекрестья трех дорог. Не почуяв запаха добычи на первых двух, собака не задумываясь выбирает третью, очевидно следуя силлогизму «А или В или С. Не А и не В, следовательно, С». Такие случаи проявления животными способности к логическому мышлению не убедили позднейших философов, многие из которых утверждали, что именно способность мыслить отличает человека от животных. Декарт особенно пренебрежительно относился к животным, считая их примитивными биологическими машинами, лишёнными всякого подобия интеллекта. Один из основателей утилитаризма Иеремия Бентам первым предложил считать, что способность испытывать страдания является критерием разумности и помещает животных в область морали, — именно этот аргумент чаще всего используется в дискуссиях о правах животных. Согласно Бентаму, «вопрос не в том, “могут ли они думать?” или “могут ли они говорить?”, а “могут ли они страдать?”».

Опыты над животными: допустимы ли они и есть ли в них смысл?

Вопрос о допустимости с точки зрения морали экспериментов над животными может быть рассмотрен с двух сторон. Во-первых, правильно ли обращаться с животными как со средствами для достижения наших целей; этично ли причинять животным страдания (если они вообще могут их испытывать) и ущемлять их права (если у них вообще есть права), чтобы помочь развитию человеческой медицины, проверить действенность новых лекарств и так далее. Это лишь один из аспектов серьезной проблемы — моральной позиции, которую мы должны принять по отношению к животным (см. с. 104). Другой подход, более практичный: проверять токсичность продукта на мышах стоит (если признать, что это вообще допустимо с точки зрения этики), только если мыши и человек достаточно близки физиологически, чтобы результат такой проверки был актуален для человека. Проблема в том, что второй, практичный, подход оправдывает и стимулирует использование более развитых животных, таких как человекообразные обезьяны и другие приматы, поскольку физиологически они определенно ближе к человеку; но именно опыты над такими животными и являются самой сложной этической проблемой.

предположить, что и субъективный опыт будет до некоторой степени похож на наш. И чем ближе сходство в физиологии и других аспектах, тем вероятнее сходство субъективного опыта.

Мы можем с достаточной уверенностью предполагать, что и как чувствуют наши ближайшие родственники — человекообразные обезьяны; в случае более дальних родственников — млекопитающих, например, крыс и кротов — наши предположения будут уже не так надежны. В случае с другими позвоночными (птицами, рептилиями, амфибиями, рыбами) попытка провести аналогию с собственным опытом еще менее убедительна, но все равно правдоподобна; и определенно сомнительна, когда речь заходит о беспозвоночных (насекомых, слизнях, медузах). Это не значит, что такие животные совершенно лишены разума, не чувствуют боли, но пытаться создать представление об их реакциях по аналогии с нашими собственными, по меньшей мере, неосторожно. Проблема в том, что нам не известен способ понять, что происходит у них в голове.

В сухом остатке Звериная жестокость?

26 Есть ли у животных права?

Ежегодно в мире:

- около 50 миллионов животных используют в научных исследованиях;
- производится более 250 миллионов тонн мяса;
- добывается почти 200 миллионов тонн рыбы и других морских животных.

Цифры приблизительны (особенно в том, что касается экспериментов, во многих из которых не ведется учет), но очевидно, что огромное количество животных каждый год используется в интересах человека. Вместо «используется» многие люди — и таких все больше — говорят «эксплуатируется» или «приносится в жертву». Для них использование животных в пищу и в научных целях не имеет моральных оправданий и является нарушением естественных прав этих животных.

Естественные права животных А откуда вообще у животных права? Один популярный аргумент, по сути утилитаристский, заключается в следующем:

1. Животные чувствуют боль
2. Мир становится лучше, если не причинять боль живым существам без необходимости; следовательно
3. Не следует причинять боли животным, если в этом нет необходимости

Первый аргумент широко обсуждался в последние годы (см. с. 100).

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 250 до н. э.

Чувствуют ли животные боль?

1788

Бентам утверждает, что у животных есть права

Маловероятно, что гориллы и шимпанзе, столь похожие на нас во многих отношениях, не обладают способностью испытывать нечто очень похожее на боль, которую чувствуем мы. С другой стороны, маловероятно, что губки или медузы с их чрезвычайно примитивной нервной системой чувствуют что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее человеческую боль. Проблема, таким образом, сводится к определению границы, что часто (см. с. 87) имеет некоторый оттенок предвзятости. Мы можем признать, что «некоторые животные способны испытывать боль», но какие именно – вот в чем вопрос.

Второй аргумент кажется совершенно бесспорным (*при всем уважении* к мнению мазохистов), но и здесь существует опасность обвинений в его бессодержательности. Некоторые философы пытались разграничить боль и страдание. Страдание, предположительно, сложная эмоция, сочетающая и память о прошлой боли, и ожидание боли грядущей; боль сама по себе – всего лишь мимолетное ощущение в настоящем. При обсуждении моральности того или иного поступка необходимо принимать во внимание именно страдание, но животные (по крайней мере, некоторые) способны испытывать только боль. Даже если допустить такое различие, непонятно, почему боль саму по себе можно не учитывать.

Еще больше проблем вызывает пресловутое «без необходимости». Ничто не мешает оппоненту заявить, что некоторое количество страдающих животных необходимо для развития науки и медицины. В целом утилитаристская аргументация подразумевает некое «исчисление» боли, оценку страдания животных и пользы для человечества; но требуемое исчисление – довольно сложное, даже если касается только людей, – представляется практически невыполнимым, когда в расчет принимается боль животных.

В итоге с виду бесспорная аргументация оказывается на удивление несостоятельной. Как ни печально, все сводится к тому, что мы не должны причинять боли животным (хотя бы некоторым), если это не принесет некоторой (возможно, минимальной) пользы человечеству. С этой позиции основное «право животных» заключается в том, что небольшая их часть имеет право избежать страданий, если их страдания не принесут пользы человечеству.

**«Придет день, когда
остальная часть
животного мира
приобретет те права,
которые когда-то
были отняты у них
рукой тирана»**

Иеремиа Бентам, 1788

1973

Ричард Райдер предлагает термин «видизм»

1977

Книга Питера Сингера «Освобождение животных»

1985

Том Риган в монографии «В защиту прав животных» настаивает на уравнивании их в правах с людьми

Видизм

Большинство людей не держат других людей в жутких условиях, с тем чтобы потом их съесть; и не тестируют на детях химикаты с неизвестными свойствами; и не создают генетически модифицированных особей, чтобы изучать их биологию. Есть ли основания для такого обращения с животными? Должны быть (сторонники прав животных здесь возражают) некоторые моральные основания для того, чтобы отказывать животным в тех же правах, какими обладают люди. В противном случае поведение человечества суть проявление обычных предрассудков и нетерпимости, дискриминация по видовому признаку, или «видизм»: отсутствие уважения к достоинству и нуждам животных ничем не отличается от дискриминации людей по расовому или половому признаку.

А действительно ли неправильно отдавать предпочтение своему виду? Львы, например, явно относятся куда лучше к другим львам, чем к кабанам; так почему люди не должны вести себя подобным образом? В конце концов, есть множество аргументов в пользу превосходства людей над животными:

- люди обладают более высоким интеллектом (по крайней мере, потенциально);
- хищничество естественно (животные в природе едят других животных);
- животные специально выведены на мясо или для экспериментов (без этого их вообще не было бы);
- потребление мяса жизненно необходимо (хотя миллионы вроде бы здоровых людей мяса не едят);
- у животных нет души (а у людей точно есть?).

Такие аргументы легко опровергнуть, а вот найти критерий, объединяющий все человечество и исключающий всех животных, непросто. Например, если в качестве критерия использовать уровень интеллекта, означает ли это, что в научных экспериментах можно использовать младенцев или умственно отсталых людей, чей интеллект уступает даже шимпанзе? Если же брать за основу «естественный ход вещей», так называемую «природность», выясняется, что в живой природе многие животные (люди в том числе) делают много такого, что для нас вряд ли приемлемо: львы-самцы вполне могут уничтожить потомство самца-соперника, но в человеческом обществе такое поведение, скорее всего, не встретит понимания.

Три «R»

Дебаты о правах и благополучии животных в основном фокусируются на двух вопросах: можно ли использовать животных в экспериментах и (если можно) как следует с ними обращаться на практике? В результате были сформулированы три общих принципа, три «R», которыми ученые руководствуются при проведении опытов над животными:

- *Replace* (замена) — при любой возможности животных следует заменять альтернативными материалами для опытов.
- *Reduce* (сокращение) — следует всеми возможными способами сокращать количество животных, используемых в экспериментах.
- *Refine* (совершенствование) — следует постоянно совершенствовать технику экспериментов, чтобы причинять животным как можно меньше страданий.

Права ли права? Естественно, такой вывод не обрадует ни одного серьезного защитника прав животных. Предлагались и до сих пор предлагаются более строгие, здравые, лучше сформулированные и более логичные аргументы в защиту прав животных. Австралийский философ Питер Сингер отстаивал утилитаристский подход к вопросу, деонтологический же подход защищал американец Том Рейган. Согласно Рейгану, животные — по крайней мере, преодолевшие определенный порог развития — являются «субъектами жизни»; этот факт сам по себе предоставляет им некоторые базовые права, которые нарушаются, если их используют как источник мяса или для экспериментов. Таким образом, права животных рассматриваются вне концепции пользы для человека, что полностью противоречит утилитарному взгляду.

Концепция прав животных весьма противоречива, и некоторые философы задавались и задаются вопросом, следует ли вообще в данном случае использовать понятие «права». Обычно считается, что права налагают на их обладателей и обязанности, предполагается некоторая взаимность — каковой никогда не существовало в отношениях между людьми и животными. Настоящая проблема гуманного обращения с животными теряется за провокационными разговорами об их правах.

В сухом остатке Неправедное человечество?

27 Виды доказательств

Доказательства — это кирпичи, из которых строятся философские теории; логика — цемент, скрепляющий эти кирпичи. Хорошая идея ничего не стоит, если ее невозможно доказать, — она должна быть рационально обоснована, а этого не добиться без прочного и надежного логического фундамента. Четко сформулированные аргументы открыты для критики и оценки; именно реакция на доказательства, процесс их пересмотра и уточнения способствуют развитию философии.

Доказательство — это рациональный логический переход от принятой точки зрения (*предпосылки*) к тому пункту, где ее следует обосновать или подтвердить (*вывод*). Предпосылки — это некоторые основные положения, которые должны быть приняты, хотя бы условно и временно, чтобы доказательство могло быть сформулировано. Предпосылки могут быть установлены несколькими способами: логически, эмпирически (на основе наблюдений) или могут быть следствием уже доказанных положений, но в любом случае они не должны повторять вывод. Переход от предпосылки к выводам осуществляется с помощью *умозаключений*, точность которых определяет надежность доказательства в целом. Отличать надежные, рациональные умозаключения от ненадежных — основная задача логики.

Роль логики Логика — наука об анализе доказательств, аргументов и установлении принципов, на основании которых могут быть сделаны надежные умозаключения. В сущности, предметом логики является не содержание аргумента, но его структура и форма. Так, цепочка рассуждений «все птицы покрыты перьями; малиновка — птица; следовательно, малиновка покрыта перьями» с точки зрения логики представляет собой формулу «все П есть О, М есть П, следовательно, М

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 350 до н. э.

Виды доказательств

IV в. до н. э.

Разрабатывая теорию познания, Аристотель вводит понятия суждения, умозаключения, силлогизма

Аристотелевская и математическая логика

До конца XIX века логика как наука следовала с небольшими отклонениями путем, проложенным Аристотелем более 2000 лет назад. Моделью правильного мышления считался силлогизм — умозаключение, основанное на трех суждениях (две посылки и вывод), самый знаменитый из которых: «Все люди смертны; греки — люди; следовательно, греки смертны». Силлогизмы были классифицированы по форме таким образом, чтобы можно было отличить надежные

от ненадежных. Ограничения традиционной логики были продемонстрированы работами немецкого математика Готлоба Фреге, который предложил новые элементы рассуждений, такие как переменные и кванторы, которые существенно расширили сферу действия современной «математической» логики (в отличие от традиционной логики она способна представить математические доказательства).

есть О», в которой все конкретные признаки заменены символами, а убедительность доказательства оценивается независимо от содержания проблемы. В прошлом изучение логики сводилось главным образом к простым заключениям именно такого рода (*силлогизмам*), но с начала XX века логика превратилась в тонкий и сложный аналитический инструмент.

Дедукция Приведенный выше пример («Все птицы покрыты перьями...») — доказательство *дедуктивное*. Заключение выводится из предпосылки, и доказательство считается «обоснованным». Если предпосылки обоснованного вывода верны, то и заключение обязательно будет верным, такое доказательство считается «надежным». Вывод дедуктивного доказательства скрыт в его предпосылках; иными словами, вывод «не выходит за пределы» предпосылки и не добавляет к ней ничего нового. Невозможно, таким образом, принять предпосылки и одновременно отвергать вывод, не вступая во внутреннее противоречие.

Индукция Другой основной метод доказательства — индукция. В типичном *индуктивном* аргументе основной закон или принцип следует из определенных наблюдений за внешним миром. Например, множество наблюдений показывает, что млекопитающие рожают детенышей, и индуктивно можно заключить, что все

середина XVIII в.

Дэвид Юм ставит под сомнение обоснованность индукции

1879

Готлоб Фреге заложил основы математической логики

Парадокс или обман?

«Пленный будет повешен на рассвете, не позже следующей субботы, и он не должен узнать заранее, в какой день приговор приведут в исполнение». Жутко звучит, но у хитроумного пленника есть способ потренироваться в логике. «В субботу меня не повесят, потому что тогда я буду знать заранее, ведь в пятницу еще буду жив. Значит, меня повесят в пятницу. Но и это невозможно, потому что, если я доживу до четверга, значит, мне станет известен день повешения»... и так далее. Так он отсчитывает дни в обратном порядке до настоящего момента и с облегчением понимает, что казни не будет. Конечно, когда в следующий вторник его все-таки вешают, для него это оказывается неприятным сюрпризом.

Парадокс или обман? Вероятно, и то и другое. История (известная как

парадокс предсказания) парадоксальна, поскольку логичные рассуждения приводят к совершенно неверному заключению. Парадоксы обычно содержат откровенно логичные аргументы, которые приводят к противоречивым или неприемлемым заключениям. Иногда вывод оказывается неизбежен, и тогда приходится переосмысливать предпосылки; или же ошибка может оказаться в самих рассуждениях. В любом случае парадоксы заслуживают внимания, поскольку демонстрируют слабые места в нашей системе рассуждений.

Многие известные парадоксы (некоторые из них мы рассмотрим далее) на удивление устойчивы и до сих пор не поддаются разрешению, несмотря на все усилия философов.

млекопитающие размножаются именно так. Подобное доказательство не может быть стопроцентно обоснованным и надежным (в отличие от дедуктивного), его заключение *не обязательно* следует из предпосылки; иными словами, возможна ситуация, когда посылка верна, а заключение — ложно (как в приведенном примере, в котором вывод опровергается существованием яйцекладущих млекопитающих — ехидны и утконоса). Индуктивное доказательство всегда выходит за рамки предпосылки, которая не влечет за собой обязательную истинность заключения, но предполагает его возможность. Индуктивные доказательства — это обобщения и всевозможные экстраполяции от частного к общему; от наблюдаемого к ненаблюдаемому; от прошлого и настоящего — к будущему.

Индуктивные рассуждения вездесущи и незаменимы. Без них невозможна была бы наша повседневная жизнь, мы не можем существовать без предсказаний, основанных на наблюдениях. Многие законы и принципы науки являются примерами индукции (см. с. 132). Но допустимо ли это? Шотландский философ Дэвид Юм давал отрицательный ответ, считая, что индукция не имеет *рационального* обоснования.

Индуктивное мышление, с его точки зрения, подразумевает веру в «единообразие природы», в соответствии с которым будущее будет напоминать прошлое при соблюдении относительно одинаковых условий. Но что может стать основанием для подобного вывода, кроме самой индукции? Даже если предполагаемую однород-

ность природы можно доказать только таким образом, это не может служить оправданием индукции, иначе получается замкнутый круг. Были попытки оправдать индукцию ее предыдущими успехами — она *работает* на практике, как ни крути.

Но предположение о том, что она будет работать и в будущем, по сути своей индуктивно, — опять получается замкнутый круг. С точки зрения Юма, мы не можем мыслить не индуктивно (он этого и не предлагает), но он настаивает, что наше мышление индуктивно в силу привычки и удобства, рационально оно не обосновано. Так называемая «проблема индукции», сформулированная Юмом, по сей день остается предметом дискуссий, особенно в части естественных наук.

« — И задом наперед, совсем наоборот, — подхватил Траляля. — Если бы это было так, это бы еще ничего, а если бы ничего, оно бы так и было, но так как это не так, так оно и не этак! Такова логика вещей! »

Льюис Кэрролл, 1871

**В сухом остатке
Безупречность выводов?**

28 Парадокс брадобрея

В деревне живет брадобрей, он бреет всех, кто не бреется сам, и только их. Кто же бреет самого брадобрея? Если он не бреется сам, то он бреет себя, а если бреется сам, то не бреет себя.

С виду парадокс кажется не таким уж сложным. Но при подробном рассмотрении этот на первый взгляд правдоподобный сценарий тонет в противоречиях. Безобидное с виду описание работы брадобрея (человек, «который бреет всех, кто не бреется сам») на самом деле логически невозможно, поскольку, согласно этому описанию, брадобрей не принадлежит ни к одной из групп — ни к бреющимся самостоятельно, ни к тем, кто бреется у брадобрея. Логически рассуждая, человека, не принадлежащего ни к одной из групп, существовать не может. Значит, его и не существует: парадокс разрешен.

Смысл философии в том, чтобы начать с самого очевидного, а закончить самым парадоксальным

Бертран Рассел, 1918

Значение парадокса брадобрея не столько в содержании, сколько в форме. Структурно парадокс брадобрея близок к менее известному, но более важному парадоксу Рассела. В парадоксе Рассела речь идет не о чисто выбритых жителях деревни, а о математических множествах. Разрешить парадокс Рассела оказалось гораздо сложнее, чем парадокс брадобрея, — сто лет назад он пошатнул самые основы математической науки.

Рассел и теория множеств Концепция множеств — одна из фундаментальных основ математики, поскольку множества относятся к числу самых «чистых» объектов, рассматриваемых этой наукой. Математический метод заключается в том, что определяются группы (множества) элементов, удовлетворяющих

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

VII в. до н. э.

Парадокс Эпименида

1901

Парадокс брадобрея

«Это утверждение ложно»

Проблема самоопределения, лежащая в основе парадокса брадобрея и парадокса Рассела, прослеживается во многих знаменитых философских головоломках. Одна из самых известных — так называемый «парадокс лжеца», предположительно сформулированный еще в VII в. до н. э., когда греческий философ Эпименид, критянин по происхождению, заявил: «Все критяне — лжецы». Самый простой вариант парадокса, приписываемого Эпимениду: «То, что я утверждаю сейчас, — ложно». Утверждение является ложным, если истинно, и истинным, если ложно. Этот парадокс легко продемонстрировать: на одной стороне листка бумаги надо написать «утверждение на другой стороне ложно», а на другой — «утверждение на другой стороне истинно». В такой формулировке каждое предложение само по себе безупречно, и весьма трудно отбросить парадокс как бессмыслицу, как предлагали некоторые.

Другой интересный вариант — парадокс Греллинга. Автологическими называются слова, описывающие сами себя; например, слово «пятисложное» является пятисложным, состоящим из пяти слогов. Гетерологические слова сами себя не описывают; например, слово «длинный» само по себе короткое. Каждое слово должно принадлежать к одной из этих групп. А слово «гетерологический» считается ли гетерологическим? Если да, то нет; если нет, то да. Похоже, нам никуда не деться от парадокса брадобрея.

определенным критериям, например множество всех действительных чисел больше единицы или множество всех простых чисел. Потом вычисляются другие свойства элементов исследуемых множеств. С точки зрения философии множества представляют особый интерес, поскольку возможность выразить все содержание математики (числа, отношения, функции) в терминах теории множеств позволяло «обосновать» математику чистой логикой.

1901

Парадокс Рассела продемонстрировал противоречивость логической системы Фреге

1908

Парадокс Греллинга

1918

«Мысль. Логическое исследование» Готлоба Фреге

Ясность мысли

Философские доказательства часто сложны и должны быть сформулированы с предельной точностью. Иногда философов немного «заносит», и попытки разобраться, о чем, собственно, идет речь, напоминают переход вброд реки из густой патоки. Если вам кажется, что правила крикета сложны для понимания, попробуйте разобраться в определении количества по Фреге: «Количество объектов в данном классе является классом всех классов, тождественных данному классу» — или совладать с рассуждениями Бертрانا Рассела о «числе классов»:

«Мы объяснили доктрину типов переменных, опирающуюся на принцип, что любое выражение, которое указывает на все из некоторого типа, должно, если оно что-либо обозначает, обозначать нечто более высокого типа, чем все то, на что оно указывает. Там, где указывается на все из некоторого типа, есть мнимая переменная, принадлежащая к этому типу. Таким образом, любое выражение, содержащее мнимую переменную, относится к более высокому типу, чем эта переменная. Это фундаментальный принцип доктрины типов. Изменение в способе, которым конструируются типы (это с необходимостью следует доказать), не затронуло бы решение противоречий до тех пор, пока соблюдается этот фундаментальный принцип».

«Мы не можем сказать: “говоря обо всех пропозициях, я подразумеваю все пропозиции, кроме тех, в которых упоминаются ‘все пропозиции’”, — ибо в этом объяснении мы упомянули пропозиции, в которых упоминаются все пропозиции, чего нельзя сделать осмысленно”».

В начале XX века немецкий математик Готлоб Фреге пытался определить арифметику в терминах логики с помощью теории множеств. Тогда считалось, что никаких ограничений или условий для определения множеств не существует. Проблема, на которую указал британский философ Бертран Рассел в 1901 году, заключалась во включении множеств в самих себя. В некоторых множествах само множество становится своим же элементом: множество математических объектов само по себе математический объект. Но конечно, множество простых чисел — не простое число. Теперь давайте рассмотрим множество всех множеств, которые не включают самих себя в качестве элементов. Является ли такое множество своим элементом? Если да, то нет; если нет, то да. Другими словами, чтобы быть элементом этого множества, необходимо

«Вряд ли что-нибудь может быть более нежелательным для ученого, чем обнаружить, что основания едва завершенной работы рухнули. Письмо, полученное мной от Бертрانا Рассела, поставило меня именно в такое положение»

Готлоб Фреге, 1903

не быть элементом множества. Прямое противоречие, в результате которого возникает парадокс, напоминающий парадокс брадобрея. Но, в отличие от случая с брадобреем, невозможно просто игнорировать досадную проблему, по крайней мере не разрушив теорию множеств, как ее понимали до Рассела.

Существование противоречий, на которые указал парадокс Рассела, в самой основе теории множеств значило, что математическое определение множеств не верно в своей основе. Если любое утверждение может (логически) быть доказано на основе противоречий, то любое доказательство в рамках теории множеств — не обязательно при этом ложное — не может быть признано обоснованным. Математику фактически пришлось перестраивать заново. Ключом к решению проблемы оказалось введение ограничений на формирование множеств. Рассел не только указал на существующую проблему, но был одним из первых, кто попытался ее решить, и, хотя его собственная попытка оказалась не вполне удачной, он открыл последующим исследователям верный путь.

**В сухом остатке
Если да, то нет;
если нет, то да**

29 Ошибка игрока

Монти и Карло устали сидеть на крупье, сгребаящего лопаточкой фишки с зеленого сукна на игорном столе. Они уже некоторое время не делали ставок, предпочитая смотреть, как развивается ситуация за столом. Но после того как пять раз подряд выпало красное, они уже с трудом сдерживались. Наконец терпение кончается. «Кто не рискует, тот не пьет шампанского» — мысль неоригинальная, но, вдохновившись ею, оба решают вступить в игру...

...Делая ставку, Монти думает:

«Красное пять раз подряд! Шестого раза быть не может. Ну, какова вероятность-то? По закону больших чисел должно выпасть черное».

В то же самое время Карло думает:

«А красному сегодня везет! Главное — не упустить удачу. Ставлю на красное».

«Ставки сделаны... Ставок больше нет», — объявляет крупье.

Кто же выиграет, Монти или Карло? Может, Карло, а может, и нет. Очевидно одно — оба они, как и миллиарды реальных игроков в мировой истории (самым древним игральным костям, найденным археологами, около пяти тысяч лет), пали жертвой так называемой ошибки игрока, или ложного вывода Монте-Карло.

«Следующим выпадет черное» Монти совершенно прав: «красное», выпадающее пять раз подряд, это действительно необычно: вероятность (при условии, что игра идет честно и игнорируется

вероятность выпадения zero) составляет 1 к 32, а вероятность выпадения шести красных подряд — 1 к 64. Но эти вероятности верны только *в начале* последовательности, до первого оборота колеса рулетки. Ошибка Монти в том, что относительно редкое событие (пять красных подряд) *уже произошло* и никоим образом не влияет на то, какой цвет выпадет следующим. Вероятность, что в следующий раз выпадет красное, как всегда, 1 к 2, или 50:50. У колеса рулетки — как и у костей, лотерейных шаров и так далее — нет памяти, поэтому учитывать, что уже произошло, в попытке предсказать, что выпадет следующим, — бессмысленно. Невероятность любого прошлого события или последовательности событий никак не влияет на вероятность события будущего. В пренебрежении этим фактом и заключается ошибка игрока.

Ошибочность рассуждений, приводящих к ошибке игрока, отлично иллюстрирует история человека, которого поймали на попытке пронести в самолет бомбу. «Вероятность того, что в самолете окажется одна бомба, невелика, — объяснил он полиции. — Представьте, насколько маловероятно, что в самолете окажется еще одна!»

Казино не обыграешь

Азартные игры в казино должны приносить выгоду самому казино, и обычно существуют небольшие уловки, чтобы изменить вероятность в пользу банка. Например, в рулетке есть одно (в Европе) или два (в США) бесцветных поля, поэтому шансы выигрыша у черного или красного на самом деле несколько меньше, чем 1 к 2. В «двадцать одно» вы должны обыграть банк: получается, 21 очко банка «бьет» 21 очко игрока. Одному игроку вполне возможно однажды выиграть у казино, но в общем и целом казино всегда останется в выигрыше.

1946

Парадокс Берксона

1950

Дилемма заключенного

«Чувствую себя нарушителем закона больших чисел»

Билл Молдин, 1945

«Красному везет!» Разумнее ли рассуждает Карло? На самом деле нет. Как и Монти, он пытается предсказать будущее на основе событий, не имеющих на это будущее никакого влияния. И если прошедшие события действительно случайны, он точно так же совершает ошибку игрока. Но разумеется, это касается только событий действительно случайных. Если лошадь выигрывает скачку четыре раза подряд, разумно предположить, что и в пятый раз она тоже выиграет. Но если при броске монеты двадцать раз подряд выпадает решка, разумней предположить, что с монетой что-то не так (например, она кривая). Точно так же, если в рулетке красное выпадает четыре раза подряд, *можно* предположить, что с рулеткой что-то не в порядке и игра идет не честная. С другой стороны, четыре красных подряд — событие не настолько маловероятное, чтобы делать какие-либо выводы о честности игры, основываясь только на нем. Так что при отсутствии иных подтверждений жульничества Карло точно такой же простофиля, как Монти.

Покупаете лотерейные билеты? Лучше начинайте копать...

Какова вероятность, что одинаковая последовательность шести номеров в английской национальной лотерее выпадет два раза подряд? Примерно 1 к 200 000 000 000 000 (200 миллионов миллионов). Вероятность невелика, так что надо быть полным болваном, чтобы выбирать те же цифры, что выпали на прошлой неделе... На самом деле не большим болваном, чем тот, кто выбирает другие шесть цифр. Это еще один случай ошибки игрока: после того, как одна последовательность цифр уже выиграла, вероятность повторного появления той же последовательности не выше и не ниже, чем у любой другой последовательности цифр, — всего-то 14 миллионов к 1. Таким образом, для людей, выбирающих наилучшую стратегию, нет никакой разницы, повторять одни и те же последовательности каждую неделю или регулярно выбирать новые, — разумнее, впрочем, вооружиться лопатой и начать искать клад у себя во дворе.

Закон больших чисел

В оправдание ошибки игрока часто приводят так называемый закон усредненности. Его смысл сводится к тому, что нечто с большей вероятностью произойдет в будущем, поскольку в прошлом оно случалось реже, чем предполагалось (или наоборот). Предполагается, что «на протяжении долгого времени обстоятельства сами собой выравниваются».

Привлекательность такого ложного подхода в его сходстве с настоящим статистическим законом больших чисел. Согласно этому закону, если подбросить монету несколько раз, соотношение выпавших «орлов» и «решек» может сильно отличаться от среднего числа (5 и 5 из десяти бросков); но при большом количестве попыток — скажем, тысяче — соотношение будет приближаться к среднему (500 и 500). И чем больше бросков, тем ближе будет соотношение к ожидаемому среднему. Итак, в серии случайных событий равной вероятности соотношение выравнивается при достаточной продолжительности серии. Но никакого отношения к вероятности конкретного события этот закон не имеет — монета не знает о предсказанном среднем соотношении и не будет из-за всех сил пытаться исправить любые отклонения от него. Неутешительно для игроков.

В сухом остатке
Вопреки вероятности

30 Парадокс сорита

Предположим (если есть такая необходимость), что у вас на голове много волос — 100 000 волосков. Теперь вырвите один из них. Вы облысеете от этого? Конечно, нет. Один волосок ситуации не меняет, 99 999 волос — все равно пышная прическа.

Мы все, разумеется, согласны с тем, что, если вы не лысый, удаление одного волоска не превратит вас в лысого. И если вы вырвете еще один, и еще, и еще... Рано или поздно, при должном упорстве, волос на голове не останется и вы, несомненно, облысеете. То есть, вы совершите переход от состояния бесспорной не-лысости к состоянию бесспорной плешивости в результате серии шагов, каждый из которых сам по себе не имел бы подобного эффекта. Так в какой же момент произошел переход?

Это вариант знаменитой головоломки, обычно приписываемой древнегреческому логик Ембулиду Милетскому, известной как «парадокс сорита». «Сорит» — от греческого слова «soros», «куча», поскольку в оригинальной формулировке речь шла о куче песка. В терминах сложения (песчинок), а не вычитания (волос) парадокс выглядит так:

Одна песчинка — не куча.

Если одна песчинка — не куча, то и две — не куча.

Если две — не куча, то и три — не куча.

(И так далее вплоть до...)

Если 99 999 песчинок — не куча, то и 100 000 — не куча.

Следовательно, 100 000 песчинок — не куча песка.

Но этот вывод очевидно не верен. Что же пошло не так?

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 350 до н. э.

Виды доказательств

около 300 до н. э.

Парадокс сорита

Проблема неопределенности Если вывод получается настолько очевидно бессмысленным, следует перепроверить умозаключения, которые привели к этому выводу. Должна быть ошибка либо в исходной посылке, либо в рассуждениях. Несмотря на древность парадокса, до сих пор нет единого мнения, как же с ним справиться наилучшим образом.

Один из предлагаемых выходов — настаивать, что существует момент, когда добавление одной песчинки меняет ситуацию, что есть точное количество песчинок, после которого куча становится кучей. К сожалению, определить это количество практически невозможно, и любое предложенное число кажется безнадежно субъективным: если 1001 песчинка — уже куча, то почему 999 — еще не куча? Но это фактически пощечина здравому смыслу, с этим невозможно согласиться.

Более многообещающий подход — рассмотреть подробнее исходное предположение, что процесс создания кучи из не-кучи может быть полностью реконструирован в серию отдельных действий по добавлению одной песчинки. Очевидно, что такие шаги присутствуют, но так же очевидно, что ими не ограничивается процесс создания кучи.

Переход кучи в не-кучу — это континуум, следовательно, нет и быть не может определенной точки перехода одного состояния в другое (по поводу похожей проблемы неопределенности см. с. 87). Это, в свою очередь, помогает разобраться со всеми подобными ситуациями,

Убийственная логика

Парадокс сорита до некоторой степени реализуется на практике курильщиками. Курильщик решает, и не без основания, что «следующая сигарета меня не убьет». Следующий логический шаг весьма напоминает парадокс сорита — «следующая после следующей меня тоже, наверное, не убьет». И так далее, но, к сожалению, не до бесконечности. Вполне разумное заключение, что от одной сигареты вреда не будет (но от множества выкуренных сигарет — наверняка), — пиррова победа покойного курильщика.

около 1901

Парадокс брадобрея

1973

Теория нечеткой логики
Лотфи Заде

Нечеткая логика

Традиционная логика двоична: утверждение может быть либо «истинно», либо «ложно». Но природная неопределенность некоторых понятий, которую демонстрирует парадокс сорита, показывает ограниченность формальной логики по сравнению с богатым и сложным естественным языком.

Нечеткая логика была разработана математиком Лотфи Заде, чтобы проводить вычисления с неточными значениями. Истина представляется в виде континуума между полной истиной (1) и полной ложью (0). То есть, например, любое «отчасти истинное» или «более-менее истинное» утверждение может быть названо правдивым на 0,8 и ложным на 0,2. Нечеткая логика оказалась особенно важна для исследований в области искусственного интеллекта, где «разумная» система должна реагировать на неопределенности и нюансы естественного языка

По мере возрастания сложности системы наша способность формулировать точные и при этом осмысленные утверждения о ее поведении уменьшается вплоть до некоторого порога, за пределами которого точность и смысл становятся практически взаимоисключающими характеристиками

Лотфи Заде, 1965

к которым применим парадокс сорита: куча песка, лысеющая голова, рост человека, рост благосостояния, прибавление веса и многие другие. Все это, так или иначе, варианты неопределенности, где невозможно провести четкую границу, отделяющую нынешнее состояние от предыдущего — маленький, бедный, худой и т. д.

Из такого разрешения парадокса следует, что во всех подобных ситуациях возникают пограничные состояния, когда ни один из терминов не подходит к объекту в полной мере. Возвращаясь к нашему первому примеру — существуют люди как определенно лысые, так и совершенно не лысые, но вместе с тем есть и много таких, о которых, в зависимости от контекста, можно сказать либо то, либо другое. Бывает так, что человек еще не лысый, но уже не «волосатый». Такие промежуточные

«Не бывает полной правды: любая правда — полуправда. И недоразумения начинаются, когда мы пытаемся обращаться с этими половинками так, будто они целые»

Альфред Вайтхед, 1953

состояния могут быть отнесены к любой из двух «пограничных» групп. Существование промежуточных состояний означает также, что такие утверждения, как «X — лысый», не всегда можно определить как безоговорочно правдивые или ложные; скорее можно говорить о степенях правды. Это приводит к конфликту естественного языка и точной терминологии классической логики, которой свойственна *бивалентность* (любое утверждение может быть либо верным, либо неверным).

Концепция неопределенности предполагает пересмотр всей классической логики и включение в нее элемента неопределенности, присущего естественному языку, — с чего и началось развитие других видов логики.

**В сухом остатке
Сколько песчинок нужно
для кучи песка?**

31 Король Франции лыс

Предположим, я скажу вам «король Франции лыс». Вы подумаете, что я чокнутый или просто поразительно плохо информирован. Но действительно ли это утверждение ложно? Если так, то (согласно установленному логическому закону) верно обратное — король Франции не лыс. Что звучит столь же странно. А может, оба утверждения не истинны и не ложны, а попросту бессмысленны, хотя, несмотря на свою странность, они таковыми не кажутся.

И что, философы правда этим занимаются? — спросите вы. Печально, что люди тратят столько времени, придумывая проблемы на свою голову. В общем, да, именно этим они и занимаются: за последние сто лет многие ведущие философы потратили много часов на размышления о лысине французского короля, хотя страна уже двести лет как республика. Размышления над этой и другими подобными проблемами привели Бертрана Рассела к созданию теории описаний, впервые изложенной в 1905 году в работе «Теория описаний». Эта теория, как и многие другие, созданные англоговорящими философами в начале XX века, основывалась на убеждении, что подробный анализ языка и его логики — самый надежный и, возможно, единственный путь познания мира, который этим языком описывается.

Щекотливые вопросы Главный фокус теории описаний Рассела — лингвистические элементы под названием «описательные выражения»: «первый человек на Луне», «самое маленькое простое число», «высочайшая вершина мира», «нынешняя королева Англии» и тому подобные. С точки зрения грамматики предложения с такими фразами — например, «Первым человеком на Луне был

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 300 до н. э.

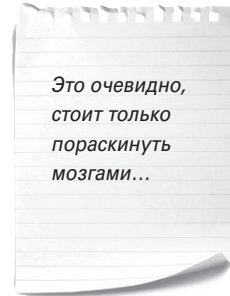
Парадокс сорита

1078

Онтологическое
доказательство

Таким образом, «отец Карла II был казнен» приобретает вид: «Не всегда ложно для X, что X породил Карла II и X был казнен», а утверждение «если У породил Карла II, то У совпадает с X» всегда истинно для У»

Бертран Рассел, 1905

американец» — похожи на так называемые «конструкции субъект-предикат», такие как «Нил Армстронг был американцем». В последнем примере имя собственное «Нил Армстронг» описывает определенный объект (человека) и потом приписывает этому объекту некое свойство (американец). Несмотря на внешнее сходство имен собственных, попытка обращаться с этими двумя типами утверждений одинаково приводит к массе проблем. Их-то Рассел и попытался решить в своей работе 1905 года. Он выделил две главные:

1. *Информативное утверждение идентичности.* Если А и В идентичны, любое свойство А также является свойством В, и А может заменить В в любом предложении, не повлияв на его истинность или ложность. Георг IV хочет узнать, является ли Вальтер Скотт автором «Уэверли». Поскольку Скотт действительно автор этого романа, вышеописанная замена приводит к тому, что Георг IV пытается узнать, действительно ли Скотт — Скотт. Но едва ли он хотел узнать именно это. «Вальтер Скотт — автор «Уэверли» — информативное предложение, а «Вальтер Скотт — это Вальтер Скотт» — нет.
2. *Сохранение законов логики.* Согласно закону исключенного третьего (одному из законов классической логики), «если А есть В» ложно, то «В не есть А» истинно. То есть если утверждение «король Франции лыс» ложно (что в XXI веке практически не вызывает сомнений), то «король Франции не лыс» должно быть истинно. Но это не так. Если и само утверждение, и отрицание его ложны, логика явно не справляется.

1901

Парадокс брадоброя

1905

Теория описаний
Бертрانا Рассела

Экзистенциальная тоска

Многие описательные выражения не означают *вообще ничего*. Например, мы могли бы сказать: «Самого большого простого числа *не существует*». Но утверждать, что свойством чего-либо является несуществование, — очевидный абсурд. Как и утверждение, что нечто существующее не существует, — очевидное противоречие. Анализ подобных утверждений, предпринятый Расселом, объясняет, каким образом такие не несущие значения выражения могут иметь смысл даже без принятия метафизических концепций вроде несуществующих сущностей, — самой важной из таких сущностей является Бог. Очевидные недостатки одного из главных аргументов в пользу существования Бога (онтологический аргумент, см. с. 160) демонстрирует анализ «по Расселу».

Решение Рассела Решение каждой из этих проблем, с точки зрения Рассела, заключается в том, что не следует воспринимать описания как замаскированные утверждения. Внешность обманчива: хотя многие приведенные примеры *грамматически* сформулированы как предложения типа субъект-предикат, *логически* они таковыми не являются. Определять правдивость или ложность утверждения и подтверждать любой вывод, который мы делаем на данном основании, должна именно логическая структура.

Отбросив модель субъекта-предиката, Рассел предложил считать утверждения с конкретными описаниями «экзистенциально количественными». Таким образом, утверждение «F есть G» может быть разделено на три отдельных утверждения: «существует F»; «существует только одно F»; «если нечто является F, тогда оно же является G». С помощью подобного анализа Рассел успешно развеял все тайны, связанные с растительностью на головах европейских монархов:

1. «Вальтер Скотт — автор “Уэверли”» раскладывается на: «есть сущность, и только одна сущность, являющаяся автором “Уэверли”, и эта сущность — Вальтер Скотт». Георга IV определенно интересует истинность одного из этих утверждений; было бы странно интересоваться банальной информацией, которую предполагает описательная модель.

«Однако если мы перечислим вещи, которые являются лысыми, а затем вещи, которые не являются лысыми, мы ни в одном списке не найдем нынешнего короля Франции. Гегельянцы, обожающие синтезы, вероятно, заключили бы, что он носит парик»

Бертран Рассел, 1905

2. «Нынешний король Франции лыс» превращается в «есть сущность, являющаяся королем Франции в данный момент, и такая сущность только одна, и эта сущность — лысая». Утверждение в целом ложно, но не потому, что король Франции *не* лыс (что также ложно), а потому, что «не существует сущности, являющейся королем Франции». Данное утверждение истинно, и закон исключенного третьего по-прежнему работает.

**В сухом остатке
Язык и логика**

32 Жук в коробке

Предположим, что у каждого человека есть коробка, в которой что-то лежит. Назовем это нечто «жуком». Никто не заглядывает в чужие коробки, и все знают, что такое жук, только потому, что видели своего жука у себя в коробке.

— Вполне вероятно, что у каждого в коробке лежит что-то свое.

Возможно, эта штука в коробке постоянно изменяется.

— Но если при этом в языке есть слово «жук», оно не используется для описания такого предмета.

— Предмет, содержащийся в коробке, вообще не описывается языком — даже как *нечто*: коробка вообще может быть пустой...

Что мы имеем в виду, когда говорим о «боли»? Ну, это же очевидно, подумаете вы: определенное ощущение, одно из многих в нашем субъективном опыте. Австрийский философ Людвиг Витгенштейн утверждал, что на самом деле ответить на поставленный вопрос вы не в состоянии, более того — ответить на него вообще невозможно. Жук в коробке — метафора, с помощью которой он объяснял, что имеет в виду. Субъективный опыт человека — та самая коробка; то, что содержится в коробке, человек называет «жуком». Коробка есть у каждого, но заглянуть можно только в свою собственную. Все пользуются словом «жук» для описания содержимого своих коробок, но более чем вероятно, что в разных коробках — разные предметы или вообще ничего. Под «жуком» подразумевается просто «то, что содержится в коробке», и подлинное содержимое коробки не имеет ничего общего со значением слова «жук»; сам по себе «жук», чем бы он ни был на самом деле, «оказывается вне обсуждения». Описывая то, что происходит внутри нас, мы пользуемся языком, который создан *обществом* и управляется *общими* правилами. Субъективные внутренние ощущения,

которые неизвестны окружающим, могут не иметь ничего общего с публичной деятельностью индивида. Каковы бы ни были подлинные чувства, они не имеют никакого отношения к *значению* описывающих их слов.

Дискуссия об индивидуальном языке

Метафорой «жука в коробке»

Витгенштейн попытался завершить один из

самых важных философских споров XX века: так называемую «дискуссию об индивидуальном языке». До Витгенштейна общее (и согласующееся со здравым смыслом) представление о языке заключалось в том, что слова имеют значение как описания определенных явлений реального мира; слова являются «обозначениями» — это ярлыки, определяющие предметы, к которым они «прикреплены». В случае ощущений, таких как боль, процесс названия происходит на основе самоанализа, при котором определенный ментальный опыт ассоциируется с определенным словом. Более того, для философов, таких как Декарт и Локк с их «путем идей» (см. с. 12), согласно которому *все* наше взаимодействие с миром происходит через внутренние представления или «идеи», значение *всего* языка должно зависеть от внутреннего процесса соединения слова с тем или иным мысленным объектом. Дискуссия об индивидуальном языке развернулась вокруг предположения, что в таком случае слова могут вовсе не иметь смысла.

Предположим (вслед за Витгенштейном), что вы решили делать запись в дневнике каждый раз, когда испытываете определенное ощущение. Вы записываете в дневник букву S, сугубо личное обозначение для «ощущения, которое я сейчас испытываю». Как позже узнать, правильно ли вы использовали этот значок в одном из предыдущих случаев? Единственное, что оправдывало применение значка в первый раз, — ваше собственное решение; но единственное, что оправдывает его в последующий момент, — решение, принятое в этот момент. Другими словами, выбирайте сами: если обозначение *кажется* правильным, оно правильно; и «это значит только лишь то, что мы не можем говорить о “правильности”». Нет никакого независимого “критерия правильности”, заключает Витгенштейн, никакого стандарта, кроме собственного субъективного опыта. Утверждать обратное — значит уподобляться человеку, который кричит «я знаю, какого я роста!» и в

Рассматривай предложение как инструмент, а его смысл — как его применение!

Людвиг Витгенштейн, 1953

Помочь мухе выбраться из бутылки

Дискуссия о концепции «индивидуального» языка выходила далеко за рамки «лингвистической» философии. В первой половине XX века язык стал центральным предметом множества философских исследований, поскольку считалось, что пределы знания ограничены именно языком. «О чем нельзя сказать, о том следует молчать», — заметил молодой Витгенштейн. Так что прорыв в понимании языка «встряхнул» философию в целом. И столь же велико было влияние стиля работы и методики Витгенштейна на развитие науки.

Ученый считал, что многое в современной философии неверно, поскольку основано на неверном понимании языка (ошибочное мышление разоблачила теория «индивидуального языка»). Философы, полагал он, придают слишком большое значение определенным формам выражения и недостаточно — реальному использованию языка в социальных взаимодействиях. Они привыкли к абстракциям и обобщениям, помогающим изолировать изучаемую проблему, которую затем можно решить. На самом деле так они лишь создают проблемы себе, потому что «язык уходит на каникулы». Одно из знаменитых предложений Витгенштейна — искать в философии лечение и утешение, а не теорию. Философы в его красочном описании подобны мухам в бутылке; его же задача заключалась в том, чтобы «помочь мухам из бутылки выбраться».

подтверждение кладет руку себе на макушку, замеряя высоту. Поскольку не существует объективного способа проверить, правильно ли употреблен индивидуальный знак, такой знак не может иметь значения; а язык, составленный из таких знаков («индивидуальный язык»), будет бессмысленным, непонятным даже самому его «создателю».

Значение через использование Выходит, что слова не получают и не могут получать своего значения так, как предлагает модель «внутреннего процесса». Но тогда каким же образом? Продемонстрировав бессмысленность «индивидуального» языка, Витгенштейн настаивал на необходимости языка «общественного», слова которого имеют значение «только в потоке жизни». Не будучи связанным с неким таинственным процессом в нашем разуме, значение языка лежит на поверхности, и заключено оно в том, как мы его используем.

Ошибочно предполагать, что сначала следует раскрыть цели языка, а лишь *затем* «уйти в глубину», чтобы отыскать его значение. Значение определяется взаимодействием носителей языка: договоренности людей о значении слова, по сути, являются соглашением о его применении. Язык — явление общественное, вплетенное в ткань совместного бытия людей; общий язык предполагает общую культуру, общие верования и представления, общий взгляд на мир.

Расширяя свою идею значения как использования, Витгенштейн предложил понятие «языковой игры». Умение владеть языком заключается в умении использовать подходящие слова в разных контекстах, от строго определенных профессиональных ситуаций до самых распространенных социальных взаимодействий. Каждый контекст создает свою собственную языковую игру со специфическим набором правил. Они не могут быть правильными или неправильными, только более или менее соответствующими определенной ситуации или цели.

«Если бы лев мог говорить, то мы бы не смогли понять, что он сказал»

Людвиг Витгенштейн, 1953

В сухом остатке
Языковая игра

33 Наука и лженаука

Ископаемые — это останки древних существ, превратившиеся в камень и сохранившиеся в глубине горных пород. Обнаружены десятки тысяч различных ископаемых...

1. ...от примитивных бактерий, живших 3,5 миллиарда лет назад, до предков человека, впервые появившихся в Африке около 200 000 лет назад. Ископаемые и их расположение в разных слоях породы — бесценный источник информации о развитии жизни на Земле, демонстрирующий, как ранние примитивные формы постепенно эволюционировали в известные нам виды животных и растений.
2. ...от примитивных бактерий до человекоподобных приматов. Все эти вымершие организмы, как и все ныне существующие виды, были созданы Богом за шесть дней примерно шесть тысяч лет назад. Большинство ископаемых животных погибли во время катастрофического потопы спустя тысячу лет.

Существуют два радикально противоположных объяснения происхождения ископаемых и информации, которую мы можем получить, исследуя их. Первое — взгляд обычного современного палеонтолога или геолога. Второе — взгляд креациониста, который считает историю сотворения мира, изложенную в Книге Бытия, абсолютной истиной. Ни один из них не проявляет терпимости по отношению к взглядам другого: креационист считает палеонтолога безнадежно заблуждающимся, особенно в том, что касается теории эволюции. Ученый полагает, что креационистом движет религиозный фанатизм, возможно даже политически мотивированный, и тот явно не в ладах с головой, если считает свою позицию серьезной научной теорией. Креационизм с точки зрения современной науки — чушь, притворяющаяся наукой, — «лженаука».

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 350 до н. э.

Виды доказательств

около 1300

Бритва Оккама

Если вы застряли в дыре...

Хронология эволюции может считаться правдивой только в случае отсутствия геологических «перевертышей», то есть случаев, когда ископаемые залежали бы не в хронологическом порядке. Эту гипотезу легко проверить и легко опровергнуть: достаточно найти одну кость динозавра в том же слое породы, что и кость человека, — и теории эволюции конец. Тем не менее среди миллионов найденных ископаемых нет ни одного подобного случая: отличное подтверждение теории. Для креационистов тот же самый факт создает огромное

неудобство. Среди многочисленных отчаянных попыток объяснить его предлагались, к примеру, «гидравлические сортирующие действия» — согласно этой гипотезе тела разной плотности, размера, формы и т. п. с разной скоростью погружаются в землю, и таким образом одинаковые останки оказываются на одинаковой глубине. Еще одна идея — те животные, что поумней, смогли добежать до возвышенностей и прожить чуть подольше. А если вы провалились в геологическую дыру...

Сущность науки Что, собственно, представляет собой наука? Это первое, что необходимо понять, чтобы отличить ученых от жуликов. В любом случае вопрос важный, ведь роль науки сложно переоценить. Всего за несколько веков наука до неузнаваемости изменила жизнь человечества: многие опасные болезни были полностью уничтожены; путешествие, на которое прежде ушли бы недели, занимает несколько часов; человек побывал на Луне; нам известна субатомная структура материи. Эти и великое множество других ошеломляющих достижений — несомненная заслуга науки. Авторитет науки столь велик, что достаточно простого заявления о «научности» чего-либо в качестве аргумента в споре. Но подлинная наука открыта критическому анализу, в то время как лженаука преследует весьма сомнительные и порой откровенно опасные цели. Следовательно, для нас принципиально важно отличать настоящую науку от лженауки.

Гипотетический метод Обычно считается, что «научный метод» есть метод гипотетический: исследование начинается с данных, полученных в результате наблюдений, а затем переходит к созданию гипотезы, объясняющей полученные

1637

Декарт называет разум абсолютным гарантом истинности знания

1739

Наука и лженаука в свете «проблемы индукции» Юма

1935

Карл Поппер предлагает принцип опровергаемости теории в качестве основного критерия ее научности

данные. Успешная гипотеза выдерживает дальнейшую проверку и позволяет делать те или иные предположения, в отсутствие данной гипотезы невозможные. Таким образом осуществляется переход от эмпирических наблюдений к обобщениям, и если обобщение достоверно и на протяжении длительного времени подтверждается все новыми экспериментами, оно может быть принято как «закон природы»: предполагается, что в любом месте в любое время при сходных обстоятельствах он будет соблюдаться. Трудности такого понимания науки, отмеченные впервые Дэвидом Юмом 250 лет назад, заключаются в так называемой «проблеме индукции» (см. с. 111).

Подтверждение теории практикой То же самое можно сформулировать иначе — научная теория всегда «недоопределена» фактами: сами по себе факты не позволяют выбрать одну из нескольких предложенных теорий. В принципе, можно придумать бесконечное множество альтернативных теорий, объясняющих или «приспосабливающих» одни и те же данные. Вопрос в том, сможет ли теория выдерживать все уточнения и *ad hoc** добавления, которые потребуются в нее внести, и все равно остаться научной в полном смысле этого слова. Процесс постоянного уточнения и совершенствования теории — важная часть научной

* Здесь — пристроить (лат).

Опровергаемость

Один из возможных ответов на проблему индукции предложил австрийский философ Карл Поппер. Он, в сущности, признал существование проблемы, но предпочел ее обойти. Он предложил никогда не считать ни одну теорию доказанной, вне зависимости от количества подтверждающих данных; теорию можно только временно признать работающей, пока она не будет опровергнута. Миллионы наблюдений за белыми овцами, строго говоря, не подтверждают, что все овцы являются белыми, и для опровержения такой гипотезы достаточно будет одной черной овцы. Опровергаемость теории, с точки

зрения Поппера, и есть главный критерий, отличающий подлинную науку от ложной. Научная теория выдвигает конкретные предположения, которые можно проверить и опровергнуть; лженаука, напротив, осторожна и предпочитает как можно более размытые формулировки, опасаясь разоблачения. Опровергаемость до сих пор остается важным критерием проверки научных теорий, хотя не все согласны с исключением индукции из научной методологии и упрощенной моделью взаимодействия научных теорий с фактами, на которых они основаны.

методологии, но если обнаруживается чересчур много фактов, противоречащих теории, то единственным (разумным) выходом становится отказ от нее.

Проблема креационизма как теории состоит в чудовищном объеме данных, опровергающих его. Вот лишь два примера:

- радиометрические и прочие методы датировки, которые используются в геологии и антропологии, должны быть полностью отброшены в угоду креационистской хронологии (так называемой Новой хронологии Земли);
- расположение ископаемых в геологических слоях и постоянство этого расположения (одинаковые ископаемые появляются в одних и тех же слоях), неопровержимо свидетельствующее в пользу эволюции, требуют от креационизма довольно экстравагантных дополнений, зачастую откровенно смехотворных.

Креационизм сам по себе создает массу спорных моментов. К примеру, для Всемирного потопа понадобился бы гигантский источник воды, и на данный момент нет ни одного хоть сколько-нибудь правдоподобного предположения, что это мог быть за источник (падение ледяной кометы, водяные пары атмосферы, подземные водяные пласты и т. п.). Креационизм не готов рисковать — он не выдвигает смелых, но проверяемых теорий, в отличие от настоящей науки. Говоря откровенно, он оперирует фантастически рискованными, но абсолютно ничем не подтвержденными заявлениями.

**В сухом остатке
Факты опровергают
гипотезы**

34 Смена парадигмы

«Если я и видел дальше других, то лишь потому, что стоял на плечах гигантов». Знаменитая фраза Исаака Ньютона в беседе с Робертом Гуком удачно отражает популярный взгляд на развитие науки. Считается, что научный прогресс — процесс постепенный, что каждое поколение ученых опирается в своих трудах на работы предшественников. Они вместе, постепенно, методично и неодолимо приближаются к постижению мироздания.

Расхожий и в целом привлекательный образ, но, если верить американскому философу и историку Томасу С. Куну, не имеющий ничего общего с реальностью. В своей знаменитой книге 1962 года «Структура научных революций» Кун рисует совсем другую картину. История развития науки — это куда более неровный, ухабистый путь дискретного и скачкообразного прогресса, с периодическими революционными кризисами, которые он назвал «смена парадигмы».

Наука обычная и революционная В периоды так называемой «нормальной науки», согласно Куну, сообщество ученых, которых объединяет единая система взглядов, работает в рамках некой концептуальной основы, известной как «парадигма». Парадигма — это обширный и не вполне точно определенный набор взглядов, идей и предположений: общепринятые практические методы, неявно обозначенные направления в соответствующих темах исследований и экспериментов, проверенные технологии и согласованные стандарты оценки данных, бесспорные трактовки, передаваемые от поколения к поколению, и т. п. Работающие в рамках определенной парадигмы ученые не склонны выходить за ее рамки

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 1300

Бритва Оккама

1739

Наука и лженаука

Научная истина и научный релятивизм

Центральный элемент куновской картины развития науки — представление о неразрывной связи науки и комплекса культурно-исторических и прочих факторов. Хотя сам Кун пытался дистанцироваться от релятивистского толкования своей работы, его идеи поставили под сомнения сам факт существования научной истины и представление о задаче науки как поиске объективно истинных фактов об устройстве мира. Какой вообще смысл говорить об объективной истине, если каждое научное сообщество определяет свои собственные цели и свои критерии

оценки доказательств, пропускает все данные через мелкое сито существующих идей, убеждений и концепций и само выбирает, какие вопросы заслуживают ответа и какой ответ считать удовлетворительным? Обычное представление о достоверности научной теории заключается в том, что она выдерживает проверку объективными фактами. Но, как продемонстрировали Кун и его последователи, не существует никаких «объективных» фактов; каждое наблюдение «подкреплено теоретически» — то есть окутано толстым слоем существующих представлений и концепций.

или рассматривать новые перспективы; в основном они заняты решением задач, которые предлагает эта концептуальная схема, улаживая отклонения от нормы, расширяя и укрепляя границы своей области знаний.

Период нормальной науки может длиться много поколений, порой даже несколько столетий, но постепенно накапливается критическая масса проблем и фактов, которые невозможно объяснить в рамках существующей парадигмы. Рано или поздно это вызывает кризис, который заставляет отдельных ученых выйти за пределы прежней парадигмы и начать разработку новой, после чего остальные ученые также начинают дрейфовать в сторону новой парадигмы, и процесс этот может занять годы, а то и десятилетия. Любимый пример самого Куна — болезненный переход от геоцентрической системы Птолемея к гелиоцентрической астрономии Коперника. Еще одна революционная смена парадигмы — переход от ньютоновской механики к квантовой физике и релятивистской механике в первые десятилетия XX века.

1962

«Структура научных революций»
Томаса С. Куна

Повседневное использование и злоупотребление

Понятие «смена парадигмы» — довольно редкий случай научного термина, быстро и без усилий перекочевавшего в повседневный лексикон. Сама идея резкого изменения общего взгляда на мир так соблазнительна, что теперь термин встречается в самых разных контекстах. Изобретение пороха — смена парадигмы в военной технологии,

пенициллин — в медицине, реактивный двигатель — в авиации, мобильные телефоны — в обществе в целом, графитовые ракетки — в теннисе и так далее. К сожалению, фраза стала дежурной даже в учебных пособиях маркетологов. Забавно, но работа Куна предполагала понятие смены парадигмы исключительно в смысле развития науки.

Теория Куна полна противоречий, неточностей и притянутых за уши утверждений, так что она была и остается весьма спорной, но ее огромное влияние на развитие

философии науки очевидно. Особенный интерес представляет утверждение о «несовместимости» парадигм — якобы разница во внутренней логике разных парадигм столь велика, что результаты, полученные в рамках одной из них, фактически бесполезны или, по крайней мере, не поддаются проверке в другой. Ясно, что «атом» греческого философа Демокрита — совершенно не то же самое, что атомная модель Эрнеста Резерфорда, но представление о несовместимости парадигм предполагает также, что и атом Резерфорда отличается от того, что описывает современная квантовая механика. Эта логическая дискретность, «разобщенность» в грандиозном здании науки прямо противоречит всем представлениям, существовавшим до Куна. Ранее считалось, что здание науки

Прокол Кельвина

Порой сдвиг парадигмы ставит в неловкое положение даже известных ученых. В 1900 году, в приступе невиданной спеси, знаменитый британский физик лорд Кельвин заявил: «В физике нечего больше открывать. Осталось только совершенствовать методы измерений». Несколько лет спустя общая и специальная теория относительности Эйнштейна и новая квантовая теория воцарились там, где более двух веков господствовала ньютоновская механика.

Внутренние противоречия науки

Всегда считалось, что наука в общем и целом организована. Существовало общее представление о «научном методе» — едином, строго определенном наборе процедур и методик, которые можно использовать во многих областях науки. Это предполагало и гипотетическое объединение разных наук, в котором законы и принципы всех отдельных дисциплин объединятся в единую стройную систему. Ключом

к такому объединению должно было стать сведение всех наук к одной физике. Но современные исследования показали, насколько тесно наука связана с культурой и жизнью общества в целом и насколько она разобщена сама по себе. И с этими исследованиями пришло понимание, что поиск единой научной методологии вполне может оказаться безрезультатным.

возводится постепенно на фундаменте, заложенном предшественниками. Кун одним росчерком пера уничтожил идею поступательного прогресса и заменил его картиной сменяющих друг друга разрозненных, логически несовместимых и зачастую конфликтующих взглядов и методов.

«Я не сомневаюсь, например, что ньютоновская механика улучшает механику Аристотеля и что теория Эйнштейна улучшает теорию Ньютона в том смысле, что дает лучшие инструменты для решения головоломок. Но в их последовательной смене я не вижу связного и направленного онтологического развития»

Томас Кун, 1962

В сухом остатке
Наука — эволюция
и революция

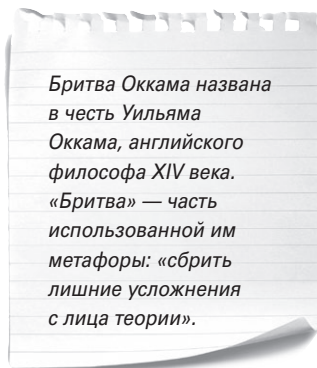
35 Бритва Оккама

Круги на полях — геометрически точные фигуры из примятых, упавших стеблей растений — пшеницы, риса, ячменя и так далее. Такие громадные фигуры сложной конфигурации нередко находили по всему миру начиная с 1970-х годов. Вопрос их происхождения широко и страстно обсуждался в средствах массовой информации.

Особенно популярны были следующие объяснения:

1. Круги — это места приземления инопланетных космических кораблей или НЛО.
2. Круги созданы какими-то шутниками с помощью веревок и прочих инструментов с целью привлечь к себе внимание СМИ.

Обе версии объясняют существующие данные, так как решить, какая из них верна? В отсутствие другой информации можем ли мы сделать рациональный выбор? Можем, воспользовавшись принципом, известным как «бритва Оккама»: из двух гипотез, объясняющих одно и то же явление, стоит выбирать более простую — ту, которая предполагает наименьшее количество допущений. В нашем случае первая теория подразумевает существование НЛО, чему нет никаких подтвержденных доказательств. Вторая не требует признания существования паранормальных явлений, а вот озорники частенько встречались в человеческой истории. Таким образом, мы можем заключить — предварительно и с готовностью изменить

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 350 до н. э.

Виды доказательств

около 1300

Бритва Оккама

1690

«Опыт о человеческом разумении»
Локка, одно из наиболее полных описаний человеческого восприятия

Лошадь, а не зебра

Молодые врачи иногда поддаются соблазну поставить больному какой-нибудь экзотический диагноз, хотя симптомы можно объяснить вполне обычным, банальным заболеванием. Именно поэтому студентов-медиков предупреждают: «Если слышите стук копыт, не ждите, что появится

зебра» — в подавляющем большинстве случаев правильным окажется простой и очевидный диагноз. Не следует, впрочем, забывать, что, как всегда в случае с бритвой Оккама, простое объяснение не обязательно верно, и врач, способный распознать только лошадь, был бы настоящим коновалом.

мнение в случае появления новых данных, — что круги все-таки результат деятельности шутников из числа землян.

В данном случае бритва Оккама сработала как нельзя лучше. Теперь уже точно известно, что вторая теория верна, поскольку эти самые шутники сознались в своих выходках. Всегда ли этот принцип оказывается таким надежным?

Амбиции и рамки Идея бритвы Оккама, известная также как принцип экономии, по большому счету сводится к требованию не искать более сложного объяснения при наличии более простого. Из нескольких предложенных объяснений следует (при прочих равных) выбирать простейшее.

Бритву Оккама иногда критикуют за то, что принцип отсекает сущности, не имея на то никаких оснований. Эмпирические теории всегда «недостаточно подтверждены» фактами (см. с. 134), поэтому всегда существует несколько возможных объяснений. Принцип не утверждает, что простейшее объяснение всегда верно, просто оно *с большей вероятностью* может оказаться правильным, и его следует придерживаться, пока нет оснований от него отказаться. Бритва Оккама — не закон, а скорее житейское правило, полезная методика, особенно выручающая исследователя на ранних стадиях работы над той или иной проблемой.

1640-е

Декарт заявляет о существовании дуализма тело/разум

1710

Епископ Беркли предлагает нематериалистическую теорию

1974

Томас Нагель интересуется «Каково быть летучей мышью?»

Принцип «KISS»

Еще одна несколько неприлично звучащая формулировка «бритвы Оккама» в инженерной и технической сфере называется «принцип KISS». При разработке компьютерных программ, например, существует опасность излишнего усложнения и детализации, в результате чего программа обрастает пугающим количеством «прибамбасов», и при этом 95% пользователей будут их игнорировать. Принцип «KISS» призван предотвратить подобные случаи. Аббревиатура образована из первых букв фразы «*Keep It Simple, Stupid*» — «Будь проще, придурок».

Бритва в действии Бритва Оккама часто используется в научных спорах, включая многие из приведенных в этой книге. Проблема «мозга в колбе» (см. с. 4) предлагает два несовместимых сценария, объясняющих данные: либо мы действительно физически существуем в реальном физическом мире, либо мы просто мозги, плавающие в резервуарах. Существуют ли разумные основания предпочесть первое объяснение второму? Да, если воспользоваться бритвой Оккама, поскольку первое объяснение гораздо *проще*: простой реальный мир против виртуального мира, для создания которого требуется и специальный резервуар, и сложное оборудование, да еще и в придачу злодей-ученый. Но в этом случае, как и в других, проблема не разрешается,

а всего лишь обходится: откуда нам знать, какой из сценариев действительно проще? Можно, например, настаивать, что критерием простоты является количество существующих физических объектов, и тогда виртуальный мир вполне может оказаться более простым объяснением.

Подобным же образом проблема чужого разума (см. с. 44) — откуда мы знаем, что другие люди тоже наделены разумом? — решается одним движением бритвы: возможно множество разных объяснений, но логичней предположить, что у других людей и вправду есть разум, подобный нашему, поскольку наличие у них разумного мышления — *самое простое* объяснение их поведения. Хотя и тут простота объяснения может оказаться спорной.

Бритва Оккама часто используется против разных форм дуализма, поскольку проще не придумывать новых уровней реальности, уровней объяснений и так далее. Именно осуждение необоснованного усложнения — постулат об отдельности ментальной и физической сфер и дальнейшие мучительные попытки объяснить принципы их взаимодействия — лежит в основе множества возражений против картезианского дуализма разум/тело. Бритва Оккама может удалить один из слоев реальности, но она, разумеется, не в состоянии указать, какой именно. Сегодня физикалисты — те, кто

Буриданов осел

Разумное применение бритвы Оккама должно облегчить выбор одной из двух предлагаемых теорий. Притча о Буридановом осле — названном так в честь ученика Оккама, Жана Буридана, — демонстрирует опасность слишком тщательного обдумывания выбора. Вышеупомянутый осел, когда ему предложили на выбор две одинаковые кучи сена, так и не нашел причины

выбрать одну из них и в итоге умер от голода. Ошибка бедолаги заключалась в представлении о том, что при отсутствии разумного выбора между двумя альтернативами рациональный образ действия — бездействие. На самом деле, конечно, разумнее сделать хоть что-нибудь, даже если выбор не может быть объяснен рационально.

считает, что все явления (включая нас самих) легко объяснимы с точки зрения физики, — составляют большинство среди ученых, но всегда найдутся идеалисты, подобные Джорджу Беркли (см. с. 15).

Тупая бритва? Идея простоты может интерпретироваться по-разному. Выступает ли бритва Оккама против лишних сущностей или лишних гипотез? Разница между ними огромна: стремление не увеличивать количество гипотез и придерживатья простоты в формулировках иногда называют стремлением к «элегантности»; сокращение количества используемых в рассуждениях сущностей можно назвать «бережливостью». И они могут друг другу противоречить: вводя в рассуждения новую неизвестную сущность, например планету или субатомную частицу, можно отказаться от массы теоретических обоснований. Но если сам принцип создает значительную неопределенность, разумно ли так активно его использовать?

**В сухом остатке
Будь проще**

36 Что есть искусство?

«Я сталкивался лично и много слышан о наглости кокни, однако никогда не ожидал встретить шута, который просит двести гиней за то, что выплеснул ведро краски в лицо публики». Вот так нелестно английский критик Джон Рескин в 1875 году отозвался о знаменитом полотне Джеймса Макнила Уистлера «Ноктюрн в черном и золотом». Последовавшее судебное разбирательство закончилось номинальной победой художника — он получил один фартинг компенсации, — хотя на деле Уистлер обрел нечто гораздо более важное: основания для защиты права художника на самовыражение, не скованное давлением критики, и провозгласил боевой клич эстетизма — «искусство ради искусства».

В том, что Рескин абсолютно не понял работы Уистлера, нет ничего необычного. Каждая новая эпоха в истории искусства начинается с борьбы критика и художника, в которой первый — зачастую являясь отражением консервативных взглядов публики — с отвращением и презрением отражает агрессивный натиск нового поколения. В наши дни мы постоянно наблюдаем, как критики в отчаянии заламывают руки перед шедеврами современного искусства: маринованная акула, облитый уриной холст, неприбранная постель. Не видно конца этому конфликту, поскольку в основе его фундаментальное расхождение по основному вопросу: что есть искусство?

От изображения к абстракции Представления Уистлера и Рескина о свойствах художественного произведения не имели практически ничего общего. На философском жаргоне это называется «не сошлись по вопросу о природе эстетической ценности», анализ

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 375 до н. э.

Диалог Платона «Гиппий»
о природе прекрасного

1878

Художник Джеймс Уистлер
выиграл в суде дело против
критика Джона Рескина

Глаза смотрящего

Самый главный и одновременно самый естественный вопрос в эстетике заключается в том, является ли красота (или любая иная эстетическая ценность) неотъемлемым свойством объекта, которому она приписывается. Реалисты (или объективисты) считают, что красота — бесспорное свойство объекта, которое не зависит от чьего-либо мнения. «Давид» Микеланджело останется прекрасным, даже если все человечество вымрет и не будет никого, кто мог бы назвать его таковым (и даже если все будут считать его уродливым). Антиреалисты (субъективисты) считают, что эстетическая ценность неразрывно связана с суждениями и реакциями человека. Как в случае с другим похожим вопросом об объективности и субъективности морали (см. с. 52),

некая странность самого представления о «не зависимости» красоты от человеческого суждения подталкивает нас к субъективистской позиции — красота «в глазах смотрящего». Тем не менее интуиция подсказывает, что не все так просто и объект прекрасен не только потому, что нам таким кажется.

Некоторое основание такому интуитивному пониманию дает кантовская идея универсальной ценности: эстетическое суждение основано на нашем субъективном опыте, но суждения эти настолько тесно связаны с человеческой природой, что носят универсальный характер, — следовательно, можно рассчитывать, что любой нормальный человек разделит наше мнение.

которой составляет центральную проблему в области философии, называемой эстетика.

Древние греки считали, что искусство есть отражение или изображение природы. Для Платона настоящая реальность присуща пространству совершенных и неизменных Идей, или Форм, неразрывно связанных с концепциями добродетели и красоты (см. с. 8). Он считал произведения искусства не более чем отражением, жалкой имитацией этих идей, посредственным и ненадежным путем к истине; неудивительно, что в его идеальной республике не нашлось места художникам и поэтам. Аристотель разделял концепцию искусства как отражения природы, но к самим

1946

Ошибка намерения

1953

Идея Витгенштейна
о «семейном сходстве»

1999

Инсталляция Трейси Эмин
«Моя кровать»

Институциональная теория

Меня спрашивали: «А это вообще искусство?» И я отвечала: «Ну, если это не искусство... то какого черта оно делает в галерее и зачем люди приходят на него смотреть?»

Фраза английской художницы Трейси Эмин звучит как эхо «институциональной теории» искусства, широко обсуждавшейся с 1970-х. Согласно этой теории произведение искусства считается таковым просто потому, что его так называют представители мира искусства (критики, галеристы, сами художники

и т. д.). В целом популярная институциональная теория не лишена проблем, не в последнюю очередь в силу крайне малой информативности. Нам хотелось бы знать, почему произведение искусства представляет художественную ценность. В конце концов, у этих критиков и художников должны быть какие-то причины для тех или иных суждений. Если таких причин нет, какой интерес представляет их мнение? А если причины есть, то почему, собственно, мы не можем их узнать?

произведениям его относился более снисходительно, считая их дополнением к тому, что в природе реализовано не полностью, и потому они позволяют судить об универсальной сущности мира.

Идея искусства как изображения реальности и его тесной связи с прекрасным доминировала в эстетике почти до наших дней. Но ряд мыслителей XX века предложили «формалистский» подход к искусству, согласно которому линии, цвет и другие формальные качества произведения искусства считаются абсолютной ценностью, а все иные соображения, включая изобразительные аспекты, полностью или частично теряют значение. Форма стала важнее содержания, что в итоге привело к появлению абстракционизма и росту его роли в западном искусстве. Экспрессионизм, с другой стороны, вовсе отказался от попыток повторить реальный мир в пользу искажений и преувеличений, используя яркие, зачастую неестественные цвета для выражения внутреннего мира художника. Инстинктивное, намеренно далекое от реальности выражение субъективных чувств, переживаний и опыта художника считалось главной чертой настоящего произведения искусства.

Семейное сходство Вечная тема западной философии еще со времен Платона — поиски определений. Диалоги Сократа всегда начинались с вопроса — Что такое справедливость? Что такое знание? Что такое красота? — и затем, после серии вопросов и ответов, выясняется, что собеседники (несмотря на их мнимые знания)

Мы видим сложную сеть сходств, частично покрывающих друг друга и пересекающихся: иногда это общие сходства, иногда — совпадения в частностях

Людвиг Витгенштейн, 1953

не имеют ясного представления о рассматриваемой концепции. Подразумевается, что подлинное знание о чем-либо зависит от возможности определить это нечто, и именно это неспособны сделать оппоненты Сократа. Но это приводит к парадоксу — те, кто не может дать определения обсуждаемому предмету, тем не менее способны распознать, что им *не является*, а для этого они все-таки должны знать, *что* это такое.

Концепция искусства — как раз такой случай. Мы знаем, что это такое, хотя не в состоянии определить необходимые и достаточные условия, при которых предмет можно считать произведением искусства. Оказавшись в затруднении, мы естественно задаемся вопросом, не является ли заблуждением само стремление дать определение, раз уж определение так упорно не дается в руки.

Выход из этой ловушки предложил Витгенштейн в работе «Философское исследование», опубликованной уже после его смерти. Решением стала идея «семейного сходства». Возьмем, к примеру, слово «игра». Мы все прекрасно представляем себе, что такое игры: можем привести множество примеров, сравнить разные игры и так далее. Но когда мы пытаемся углубить наше понимание и найти некоторое общее обозначение или описание всех игр разом, ничего не получается. Нет такого общего знаменателя: у разных игр много общих черт, но не существует той единственной, относящейся ко всем сразу. Если коротко, нет никаких скрытых глубин и смыслов: наше понимание значения слова «игра» есть не более чем наша способность использовать это слово в различных контекстах.

Если предположить, что слово «искусство», как «игра», является примером «семейного сходства» (описывает не некую отдельную сущность, а множество таких сущностей, обладающих «семейным сходством»), все сложности исчезнут. У произведений искусства могут быть общие черты: они могут выражать эмоции художника; могут проникать в суть природы; они могут растрогать, напугать или шокировать. Но напрасно мы будем искать в них общий элемент; любая попытка *определить* искусство — удержать в ладонях солнечный зайчик вечно подвижного и изменчивого явления (определить неопределенное по природе своей понятие) — обречена на неудачу.

В сухом остатке
Эстетические ценности

37 Ошибка намерений

Рихарда Вагнера считают одним из величайших композиторов в истории. Его творческий гений не ставится под сомнение; бесконечный поток пилигримов, стекающих к его «святилищу» в Байройте, — свидетельство неувядающей славы его таланта. Но точно так же бесспорно и то, что Вагнер был крайне неприятным человеком: самовлюбленным, эгоистичным, всегда готовым использовать других в своих интересах, лживым и способным на предательство... Можно бесконечно продолжать список слабостей и пороков. А взгляды его были даже отвратительнее личных качеств: Вагнер был расистом и ярым антисемитом, выступал в поддержку расовых чисток и изгнания евреев из Германии.

А какое это имеет значение? Какое отношение наши знания о неприятной личности Вагнера имеют к пониманию его музыки и восхищению его гением? Разумно предположить, что подобные соображения имеют значение в той степени, в какой они повлияли на создание произведения; если мы знаем, что подвигло Вагнера на написание той или иной композиции, что именно он стремился выразить, мы можем полнее и точнее понять ее смысл. Однако согласно концепции «Новой Критики», возникшей в середине XX века, интерпретация произведения искусства должна основываться исключительно на его объективных качествах; не следует принимать во внимание никакие внешние факторы (биографические, исторические и т. п.), якобы повлиявшие на автора. Ошибка, вызванная вниманием к таким факторам, называется «ошибкой намерений».

Общественные произведения

Эта теория родилась в области литературной критики и со временем распространилась на другие сферы человеческой деятельности. Впервые термин использовали в своем эссе 1946 года «Ошибка намерений» Уильям Уимсетт и Монро Бердсли, два представителя школы «Новой критики», появившейся в США в 1930-е годы. Основная идея «новых критиков» заключалась в том, что стихи и прочие тексты следует считать самостоятельными и независимыми явлениями; их смысл определяют исключительно слова и их значения, а намерения автора, озвученные им самим или «вычисленные» читателем, не должны влиять на процесс интерпретации. Произведение, доступное публике, становится общественной собственностью, и никто, включая автора, не имеет преимущественного права на его использование и интерпретацию.

«Личные намерения автора не имеют значения, произведение говорит само за себя»

Сьюзан Зонтаг, 1933

Может ли безнравственное быть прекрасным?

По сей день философы не могут прийти к единому мнению, может ли аморальное произведение искусства быть само по себе хорошим как произведение искусства? Обычно споры возникают по поводу фигур, подобных Лени Рифеншталь, немецкого режиссера, чьи фильмы «Триумф воли» (документальный фильм о нацистских маршах в Нюрнберге) и «Олимпия» (об Олимпийских играх 1936 года в Берлине) являются откровенной пропагандой нацизма, но при этом великолепны с технической и художественной точки зрения. Древние греки

не стали бы даже задумываться над подобным вопросом, для них мораль и красота были неразрывно связаны. Но для современников ситуация сложнее. Сами художники обычно готовы многое простить, чему подтверждением, к примеру, мнение поэта Эзры Паунда: «Прекрасное не имеет отношения к добродетели. Хорошее искусство не может быть безнравственным. Под “хорошим искусством” я подразумеваю искусство, которое является по-настоящему правдивым».

1946

Эссе «Ошибка намерений» о независимом смысле произведений искусства

Подделки, фальшивки и прочий хлам

Сторонники теории «ошибки намерений» рекомендуют не принимать во внимание намерения автора при оценке произведения искусства. Но если оценивать гипотетическое произведение искусства изолированно, независимо от намерений создателя, есть риск лишиться некоторых важных критериев оценки.

Предположим, некий мошенник создает копию картины Пикассо — точно воспроизводя стиль великого мастера, вплоть до отдельных мазков, и ни один эксперт не может отличить подделку от оригинала. Интуитивно нам свойственно представление о меньшей ценности копии по сравнению с оригинальным произведением. В конце концов, это всего лишь имитация, лишенная оригинальности и творческого духа. Но если рассматривать произведение изолированно, имеют ли значение такие соображения? Циник сказал бы, что предпочтение оригинала — смесь снобизма, фетишизма и примитивной жадности, а теория «ошибки намерений» избавляет копию от этих недостатков и напоминает об истинной ценности искусства.

А что, если намерения, которые следовало бы игнорировать, вообще отсутствуют, поскольку нет автора? Представьте, что обломок дерева, долго болтавшийся в океане, под воздействием

волн и ветра обрел форму прекрасной скульптуры — идеальные пропорции, цвет, текстура и так далее? Мы можем восторгаться получившимся объектом, но считать ли его произведением искусства? Он же не создан человеком. В таком случае, что это такое? И имеет ли оно ценность? Сам факт, что это не творение рук человеческих, заставляет нас по-другому смотреть на предмет. Но верно ли это, если происхождение произведения искусства и намерения автора не имеют значения?

И предположим, наконец, что величайший художник нашего времени, проведя тщательный отбор, выставляет в одном из знаменитых музеев мира ведро и швабру. Потом приходит уборщик и рядом с «произведением искусства» ставит свои ведро и швабру, точно такие же. Эстетическая ценность в данном случае заключается именно в процессе выбора и публичной демонстрации. Кроме этого ничто не отличает одну швабру от другой. Но если принимать во внимание только объективные характеристики ведер и швабр, в чем разница?

Такие рассуждения приводят нас к необходимости пересмотреть отношение к искусству. В противном случае есть риск оказаться под впечатлением от нового платья голого короля.

Создатели теории «ошибки намерений» не собирались ограничиваться лишь абстрактными рассуждениями: концепция изначально призвана была изменить существовавшие в литературной критике тенденции. Конечно, для обычного читателя интерпретация текста неизбежно будет зависеть от «внешних» факторов; вряд ли наше отношение к книге о работоргове не будет зависеть от расовой принадлежности автора. Другой вопрос — *должна* ли интерпретация произведения зависеть от таких факторов? Впрочем, следует, вероятно, остерегаться идей, уводящих нас так далеко от интуитивного понимания наших собственных действий. Ведь непонятно, возможно ли (и стоит ли это делать) провести столь резкую границу между разумом автора и его произведением. Любая оценка действия неизбежно подразумевает и оценку намерений действующего лица, так почему с произведением искусства должно быть по-другому? В конце концов, трудно смириться с мыслью, что идея, которую художник вкладывал в свое произведение, на самом деле не имеет никакого отношения к его истинному смыслу.

Эмоциональная ошибка Оценивая текст или иное произведение искусства — особенно сложное (философское), абстрактное, непростое для восприятия, — разная аудитория неизбежно будет реагировать по-разному, что сформирует различные мнения о произведении. Каждый создает свою собственную интерпретацию и наделяет произведение своим особым смыслом. То, что не все эти смыслы были изначально заложены автором в произведение, кажется, само по себе поддерживает теорию «ошибки намерений». С другой стороны, последователи «Новой критики» стремились исключить из процесса интерпретации также и мнение читателя (или зрителя, если речь идет о визуальном искусстве). Ситуацию, когда воздействие работы на публику подменяют якобы воздействием ее смысла, они назвали «эмоциональной ошибкой». Учитывая бесчисленные субъективные реакции, которые вызывает произведение у разных людей, неразумно связывать их слишком тесно со смыслом произведения. Но разве наша якобы объективная оценка не будет зависеть от способности произведения вызывать ту или иную реакцию у аудитории?

«Стихотворение не является собственностью критика или автора (оно отделилось от автора в тот момент, когда родилось, и его судьба не зависит от намерений автора и не подлежит его контролю). Стихотворение принадлежит обществу»

Уильям Уимсетт и Монро Бердсли, 1946

В сухом остатке
Смыслы в искусстве

38 Телеологическое доказательство

«Взгляни на мир вокруг: рассмотри каждую частицу его. И ты увидишь, что он всего лишь огромная машина, состоящая из бесконечного множества машин поменьше, а те — из совсем крошечных и так далее, до столь малых, что человек даже не способен их разглядеть. Все эти механизмы до мельчайшей детали идеально подогнаны друг к другу с точностью, повергающей в изумление всех, кто когда-либо задумывался об устройстве Вселенной. Этот совершенный порядок напоминает результат действия человеческой мысли, человеческой изобретательности, мудрости и разума...»

...И если уж результаты так похожи, разумно заключить, что схожи и причины; и “Автор” Природы в чем-то напоминает человека, хотя очевидно во всем его превосходит, судя по грандиозным масштабам выполненной работы. Одно этого аргумента апостериори достаточно для доказательства существования Бога и его подобия человеку».

Это лаконичное подтверждение существования Создателя вложил в уста Клеанта Дэвид Юм в своих «Диалогах о естественной религии», опубликованных в 1779 году уже после его смерти. Юм сформулировал доказательство лишь для того, чтобы потом самому же и опровергнуть, — что с блеском и сделал. Тем не менее аргументация оказалась настолько убедительной и привлекательной, что не только «пережила» самого Юма, но время от времени в разных обличьях возникает по сей день. Наибольшую популярность это доказательство приобрело в XVIII веке, но происхождение его можно отследить до античности,

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

IV в. до н.э.

Телеологическое доказательство бытия Божия в трудах Аристотеля

1078

Онтологическое доказательство

и с тех самых пор оно ни разу не было полностью опровергнуто.

В чем суть Популярность телеологического доказательства объясняется нашим интуитивным представлением о том, что сложность и великолепие окружающего мира не могут быть результатом простой случайности или естественного процесса. Должна быть, кажется некоторым, некая сила, наделенная колоссальным интеллектом, способная спланировать и создать все чудеса природы, невероятные в своей сложности и идеально соответствующие своим функциям. Взять хоть человеческий глаз — он так замысловато устроен и вместе с тем так совершенен, что наверняка был сотворен сознательно.

За списком великолепных созданий природы следует список творений рук человеческих, несущих на себе отпечатки деятельности их создателя. Как часы с хитроумным механизмом наводят на мысль о существовании часовщика, так и бесконечные свидетельства очевидной целесообразности природы приводят нас к выводу о существовании творца — архитектора, способного сотворить Вселенную. И единственный, кто на такое способен, — Бог.

Трещины в стенах Несмотря на всю привлекательность, у этого доказательства есть серьезные недостатки, отмеченные как Юмом, так и позднейшими философами. Среди важнейших отметим следующие:

- Аргумент аналогии работает, если два предмета достаточно похожи в нескольких известных важных аспектах, чтобы можно было предположить, что и в других отношениях они сходны. Физиология и поведение людей и шимпанзе достаточно близки, чтобы предполагать (но не утверждать категорически), что шимпанзе, как и люди, способны испытывать боль. Доказательство по аналогии зависит от степени подобия сравниваемых объектов. Но между предметами материальной культуры, созданными человеком (фотоаппаратом, например), и природными объектами (например, глазами млекопитающих) на самом деле не так уж много общего, так что любые выводы, полученные таким образом, не слишком убедительны.

Цель мироздания

Доказательство назвали «телеологическим» (от греческого «telos» — «цель»), поскольку основная его идея заключается в наличии разумного намерения, с очевидностью подтверждающего невероятную целесообразность и совершенство окружающего мира.

1260

Космологическое доказательство

1779

«Диалоги о естественной религии» Юма

1802

Творец-часовщик — аналогия доказательства, предложенная Уильямом Пэйли

- Телеологическое доказательство чревато возникновением ситуации бесконечной регрессии. Если поразительное совершенство Вселенной требует наличия творца, то уж тем более создатель требуется для комбинации «Вселенная плюс творец»! Если есть создатель, то потребуются и суперсоздатель, а потом и суперсуперсоздатель, а потом... Таким образом, если отрицание регрессии составляет суть космологического доказательства (см. с. 156), в телеологическом доказательстве регрессия представляется неизбежным злом.
- Один из главных аргументов в пользу этого доказательства — возможность объяснить происхождение чудес природы. Но дарвиновская теория эволюции путем естественного отбора прекрасно объясняет все эти феномены и идеальное соответствие живых форм своим природным функциям, без всякого вмешательства сверхъестественного создателя. Божественного часовщика уволили, и на его место взяли слепого мастера — эволюцию.
- Даже если признать акт творения, придется признать и границы, в пределах которых действовал Создатель. Многие создания природы говорят скорее в пользу коллективного творения целой командой богов. Кроме того, чудеса природы, на первый взгляд повергающие в трепет, при ближайшем рассмотрении оказываются вовсе не так уж совершенны; получается, что изъян в творении отражает недостатки (не-всемогущество) творца? Да и вообще — количество зла в этом мире заставляет сомневаться в моральных качествах его создателя. И разумеется, нет никаких оснований полагать, что создатель, если он и был, до сих пор жив.

Божественный, но слепой часовщик?

В своей книге 1802 года «Естественное богословие» теолог Уильям Пэйли привел одну из самых известных аналогий телеологического доказательства. Если вы, прогуливаясь по вересковой пустоши, найдете часы, то, задумавшись об их сложнейшем устройстве, неизбежно придете к выводу, что у них был создатель — часовщик. Вот так и сложность творений природы предполагает создателя — Бога. Продолжая аналогию Пэйли, английский биолог Ричард Докинз описывает естественный отбор как «слепого часовщика», создающего сложные структуры без всякой цели и метода.

Божественный настройщик?

Современные версии телеологического доказательства основываются на астрономически малой вероятности развития Вселенной, пригодной для появления жизни, в результате случайности. Если бы хоть одна из бесчисленных переменных, например гравитация в первые моменты расширения Вселенной или ее начальная температура, хоть немного отличалась, жизни, скорее всего, не было бы. Коротко говоря, космос словно подстроили, как музыкальный инструмент, а это предполагает существование могущественного «настройщика». Но маловероятные события случаются. Маловероятно, но вполне возможно, что вы выиграете в лотерее; но если повезет, едва ли вы решите, что кто-то подстроил ваш выигрыш, — просто повезло. Зарождение жизни, конечно, маловероятно, но лишь благодаря ее появлению мы можем понять, насколько оно маловероятно, — и на этом основании прийти к неверному заключению!

В сухом остатке
Божественный часовщик

39 Космологическое доказательство

Вопрос: Почему существует нечто, а не ничто?

Ответ: Потому что существует Бог.

Собственно, к этому и сводится космологическое доказательство, и добавить к нему нечего: одно из классических доказательств существования Бога, одно из самых популярных и (как скажут некоторые) самых сомнительных в истории философии.

На самом деле «космологическое доказательство» — это целое семейство доказательств, сопоставимых по форме и содержанию. Все они основаны на довольно очевидном эмпирическом наблюдении, что все существующее имеет какую-то причину своего существования. А причина эта, в свою очередь, тоже появилась из чего-то, а оно еще из чего-то и так далее. Чтобы избежать бесконечной регрессии, мы должны добраться до изначальной точки: первой беспричинной сущности, причины всего существующего — Бога.

Почему нечто вместо ничто? Прежде чем перейти к оценке достоинств и недостатков этого аргумента, следует отметить, что космологическое доказательство отвечает на самый естественный, базовый и, возможно, самый значительный вопрос: почему вообще что-нибудь существует? Было ничто, и вдруг на его месте появилось нечто. Откуда? Как и другие классические доказательства существования Бога, космологический аргумент был сформулирован еще в античной философии. Он же стал основой первых трех «*Quinque Viae*» («Пяти Путей») Фомы Аквинского, пяти доказательств существования Бога. Знарок современной космологии в ответ на вопрос «Откуда все взялось?» скорее всего напомнит вам о Большом взрыве примерно 13 миллиардов лет назад, из которого появилась

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

IV в. до н.э.

Древнейшее высказывание в защиту космологического доказательства у Аристотеля в рассуждениях о Перводвигателе

I в.

Космологическое доказательство бытия Божия в Священном Писании

Вселенная — энергия, материя и время. Но на самом деле пользы от такого ответа немного, поскольку он неизбежно приводит к следующему вопросу: что (или кто) вызвало Большой взрыв?

Нечто из ничего Привлекательность космологического доказательства в том, что оно предлагает ответ на очень хороший вопрос.

Вопрос действительно кажется хорошим, по крайней мере, совершенно естественным: почему мы существуем? Но так ли хорош ответ, который дает космологическое доказательство? Есть несколько причин в этом сомневаться:

- Правдоподобная с виду предпосылка, на которой основано космологическое доказательство, что всему есть причина, основана на нашем собственном опыте. Но доказательство требует расширить границы его применения и включить в них нечто, по определению выходящее за рамки человеческого опыта, более того — за пределы известной нам Вселенной, то есть саму причину (что бы это ни было) зарождения мира. Но наш опыт, разумеется, не в состоянии разрешить проблему, да и вообще он не имеет смысла, поскольку появляется лишь благодаря существованию Вселенной.

«Наш опыт не только не поддерживает идеи первопричины, но и прямо ей противоречит»

Дж. С. Милль, 1870

Космологические варианты

Основное различие между вариантами космологического доказательства заключается в разных отношениях между субъектами, на которых эти варианты фокусируются. Самая известная версия — доказательство первопричины — рассматривает простые отношения («что-то вызывается чем-то»), но эти отношения могут быть и зависимостью, и совпадением, и объяснением. Последовательность этих взаимодействий не может быть бесконечной, и, чтобы ее

прервать, изначальная точка (например, Бог) не должна обладать какими-либо свойствами. Согласно этому доказательству, Бог должен быть беспричинным (или являться своей собственной причиной), независимым, обязательно должен существовать, должен быть понятен без дополнительной информации. (Для простоты в этой главе доказательство приводится только в терминах отношений причинности.)

1078

Онтологическое доказательство

1260

В трактате «Пять путей» Фома Аквинский формулирует космологическое доказательство существования Бога

1674–1675

Мальбранш объясняет причинно-следственную проблему тела и души существованием Бога

Божьи белые пятна

Исторически идея Бога или множества богов часто привлекалась для объяснения феноменов природы, лежащих вне пределов человеческого понимания и знания. Например, когда еще не были известны физические причины таких погодных явлений, как гром и молния, их обычно объясняли деятельностью Бога или богов.

По мере развития науки человеческие знания расширялись, и такие объяснения постепенно отбрасывались. До того как

Дарвин предложил свою эволюционную теорию, в ходу даже была идея «Божьих белых пятен» — пробелы в объяснении непостижимой упорядоченности природы (см. с. 152) попросту заполнялись волей Бога. В случае космологического аргумента Бог отступает до самых дальних границ человеческого знания — рождения Вселенной и начала времен. В этом укрепленном редуте Бог оказывается вне досягаемости научного исследования. Но какой ценой? Царствие небесное катастрофически уменьшилось.

- На первый взгляд формулировка доказательства противоречит заключению (у всего есть причина; у Бога нет причины). Избежать противоречия можно, исключив Бога из множества «все», подразумевающего «множество всех природных объектов». Другими словами, Бог должен быть сверхъестественным. Вполне удовлетворительный результат, но лишь для тех, кто уже верит в истинность доказательства. Для других — тех, кого надо убедить, — проблема становится еще более загадочной, а само доказательство — все более сомнительным.
- Доказательство зависит от тезиса о недопустимости бесконечной регрессии: цепь причин должна где-нибудь закончиться, должно обнаружиться нечто беспричинное или являющееся своей собственной причиной, а это и есть Бог. Но неужели сложнее принять идею бесконечной цепи причин, чем идею сверхъестественной сущности, существующей вне времени?
- Даже если допустить, что цепь причин обязательно должна где-нибудь прерваться, почему беспричинным событием не может быть сама Вселенная? Если принять такую интерпретацию, идея Бога становится излишней.
- Космологическое доказательство заставляет нас приписать Богу множество особых свойств: беспричинность, обязательность существования и так далее. Эти свойства сами по себе трудно объяснимы. Но чего *точно не доказывает* космологический

аргумент (если он вообще что-то доказывает), так это наличия у Бога свойств, которыми его обычно наделяют: всемогущество, всеведение, всеблагодать и всемило-стивость. Бог космологического доказательства оказывается весьма странной, абстрактной и отстраненной фигурой.

Так что же создало Вселенную?

Главная проблема космологического доказательства в том, что если на вопрос: «Что создало Вселенную?» — мы ответим: «X» (Бог или Большой взрыв, неважно), ничто не мешает задать вопрос: «А что привело к появлению X?» — и так далее. Единственный способ остановить эту бесконечную цепь вопросов — постулировать, что X (или Y, или Z) настолько отличается от всего остального, что в отношении него такой вопрос не будет иметь смысла. И тогда приходится наделить этот X рядом довольно странных свойств. Некоторым проще признать бесконечную цепь причин, то есть отсутствие начала у Вселенной. Или можно принять точку зрения Бертрана Рассела, что Вселенная по сути своей непознаваема и бесконечна и спорить об этом бессмысленно. Не самый лучший ответ, но не хуже прочих ответов на этот самый неразрешимый вопрос.

«Я бы сказал, что Вселенная просто есть, и все»

Бертран Рассел, 1964

**В сухом остатке
Изначальная
беспричинная причина**

40 Онтологическое доказательство

Попробуйте сосредоточиться и представить идеальный орех кешью, такой, что лучше и быть не может: крупный, гладкий, изящно изогнутый пухлый серпик, слегка подсоленный, и самое главное — когда жуешь его, плотное ядро превращается в мягкую, молочную, сладковатую, немного вязкую пасту. Все качества настоящего кешью, доведенные до абсолютного совершенства. М-м, объедение. Представили? А теперь хорошие новости. Такой орех существует — идеальный кешью, воплощение орехового совершенства, действительно существует.

В нашем представлении, в нашем разуме существует идеальный орех. Но ведь орех, существующий в реальности, лучше ореха, живущего лишь в нашем воображении. Впрочем, если орех существует только в представлении, нетрудно придумать и более совершенный — такой, что существует и в воображении, и в реальности. Но если так, получается, что мы можем представить орех более совершенный, чем самый совершенный представимый орех, — явное противоречие. Следовательно, воображаемый орех — само совершенство — существует: совершенный орех должен существовать, иначе он не был бы совершенным.

От орехов к Богу Что сработало с орехами, сработает и с Богом. Так, по крайней мере, утверждал св. Ансельм, теолог XI века, сформулировавший классический онтологический аргумент, один из самых веских в пользу существования Бога. Ансельм, правда, начисто проигнорировал проблему орехов и начал с непреложного (для него) определения Бога как существа «самого великого из возможных,

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

IV в. до н. э.

Телеологическое доказательство

1078

Ансельм Кентерберийский сформулировал онтологическое доказательство

Модальная логика и возможные реальности

Вторая формулировка Ансельма напоминает первую, с той лишь разницей, что «существование» в ней заменяется на «необходимое существование».

Эта идея толкнула на недавние попытки (самая значительная — Алвина Плантинга) переработать онтологическое доказательство, используя модальную логику, в которой идеи возможности и необходимости анализируются в терминах логически возможных миров. Допустим, например, что «величайший» означает «существует и всемогущ во всех возможных мирах»; предположим так же, что величайшая сущность может

существовать (то есть, существует такой возможный мир, в котором эта сущность реальна). Но если такая сущность есть в одном из возможных миров, она по определению есть во всех, следовательно, она «существует по необходимости». Можно поставить под вопрос предпосылки, которые привели к такому заключению, а именно допущение, что такая сущность может быть реальна хотя бы в одном возможном мире. Но чтобы такое отрицание имело смысл, концепция величайшей сущности должна быть внутренне противоречива. Выходит, что представление о Боге как величайшей сущности не имеет смысла?

такого, что более великого и помыслить невозможно». Мы легко можем представить Бога, значит, как идея Бог существует. Но если бы он существовал *только* в нашем воображении, мы могли бы представить и нечто более великое — существующее и в воображении, и в реальности. Следовательно, чтобы избежать противоречия, Бог должен существовать не только в нашем воображении, но и в реальности.

В отличие от эмпирической основы телеологического и космологического доказательств, онтологическое доказательство строится на том, что существование Бога нельзя отрицать, не впадая в логическое противоречие, — сама идея Бога предполагает его фактическое существование. Точно так же, как мы знаем, что у квадрата четыре стороны, мы, утверждает Ансельм, понимая Бога, приходим к знанию о его существовании.

1260

Космологическое
доказательство

1781

Критика онтологического
доказательства в работах Канта

Противоречит ли идея Бога сама себе?

Все варианты онтологического доказательства основаны на том, что мы можем представить существо такого масштаба, что невозможно помыслить ничего более великого. Если же это невозможно — если сама идея Бога окажется внутренне противоречивой, — доказательство становится бессмысленным. Если стремиться доказать существование Бога в традиционном понимании (всеведущего, всемогущего и т. п.), каждое из его качеств должно быть совместимо

с остальными и присутствовать в Боге в максимальной степени. Возможно ли это? Всемогущий Бог должен, к примеру, обладать способностью создавать существа, наделенные свободой воли, всезнание же Бога противоречит этому. Видимо, всемогущество и всезнание несовместимы, — да уж, головная боль для сторонников традиционного понимания Бога. Другие противоречия в традиционном понимании Бога порождают проблему зла (см. с. 164).

Онтологические возражения Как и космологическое, онтологическое доказательство представляет собой комплекс аргументов, имеющих основную общую идею. Все они одинаково амбициозно стремятся доказать необходимость существования Бога, но работают ли они? Ситуация осложняется тем, что разные доказательства требуют разной критики. Даже сам Ансельм представил две разные версии доказательства в одной и той же работе. Первая, приведенная выше, — она же классическая формулировка — имеет два уязвимых места.

Одним из первых критиков Ансельма был его современник Гаунило, монах аббатства Мармутье во Франции. Гаунило не устраивало, что с помощью онтологического доказательства можно доказать существование *всего* чего угодно. Сам он приводил в пример «идеальный остров», но такая же аргументация подходит для орехов кешью и даже мифических существ, вроде русалок и кентавров. Очевидно, что если доказательство оправдывает существование несуществующего, с ним что-то не так. Чтобы опровергнуть такую критику, защитникам онтологического аргумента приходится объяснять, чем исключительна идея Бога, чем она с точки зрения логики отличается от идеи ореха кешью. Некоторые настаивают, что качества, или «совершенства», в которых воплощено величие Бога, способны к совершенствованию (и могут достигать высочайшего уровня), а качества, которыми обладает, к примеру, кешью, такого совершенства достигнуть не могут. Если Бог способен сотворить все что угодно, его всемогущество невозможно превзойти; тогда как в случае с кешью всегда можно

Но то, более чего нельзя ничего помыслить, никак не может иметь бытие в одном только разуме. Ведь если оно имеет бытие в одном только разуме, можно помыслить, что оно имеет бытие также и на деле; а это уже больше, чем иметь бытие только в разуме

Ансельм Кентерберийский, 1078

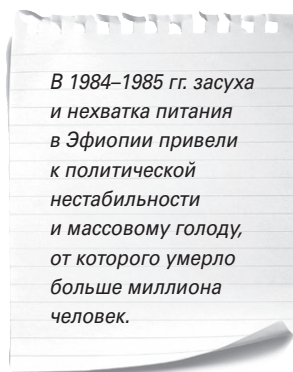
создать орешек покрупнее и посочнее. Так что сама по себе идея величайшего ореха — в отличие от идеи всемогущего Бога — непоследовательна и лишена смысла. Вывод здесь заключается в том, что, если принять доказательство Ансельма, его Бог должен состоять именно из качеств, способных к развитию. Ирония в том, что очевидная несовместимость этих свойств грозит сделать невнятной саму идею Бога, тем самым уничтожив онтологическое доказательство.

Гаунило не удовлетворяли словесные игры Ансельма, он считал, что тот обосновал существование Бога через другое определение. На том же принципе основана и критика онтологического доказательства, изложенная в работе Канта 1781 года «Критика чистого разума». Его возражение относится к постулату (лучше всего сформулированному Декартом), что существование — свойство, которое может быть приписано объекту, как любое другое. Возражение Канта, позже доказанное логиками XX века (см. с. 112), гласит: заявить, что Бог существует, не значит придать ему свойство существования (как и свойств всезнания и всемогущества), но лишь утверждать, что возможно явление с такими свойствами; истинность же этого утверждения проверить нельзя, не обратившись к реальному положению дел в мире. То есть существование — не свойство, а условие обладания свойствами. И Ансельм, и Декарт совершили логический промах, который становится очевиден, если рассмотреть утверждение «существующие кешью вкуснее кешью несуществующих». Ансельм переходит от постулирования концепции к примерам, иллюстрирующим ее: сначала он предполагает, что существование — это свойство, которым объект может обладать, а может и не обладать; затем утверждает, что обладать этим свойством лучше, чем не обладать; и, наконец, заключает, что Бог, как величайшая мыслимая сущность, им непременно обладает. Но все это стройное здание рухнет, если отказаться от представления о существовании как о свойстве.

В сухом остатке
Величайшее
из воображаемых существ

41 Проблема зла

Голод, убийства, землетрясения, болезни — будущее миллионов невинных людей рушится, дети сиротеют, тысячи семей остаются без крыши над головой, в страшных мучениях гибнут и дети, и старики. Тот, кто способен мановением руки прекратить череду страданий, но не делает этого, — бессердечное чудовище. И все же предполагается, что Бог, который в силах остановить весь этот ужас, — существо бесконечно мудрое и милосердное. Зло повсюду, но как оно может существовать параллельно с Богом, который по определению способен положить ему конец? Этот непростой вопрос лежит в основе так называемой «проблемы зла».

В 1984–1985 гг. засуха и нехватка питания в Эфиопии привели к политической нестабильности и массовому голоду, от которого умерло больше миллиона человек.

Проблема зла — без сомнения, самая суровая из тех, с которыми сталкиваются апологеты веры в Бога. В ситуации страшной катастрофы самый естественный вопрос: «Как Бог это допустил?» Ответ на него порой становится серьезным испытанием веры тех, кого коснулась беда.

Бог — невежественный, бессильный, злокозненный... или его нет? Эта проблема возникает как неизбежное следствие иудео-христианской концепции Бога. В ней Богу приписываются определенные свойства, и ни от одного из них нельзя отказаться, не разрушив концепцию в целом. С традиционной религиозной точки зрения эти свойства таковы:

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

IV в. до н.э.

Проблема существования зла возникает в античной философии

Что есть зло?

Традиционное определение «проблемы зла» не вполне точно. В данном случае под «злом» понимается все дурное, что происходит с человеком, и термин оказывается куда более широким, чем «зло» в обычном понимании. К боли и страданиям приводят как действия людей, так и «действия» природы, поэтому различают два типа зла. «Моральное зло» — страдания, которые

причиняют человеку безнравственные действия других людей (убийство, ложь, предательство и т. п.); «естественное зло» — результат воздействия сил, контролировать которые человечество не в состоянии (стихийные бедствия вроде землетрясений или эпидемии, не спровоцированные человеческой деятельностью).

1. Бог всезнающ: он знает все, что возможно знать.
2. Бог всемогущ: он способен совершить все, что возможно совершить.
3. Бог всеблаг: он одинаково благоволит всем и стремится совершить всякое добро, которое возможно совершить.

При рассмотрении этих свойств возникают следующие проблемы:

4. Если Бог всеведущ, он знает о страданиях и боли в этом мире.
5. Если Бог всемогущ, он способен предотвратить эти страдания.
6. Если Бог всеблаг, он стремится предотвратить страдания.

Если утверждения 4–6 истинны и если Бог существует (и он таков, как утверждается в пунктах 1–3), то

В январе 2007 г. семилетний Джошуа Дю Рассел из Мичигана, США, умер меньше чем через год после того, как у него обнаружили редкую неоперабельную форму рака. Педагог школы, где он учился, рассказывал, что маленький бейсболист и любитель животных боролся до последнего и никогда не жаловался.

V в.

Святой Августин утверждает, что Бог совершенен, хотя и допускает существование зла

XIII в.

Фома Аквинский формулирует средневековое представление о зле

8 октября 2005 года в пакистанском Кашмире произошло катастрофическое землетрясение, уничтожившее множество городов и деревень. По официальным данным, погибло более 75 тысяч человек, более 100 тысяч получили ранения, миллионы остались без крыши над головой.

в мире не должно быть боли и страданий. Но боль и страдания существуют, следовательно, либо Бога нет, либо он не обладает свойствами, перечисленными в утверждениях 1–3. Существование зла в мире приводит к высшей степени неприятному для теистов выводу: если Бог существует, то он либо не знает, что происходит, либо не может ничего сделать, либо происходящее его попросту не волнует. Или его просто нет.

В поисках спасения Чтобы избежать столь разрушительного заключения, можно попытаться опровергнуть одно из положений приведенного доказательства. Отрицание существования зла, предложенное некоторыми христианскими философами, конечно, решает проблему, но такое лекарство многим оказывается не по нутру.

Отказаться от одного из свойств Бога — слишком радикальный шаг для большинства теистов, поэтому обычно решение проблемы зла сводится к попыткам объяснить, как зло и Бог могут

Две проблемы зла

Проблема зла может принимать две разные, хотя и связанные между собой формы. Логический вариант (в общем виде изложенный в начале этой главы) — невозможность сосуществования зла и Бога доказывается дедуктивно, из чего следует, что существование Бога и существование зла несовместимы и, следовательно, вера в Бога иррациональна. Вторая версия представляет собой «перевернутое» телеологическое доказательство (см. с. 152) и использует бесконечные истории об ужасах мира как аргумент в пользу того, что такого

не мог бы сотворить всемогущий и всеблагий Господь. Вторая версия куда менее амбициозна — она не отрицает существование Бога полностью, просто утверждает, что оно маловероятно, — но и опровергнуть ее сложнее. Для опровержения логической версии достаточно доказать, что Бог и зло в принципе могут сосуществовать, как бы маловероятно это ни было. Второй вариант проблемы зла заставляет теистов объяснять, ради какого такого великого блага Бог заставляет человечество так страдать.

сосуществовать. Критике по большей части подвергается пункт б, поскольку якобы существуют «морально обоснованные причины», по которым Бог не всегда избавляет нас от страданий. Основной аргумент — несчастья, происходящие с нами, в некотором смысле идут нам на пользу, — по крайней мере, в долгосрочной перспективе. В целом существование зла в мире даже оправдано: не случись всех этих несчастий, в итоге могло быть хуже.

Так что это за высшее благо, которое оправдывает страдания бесчисленного множества людей? Пожалуй, самый мощный и убедительный ответ на проблему зла — так называемый «аргумент свободной воли», согласно которому наши страдания являются платой (и вполне разумной) за возможность совершать свободный выбор (см. с. 168). Еще одна важная мысль — подлинная нравственность выковывается на наковальне страданий: только преодолевая трудности, помогая угнетенным, противостоя тирании и т. п., человек превращается в святого или героя, озаряющего мир мерцающим светом. Попытки обойти проблему зла, как правило, заходят в тупик, когда дело касается очевидной несправедливости жизни. Зачастую наибольшие страдания выпадают на долю людей добродетельных, в то время как порок остается безнаказанным, а общее количество зла и несчастий таково, что объяснить это «воспитательными» целями сложно. В самые страшные моменты последним прибежищем теиста становится сакраментальное «неисповедимы пути Господни»: немощным и неразумным людям не пристало дерзко пытаться предугадать и уж тем более оспаривать намерения всемогущего и всеведущего божества. Но это, по сути, обращение к вере и как таковое едва ли поможет убедить неверующих.

В марте 2005 года во Флориде, США, было обнаружено полуразложившееся тело девятилетней Джессики Лансфорд. Ее заживо закопал похитивший и изнасиловавший ее 46-летний Джон Коуи, ранее уже судимый за изнасилование.

**В сухом остатке
Почему Бог
допускает несчастья?**

42 Свобода воли

Существование зла — серьезнейшая из проблем, с которой сталкиваются сторонники идеи всемогущего, всезнающего и всеблагого Бога. Но зло существует, утверждают теисты, как результат нашего сознательного выбора. Свобода воли — величайший дар Бога человечеству, но как мы используем этот дар — дело нашей совести. Зло вокруг нас — результат нашего выбора, и нельзя на этом основании обвинять Бога или сомневаться в его существовании.

Боль и страдания окружают человека, и разумным кажется заключение, что, если Бог и существует, он вряд ли похож на идеальное существо, знакомое нам по иудео-христианской традиции. Мы скорее представляем того, кто не способен либо, еще хуже, не желает исправить положение дел и потому не заслуживает нашего уважения, не говоря уже о поклонении.

Чтобы опровергнуть такие выводы, нужно попытаться объяснить, почему безоговорочно моральный Бог допускает существование зла. Исторически самой популярной и убедительной стала так называемая версия «защиты свободы воли». Свобода совершать осознанный выбор позволяет нам прожить по-настоящему достойную жизнь в глубоком, исполненном любви и доверия внутреннем контакте с Богом. Да, предоставленную нам свободу можно использовать и во зло, это оправданный риск, ибо Бог не мог бы уничтожить коварство и подлость человеческой природы, одновременно не лишив нас способности осознанно творить добро. К сожалению, в целом логичный и надежный тезис о свободе воли не лишен серьезных недостатков.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

IV в. до н. э.

Платон сформулировал «дилемму Евтифрона»

начало V в.

Августин утверждает, что спасение человека зависит от милости Божьей, а не от его заслуг

Естественное зло Самый очевидный из недостатков – отсутствие адекватного объяснения существования зла природного. Даже если признать, что свобода воли может оправдать существование морального зла, как объяснить зло естественное – катастрофы, стихийные бедствия и прочее? Как ограничило бы нашу свободу уничтожение вируса СПИДа, геморроя, moskitov, наводнений и землетрясений? Серьезность этой проблемы иллюстрируют предлагаемые теистами решения: природное зло объявляют результатом действий дьявола, падших ангелов, демонов и других сверхъестественных сил; иногда человеческие беды считают «просто наказанием» за первородный грех Адама и Евы. Второй подход полностью оправдывает Бога, поскольку природное зло является неизбежным следствием первичного морального зла. Впрочем, подобное объяснение естественного зла крайне неубедительно. Разве станет справедливым Бог обрушивать кару за грехи пра (прапрапрапра...)родителей на потомков? И какая польза от свободы воли тем, кто уже осужден за поступок прародителей?

Даже если игнорировать существование природного зла, защита свободы воли сталкивается с масштабной философской проблемой – собственно проблемой свободы воли. Подразумевается, что мы действительно свободны в принятии своих решений: мы свободны от всякого внешнего влияния,

В поп-культуре

В фильме 2002 года «Особое мнение» Том Круз играет полицейского Джона Андертона, работающего в подразделении «профилактики преступности». Андертон арестовывает убийц еще до того, как они совершат преступление, поскольку считается, что их действия могут быть предсказаны с абсолютной точностью. Андертон сам оказывается в положении подозреваемого и вынужден скрываться от своих коллег, хотя сам не верит, что способен на убийство. В конце концов «профилактика преступности» и детерминизм оказываются дискредитированы, а зритель сохраняет веру в свободу воли.

XVI в.

Жан Кальвин настаивает на значении предопределения для спасения человеческой души

1687

Механистическое мировоззрение Ньютона предполагает существование детерминистической вселенной

1981

Идея «Моральной удачи»

Действительно ли мы свободны?

Проблема свободы воли заключается в необходимости примирить представления о себе как свободных личностях, способных совершать свободные действия, с детерминистскими объяснениями современной науки. Говоря попросту, идея детерминизма заключается в том, что любому действию предшествует причина, любое состояние мира предопределено предыдущим его состоянием, которое, в свою очередь, является результатом предыдущих состояний. Но если все наши действия предопределены бесконечной цепочкой событий, случившихся задолго до нашего рождения, как мы смеем утверждать, что принимаем свободные решения? И можем ли нести за них ответственность?

Детерминизм подрывает саму идею свободы воли, а вместе с ней и наше представление о морали. Столь важная проблема, естественно, породила множество философских концепций, стремящихся ее разрешить. Среди них можно выделить следующие основные тенденции:

- **Умеренные детерминисты** принимают детерминизм, но отрицают его несовместимость со свободой воли. Тот факт, что мы в принципе могли бы действовать по-разному при определенных условиях, позволяет не отказываться от свободы воли. Не имеет значения, что выбор предопределен; важно, что выбор нам не навязывается и не противоречит нашим желаниям. Моральные суждения имеют смысл.
- **Либертарианцы** согласны с тем, что детерминизм и свобода воли несовместимы, и потому отрицают детерминизм. Утверждение умеренных детерминистов, что при других условиях мы могли бы действовать иначе, бессмысленно, поскольку сами условия были предопределены. Таким образом, либертарианцы считают, что существует свобода воли и наши действия не предопределены. Проблема в том, как объяснить действия, происходящие без причины. Точнее, как беспричинное событие может не быть случайным, ведь случайность не менее разрушительна для концепции моральной ответственности, чем детерминизм. Получается, что вместо множества различных объяснений мотивов человеческого поступков либертарианцы просто предложили огромный черный ящик.
- **Убежденные детерминисты** считают, что детерминизм реален и противоречит свободе воли. Наши действия предопределены, и идея свободы наших действий иллюзорна. Моральные суждения бессмысленны.

Поможет ли квантовая механика?

Многие философы, полагая идею детерминизма бесспорной, вынуждены либо принять иллюзорность свободы воли, либо изо всех сил пытаться найти какое-либо решение. Попытки сторонников либертарианского подхода привести примеры событий, происходящих просто так, без причины, без внешнего влияния, чаще всего выглядят неубедительно. Но не поможет ли тут квантовая механика? Согласно квантовой теории, события

на субатомном уровне недетерминированы — они результат чистой случайности, которая «просто произошла». Позволяет ли это «перехитрить» детерминизм? Не совсем. Квантовая неопределенность по сути своей случайна, так что тот факт, что наши действия в некотором фундаментальном смысле случайны, никак не подтверждает идею моральной ответственности.

у нас и в самом деле есть выбор. Этот так называемый «либертарианский» подход совпадает с нашими обыденными представлениями, но многие философы считают, что либертарианская концепция свободы воли не выдерживает столкновения с детерминизмом. И конечно, если не принимать либертарианское понимание свободы воли, то и вся защита этой идеи не имеет смысла.

**В сухом остатке
Свобода творить зло**

43 Вера и разум

Большинство философов согласны с тем, что классические доказательства существования Бога полностью опровергнуты, несмотря на современные героические попытки их воскресить. Большинство верующих это утверждение ни в коей мере не смущает. Их вера не зависит от таких доказательств и не страдает от их опровержения.

Рациональное обсуждение религиозных вопросов им не требуется, ибо не абстрактные философские размышления привели их к вере. Какое самодовольство, скажут они, предполагать, что наш интеллект позволяет познать и понять Бога. Признавать или не признавать существование Бога — вопрос веры.

Вера может быть слепа, но она не обязательно ограничивается «просто верой». Те, кто ставит веру выше разума, — фидеисты — утверждают, что вера — это альтернативный путь к истине и в случае религиозных вопросов — единственно правильный. Состояние убежденности, вызванное влиянием Бога на человеческую душу, требует от верующего добровольного и сознательного акта воли; вера требует прыжка, но это не прыжок во тьму. Философы, с другой стороны, пытаются найти рациональные аргументы в поддержку религиозных взглядов — собрать и оценить данные и на их основе логически прийти к определенному заключению. Фидеисты и философы на самом деле занимаются разными вещами. Учитывая столь радикальную разницу подходов, смогут ли они когда-нибудь прийти к согласию?

Бухгалтерия веры Невозможность рационального доказательства существования Бога в руках фидеистов оборачивается достоинством этой идеи. Если бы существовал (полностью) рациональный путь

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

начало V в.

Святой Августин
разъясняет природу веры

1670

Размышления о вере
в посмертно опубликованных
«Мыслях» Блезе Паскаля

Авраам и Исаак

Непреодолимый разрыв между разумом и верой иллюстрирует библейская история Авраама и Исаака. Авраам с его безоговорочным подчинением Господу — архетипический пример верующего: он готов не задумываясь принести в жертву собственного сына, Исаака. Но вне религиозного контекста действия Авраама выглядят откровенно нездорово. Практически любое другое прочтение

ситуации кажется более разумным (к примеру, Авраам мог бы задаться любым из следующих вопросов: не сошел ли я с ума? Может, помстилось мне? Может, Господь проверяет меня? Может, это дьявол, выдающий себя за Господа? А можно то же самое в письменном виде?), и для рационально мыслящего атеиста его поведение лишено всякого смысла.

доказательства, отпала бы необходимость веры, но если разум не помогает, вера приходит на помощь. Акт воли, который требуется от верующего, добавляет вере моральное измерение, а безоговорочная преданность почитается как искренняя набожность. Привлекательность веры очевидна: жизнь обретает ясный смысл, в бедах и горестях находится утешение, отрадно осознавать, что после смерти тебя ждет лучший мир, и так далее. Религиозные верования позволяют удовлетворить многие базовые потребности человека, более того — поверив в Бога, многие люди действительно изменяются в лучшую сторону. Ну и наконец, символизм и нарративная составляющая религии служили и служат неисчерпаемым источником вдохновения для писателей, поэтов, художников...

То, что фидеисты относят к достоинствам веры, с точки зрения рационалистов оказывается недостатком. Один из главных принципов

«Кто начинает с того, что любит христианство больше, чем истину, кончит тем, что полюбит свою собственную секту или церковь больше, чем христианство, и наконец — самого себя больше, чем все остальное»

Сэмюэл Кольридж, 1825

1748

Дэвид Юм утверждает, что вера в чудеса иррациональна

1859

В эссе «О свободе» Дж. С. Милль восторгается свободой мысли

1997

Ричард Докинз сравнивает веру с вирусом оспы

Пари Паскаля

Предположим, мы решили, что доказательства существования Бога недостаточно. Что делать в таком случае? Мы можем либо верить в Бога, либо не верить. Если мы предпочтем верить и окажемся правы (то есть Бог действительно существует), нас ждет вечное блаженство, а если окажемся не правы, то ничего не теряем. С другой стороны, если мы решаем не верить в Бога и оказываемся правы (то есть Бога действительно нет), мы ничего не теряем, но ничего и не выигрываем; но зато, если окажемся не правы, последствия будут весьма плачевны — в лучшем случае вечного блаженства нам не видать, а в худшем нас ждут вечные муки в аду. При таком раскладе нужно быть полным идиотом, чтобы не верить в Бога.

Это замечательное доказательство необходимости веры, известное как «Пари Паскаля», было предложено Блезом Паскалем в 1670 году — замечательное, но не лишенное изъянов. Очевидная проблема — приходится решать, верить или нет, а это все-таки не совсем то, что обычно подразумевается под искренней верой. Хуже того, сама необходимость заключать пари возникает из-за недостатка информации о Боге, хотя оценка потенциального выигрыша и проигрыша подразумевает довольно точное знание о том, что Господу нравится и не нравится. А вдруг ему не слишком интересно поклонение как таковое и откровенно неприятны расчетливые типы, решающие вопросы веры исключительно исходя из собственных интересов?

«Взвесим выигрыш и проигрыш, ставя на то, что Бог есть. Возьмем два случая: если выиграете, вы выиграете все; если проиграете, то не потеряете ничего. Поэтому, не колеблясь, ставьте на то, что Он есть»

Блез Паскаль, 1670

светского либерализма, сформулированный Дж. С. Миллем, — свобода мысли и выражения плохо совмещается с привычкой к слепому одобрению, свойственной истоно верующим. Безоговорочная преданность идее, которую фидеисты считают достоинством, людям неверующим кажется нетерпимостью и предрасудками. Абсолютное доверие авторитету может привести людей к принятию опасных идей, созданию тоталитарных сект и превратить искреннюю веру в фанатизм. Способность искренне верить — достойное качество, при условии, что объект веры заслуживает подобного отношения. Невозможно отрицать тот факт,

Дж. С. Милль об интеллектуальной свободе

В своей работе 1859 года «О свободе», страстно защищающей свободу слова и самовыражения, Джон Стюарт Милль предупреждает об опасности появления культуры, подавляющей интеллект, культуры, не позволяющей ставить под сомнение общепринятые мнения, культуры, в которой «даже самые активные и пытливые умы» не рискуют «свободно и смело рассуждать о важнейших проблемах». Развитие разума

подавляется, мнения насаждаются, а истина мало кого волнует: «истина существует... как предрассудок, убеждение, не зависящее от доказательств и даже противоречащее им, — не так должно относиться к истине разумное мыслящее существо. Истина, высказанная таким образом, всего лишь еще одно суеверное заблуждение, случайно зацепившееся за зерно истины».

что в некоторых религиях в определенные периоды времени здравый смысл и милосердие уступали место нетерпимости, фанатизму и более страшным грехам.

Итак, составлен баланс, с дебетом и кредитом для каждой стороны, и то, что одна сторона считает достоинством, другая считает недостатком. Если продолжить бухгалтерскую метафору, обе стороны используют разные системы подсчета, и любые попытки сравнить две таблицы безрезультатны — именно такое ощущение создают споры верующих с неверующими. Они не слышат друг друга, не могут найти точек соприкосновения и категорически не желают сдавать позиции. Атеисты доказывают, к своему собственному удовольствию, что вера иррациональна; верующие считают, что это к делу вообще не относится. Вера по сути своей иррациональна или вне-рациональна; она противостоит разуму, и, в общем-то, в этом весь смысл.

«Верую, чтобы понимать»
Аврелий Августин, около 400

В сухом остатке
Прыжок веры

44 Позитивная и негативная свобода

Свобода — это одна из тех ценностей, в которых никто не сомневается. Наличие ее важно, она — безусловное благо и один из важнейших политических идеалов, возможно, самый важный. Свобода — одна из тех идей, по поводу которых нет единого мнения. Сколько свободы должно быть у человека? Ограничения — это необходимое условие для реализации свободы? Как свобода одного согласуется со свободой другого в случае конфликта?

И без того непростая дискуссия о свободе осложняется разным пониманием самого понятия свободы. Вполне может оказаться, что речь вообще идет о другом явлении: слово «свобода» не только может иметь несколько значений, но зачастую его относят к различным, хотя и родственным, понятиям. Одну из наиболее удачных попыток разрешить противоречия, связанные с понятием и идеей свободы, предпринял уже в XX веке философ Исайя Берлин. Ключевой элемент его концепции — различие между позитивной и негативной свободой.

Две свободы *Джордж сидит и смотрит на стоящий перед ним стакан бренди. Никто не приставляет пистолет к его голове, вынуждая пить. На Джорджа вообще никто не давит — никто не заставит его выпить, и никто не будет его останавливать. Он свободен поступить так, как захочет. Проблема в том, что Джордж — алкоголик. Он знает, что пить ему нельзя — это может прикончить его. Он может лишиться семьи, друзей, детей, работы, чувства собственного достоинства и самоуважения... но не в силах удержаться. Он протягивает трясущуюся руку и подносит стакан к губам.*

Данная ситуация иллюстрирует концепцию двух разных видов свободы. Часто мы определяем свободу как отсутствие внешнего принуждения: человек свободен, если его действия не ограничены никакими внешними факторами. Такую свободу Берлин называет «негативной», поскольку она определяется отсутствием любых ограничений или внешнего вмешательства. В этом смысле алкоголик Джордж совершенно свободен. Но сдержаться и не пить он не может. Он сам вынуждает себя пить, хотя и знает, что на пользу ему это не пойдет. Он не полностью контролирует себя, и его жизнь не полностью зависит от него самого. В отношении пьянства он не свободен, и выбора у него нет. Джордж лишен того, что Берлин назвал «положительной» свободой, определяемой наличием некоторых качеств у самого субъекта (самоконтроль, способность действовать в соответствии с разумным представлением о своих интересах). И в этом смысле Джордж определенно не свободен.

Негативная свобода Мы свободны, в «негативном» смысле по Берлину, настолько, насколько никто и ничто не ограничивает нашу возможность действовать в соответствии с нашими собственными желаниями. Но, пользуясь своей свободой, мы неизбежно вступаем в конфликт с окружающими. Моя свобода громко петь в ванной противоречит свободе моего соседа провести спокойный вечер. Никто не может наслаждаться полной негативной свободой, не ограничивая свободы другого, так что для существования общества необходимо идти на компромисс.

Такой позиции придерживаются идеологи классического либерализма. Самая знаменитая формулировка этого принципа, так называемого «принципа вреда», принадлежит викторианскому философу Дж. С. Миллю. В трактате «О свободе» он писал, что личность свободна действовать как ей угодно, если это не приносит вреда другим личностям; если же такой вред причинен, общество может применить к нарушителю те или иные санкции. Таким образом, мы можем определить область частной свободы, которая священна и защищена от внешнего вторжения. В этом личном пространстве человек может беспрепятственно предаваться собственным склонностям, действовать как угодно; а в политическом смысле это означает свободу пользования неотчуждаемыми правами — слова, совести, собрания и т. д.

1859

Публикация трактата
«О свободе» Дж. С. Милля

октябрь 1958

Лекция Исаяи Берлина
«Две концепции свободы»

1971

«Принцип различия» в «теории
справедливости» Джона Ролза

Хотя негативное понимание свободы, свойственное либеральной идеологии, в целом доминирует, по крайней мере, в странах Запада, оно не совершенно. Например, можно задуматься, следует ли называть свободой право человека поступать в соответствии с собственными желаниями, если человек не имеет ни средств, ни способностей, ни возможности делать то, что он якобы «свободен» делать. К примеру, любой гражданин США имеет право баллотироваться в президенты. Да, конституционных ограничений нет, но в реальной жизни большинство граждан лишены соответствующих ресурсов — денег, образования, социального статуса, — чтобы осуществить это право на практике. Короче говоря, эти люди не имеют *действительной* свободы совершить то, на что они *формально* имеют право. Чтобы преодолеть этот разрыв между мнимой и реальной свободой, социально мыслящие либералы могли бы поддержать ограниченное вмешательство государства в жизнь граждан, что более соответствует позитивной интерпретации свободы.

Позитивная свобода Если негативная свобода есть свобода *от* внешних влияний, то позитивная — свобода добиваться определенной цели; это свобода личности максимально развить свой потенциал, реализовать себя, достичь независимости и стать самодостаточной. В более широком, политическом, смысле позитивная свобода — это освобождение от культурного и социального давления, которые могли бы препятствовать самореализации личности.

Негативная свобода существует в отношениях между людьми, позитивная, напротив, есть свобода внутренняя, развивается и укрепляется внутри самой личности. Джордж-алкоголик страдает от внутреннего конфликта рационального мышления и инстинктивного желания выпить; таким образом, концепция позитивной свободы подразумевает разделение личности на высший и низший аспекты. Обретение позитивной свободы связано с победой высшего, предпочтительного (с моральной и рациональной точек зрения) аспекта.

Отчасти из-за концепции внутреннего разделения личности, подразумеваемой позитивным пониманием свободы, Берлин был так осторожен в своих выводах. Вернемся к Джорджу: та часть его личности, которая понимает его интересы, считается высшей, более рациональной. Если он не в состоянии сам поддержать этот аспект своей личности, возможно, ему нужна внешняя помощь — людей более

«Субъекту — будь то человек или группа людей — разрешено или должно быть разрешено делать то, что он способен делать, или быть тем, кем он способен быть, не подвергаясь вмешательству со стороны других»

Исайя Берлин, 1959

Злоупотребление свободой

«Свобода! Какие преступления свершаются во имя твое!» — воскликнула мадам Ролан прямо перед своей казнью в 1793 году. Но ужасы Французской революции — лишь один из многих печальных примеров преступлений, совершенных во имя свободы, именно позитивной свободы. Недоверие Исая Берлина к позитивной свободе объяснялось непростой историей XX века, в частности, историей сталинизма в России. Самое опасное, как показывает опыт, — убежденность в существовании единственного правильного пути развития общества и единственного универсального лекарства от всех его болезней. К сожалению, этим грешат практически

все радикальные реформаторы и революционеры. Сам Берлин был горячим сторонником плюрализма ценностей. Представления о благе, утверждал он, могут быть очень разными, нередко даже противоречить друг другу, и всем нам приходится выбирать из этого многообразия то, что соответствует именно нашим взглядам. Его привязанность к идее негативной свободы основывалась на представлении о том, что последовательное распространение этого вида свободы приведет к созданию условий, в которых люди смогут лучше контролировать свою жизнь и совершать вышеописанный выбор более осознанно, формируя более разумное и справедливое общество.

рассудительных, мудрых, понимающих, что следует делать в данной ситуации. В принципе, эти рассуждения оправдывают возможное физическое разделение Джорджа и бутылки. А что хорошо для Джорджа, то и для государства подойдет, — именно этого опасался Берлин: вооружившись идеей (позитивной) свободы, правительство превращается в тиранию, устанавливая по своему усмотрению произвольные «цели» для общества; выбирая определенный образ жизни для своих граждан; решая, что и как им думать, чего и как им желать, игнорируя их подлинные желания и стремления.

«Манипулируя людьми, толкая их к целям, которые видны нам, социальным реформаторам, а им не видны, мы обращаемся с ними как с безвольными объектами, а значит — их разлагаем»

Исайя Берлин, 1959

**В сухом остатке
Такие разные свободы**

45 Принцип различия

Динамика развития и изменения человеческого общества невероятно сложна, но в целом можно предположить, что справедливое общество гораздо стабильнее несправедливого. Если люди считают, что общество, в котором они живут, достойно и справедливо, они с готовностью будут подчиняться принятым в нем правилам и поддерживать его институты. Но любое общество неизбежно сталкивается с определенными трудностями. Как должны эти трудности, равно как и выгоды, распределяться в обществе, чтобы оно могло считаться справедливым?

Можно предположить, что единственный способ справедливого распределения общественных благ – поровну между всеми. Однако равенство трактуют по-разному. Речь идет о равенстве результата, когда каждый получает одинаковую долю благ, предлагаемых обществом, и вынужден нести равное бремя его проблем? Но некоторые люди крепче и сильнее прочих, и общество в целом могло бы получить немалую выгоду, если бы отдельные его представители делали для общего блага чуть больше остальных. А если люди больше делают для общего блага, не разумно ли, чтобы они получали и большую долю разнообразных прибылей? В противном случае те, кто обладает большими талантами, могут не использовать их в полной мере, и общество в целом окажется в проигрыше. Вероятно, важнее равенство *возможностей*, когда каждый член общества может добиться процветания, при этом некоторые способны полнее реализовать свой потенциал и в итоге получат больше благ.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1651

В «Левиафане» Гоббс утверждает, что суверен правит только на основе общественного согласия

Ролз против утилитаризма

Теория справедливости Ролза стала продолжением его взглядов, во многом отличных от утилитаристского подхода (см. с. 69) к этой проблеме. С точки зрения утилитаризма любое неравенство может быть оправдано, если общее количество пользы (т. е. счастья) увеличивается. Например, интересами большинства можно пожертвовать ради невероятной пользы для меньшинства; и точно так же колоссальное ущемление меньшинства оправдано, если прибавится счастья у большинства. Принцип различия Ролза не допускает ни одной из этих ситуаций, поскольку не позволяет

жертвовать интересами наименее успешных слоев общества.

Еще одно важное отличие в том, что утилитаристы беспристрастно оценивают интересы всех: от каждого требуется объединить свои интересы с интересами других и совместно добиваться максимальной общей пользы. Сторонники Ролза придерживаются индивидуального подхода: интересы человека и незнание им своего места в обществе ведут напрямую к благоразумному выбору в соответствии с принципом различия.

Своей работой «Теория справедливости», опубликованной в 1971 году, американский философ Джон Ролз внес большой вклад в дискуссию о социальном равенстве и справедливости. В основе его теории лежит так называемый «принцип различия», согласно которому неравенство в обществе может быть оправдано только в случае, если наименее успешные члены общества окажутся в лучшем положении, чем были бы без этого неравенства. Сформулированный Ролзом принцип вызвал множество откликов, позитивных и негативных, с его помощью пытались обосновывать идеологии, принадлежащие порой к прямо противоположным сторонам политического спектра (некоторые из таких объяснений сам Ролз вряд ли одобрил бы).

«Общество, которое равно — в смысле равенства доходов — ставит выше свободы, не получает ни свободы, ни равенства»

Милтон Фридман, 1980

1971

Опубликована «Теория справедливости» Джона Ролза

1974

«Машина иллюзий» Нозика ставит под сомнение основные положения утилитаризма

1980-е

Теория Ролза оправдывает экономическую политику «просачивания благ» в Британии и США

Экономика лошади и воробья

Принцип различия Ролза оправдывает неравенство, только если оно выгодно всему обществу в целом и не приводит к ущемлению интересов одной группы людей в пользу другой. Но принцип ничего не говорит о соотношении блага, получаемого разными группами, то есть возможна ситуация, в которой небольшая выгода для «слабых» слоев общества приведет к колоссальному улучшению положения тех, кто и без того распоряжается львиной долей общественных богатств. Этот элемент теории Ролза, по сути своей эгалитаристской, использовался для

оправдания так называемой «экономики просачивания благ» — экономической политики, которую проводили правительства Рейгана и Тэтчер в 1980-х. Сторонники этой политики считали, что сокращение налогов для богатых приведет к экономическому росту, тем самым якобы улучшая состояние не столь успешных слоев общества. Эту методику экономист Дж. К. Гэлбрейт пренебрежительно назвал «экономикой лошади и воробья»: «если скормить лошади достаточно овса, некоторое его количество пройдет через нее и достанется воробью».

Под покровом неведения Любая концепция социальной справедливости включает, явно или неявно, идею беспристрастности. Любое общество, принципы существования и структуры которого обеспечивают интересы определенной группы людей (класса, касты, национальности или политической партии), автоматически считается несправедливым. Чтобы теоретически обосновать принципы справедливости, Ролз предложил мысленный эксперимент, основанный на теориях социальных противоречий Гоббса и Руссо (см. с. 184). Предположим, что мы находимся в «изначальном состоянии», в котором не имеем никаких личных интересов и привязанностей: «никто не знает своего места в обществе, классовой принадлежности и социального статуса, никто не знает, какими способностями и талантами наделила его природа — ни своего интеллекта, ни своей силы, ничего». Мы не можем преследовать в первую очередь свои интересы, поскольку они нам попросту не известны. Не зная своей роли в обществе, мы вынуждены действовать осторожно, чтобы ни одна группа не оказалась ущемлена в пользу других.

Выходит, беспристрастность — это рациональный и неизбежный выбор индивидуума в его изначальном состоянии. Социальные и экономические структуры общества могут, согласно Ролзу, быть справедливыми, только если формируются с учетом этой воображаемой «вуали незнания». Более того, выбор, сделанный в этом гипотетическом

«изначальном состоянии», является единственно разумным и рациональным. И самое благоразумное решение, какое может принять рационально мыслящий индивидуум, — придерживаться принципа различия.

Но если неравенство приемлемо только в случае, если идет на пользу слабейшим, то получается, что в любом другом случае оно неприемлемо.

Другими словами, общество должно обеспечивать гражданам равенство возможностей — кроме тех случаев, когда, согласно принципу различия, допустимо неравенство. Таким

образом, экономические изменения, которые улучшат положение обеспеченных слоев общества и не изменят положения наименее обеспеченных, не могут считаться справедливыми. Человек может обладать от рождения определенными способностями, но он имеет право получать от них какие-либо социальные и экономические выгоды только при условии, что предоставление ему таких привилегий улучшит положение наиболее «неудачливых» членов общества. В общем, неравенство справедливо, если от него есть польза всем, во всех остальных случаях должно побеждать равенство.

«Принцип различия — эгалитаристская концепция, в том смысле, что если не возможно распределение, улучшающее положение всех участников, равное распределение предпочтительней»

Джон Ролз, 1971

В сухом остатке
Равенство как
справедливость

46 Левиафан

«...Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех... В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна».

Эта антиутопия – самый знаменитый фрагмент из трактата Томаса Гоббса «Левиафан», шедевра политической философии, опубликованного в 1651 году. Удрученный последствиями только что закончившейся

В первую очередь я говорю об общей склонности всего человеческого рода, о вечном и беспрепятственном желании все большей и большей власти, длящемся до самой смерти

Томас Гоббс, 1651

в Англии гражданской войны, Гоббс создал пессимистичную и мрачную картину человечества: люди, пребывающие в «естественном состоянии», заботятся лишь о собственных интересах, своей безопасности и своих удовольствиях; они постоянно соперничают друг с другом, вступают в конфликты, только чтобы добиться своего; среди этих людей невозможно ни доверие, ни сотрудничество. Гоббс задается вопросом, как человек попадает в подобное жалкое состояние и есть ли из него выход. Каким образом на столь неприглядной основе

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1651

«Левиафан» Томаса Гоббса поддерживает идею абсолютной власти

1690

«Два трактата о правлении» Джона Локка

Общественные договоры

Идею общественного договора как основы функционирования государства, предложенную Гоббсом, европейские философы развивали нескольких веков. Сама идея понятна: при заключении сделки каждая из сторон получает определенные права и определенные обязанности; можно предположить, что подобные отношения существуют между государством и его гражданами. Но о какой форме договора идет речь в данном случае? Естественно, это не контракт между гражданами и государством в буквальном смысле, более того — «естественное состояние», о котором писал Гоббс, тоже понятие гипотетическое, не более чем мысленный инструмент, позволяющий разделить

естественные и обусловленные социумом аспекты человеческой личности. Но тогда разумно поинтересоваться, вслед за шотландским философом Дэвидом Юмом, как можно на столь гипотетическом представлении основывать подлинную власть и определять настоящие права и обязанности граждан и государства?

Самый знаменитый из последователей Гоббса, французский философ Жан-Жак Руссо, опубликовал свой трактат «Общественный договор» в 1762 году. Позднее появилось множество теорий общественного договора, автором самой известной стал американец Джон Ролз (см. с. 181).

может родиться общество и государство? Его ответ: «общая власть, держащая всех их в страхе», то есть абсолютная власть государства, символически именуемая «Левиафаном».

«Соглашения без меча — лишь слова» С точки зрения Гоббса, природный инстинкт велит людям защищать свои интересы и сотрудничество является естественным способом достижения этой цели: только таким путем человечество может выбраться из состояния войны и «одинокой, бедной, беспросветной, тупой и кратковременной» жизни. Почему же человеку в его «естественном состоянии» так сложно договориться о взаимодействии с другими? Да просто потому, что в интересах сотрудничества непременно приходится поступаться собственными интересами — по крайней мере, на время. Но если единственный моральный ориентир для

1762

«Общественный договор»
Жан-Жака Руссо

1971

Джон Ролз разрабатывает концепцию справедливости как беспристрастности в «Теории справедливости»

Благородный дикарь

Руссо не разделял представлений Гоббса о «естественном человеке». Гоббс полагал, что власть государства необходима для укрощения животной природы человека, в то время как Руссо считал человеческие грехи и пороки результатом воздействия общества: «благородный дикарь», от природы невинный, вполне удовлетворенный «сном разума», живущий в гармонии с природой и окружающими, развращается под воздействием образования и прочих социальных факторов. Идеи Руссо стали источником вдохновения для романтизма, доминировавшего в европейской культуре в конце XVIII века. Сам Руссо не питал иллюзий относительно возможности возвращения к прежнему идиллическому состоянию: после утраты «невинности» возникновение общества, описанного Гоббсом, неизбежно.

«естественного человека» — собственные интересы и собственная безопасность, с чего ему быть уверенным, что другой не воспользуется преимуществами нарушения договора и не нанесет удар первым? И разумеется, каждый будет стремиться нанести тот самый упреждающий удар. Если все рассуждают подобным образом, невозможно никакое доверие и, следовательно, никакое сотрудничество. Согласно Гоббсу, в естественном состоянии человека немедленная выгода всегда оказывается важнее любых долгосрочных преимуществ и человечество не в силах выбраться из порочного круга лжи и насилия.

Необходима некая внешняя сила, которая *заставит* людей подчиниться условиям договора, выгодного всем, и будет следить за тем, чтобы никто не нарушал соглашения. Договор, не поддержанный такой силой, — лишь слова, заключает Гоббс. Люди должны

6 Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах.

**Иной мнит себя повелителем других,
что не мешает ему быть рабом в большей еще мере,
чем они. Как совершилась эта перемена? Не знаю.**

Что может придать ей законность?

Полагаю, что этот вопрос я смогу разрешить 9

Жан-Жак Руссо, 1782

Среди божеств и чудовищ

Левиафан, иногда также называемый Бегемотом, — мифическое морское чудовище, упоминаемое уже в Ветхом Завете. Гоббс, используя это наименование, намекал на огромную силу государства — «великого Левиафана, или (говоря почтительно)... земного Бога, которому мы обязаны, попусшением Бога небесного, нашим миром и безопасностью». В наши дни государство называют Левиафаном, когда хотят сказать, что оно узурпирует власть и полномочия, ему не принадлежащие.

добровольно ограничить свою свободу ради общего блага, когда «каждый из них будет признавать как свои собственные все действия и суждения того человека или собрания людей, которому большинство дает право представлять лицо всех (т. е. быть их представителем)». Таким образом, граждане соглашаются уступить свой суверенитет государству, дабы «направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов».

В сухом остатке Общественный договор

47 Дилемма заключенного

«В общем, такое предложение: сознаешься и сдаешь своего дружка – он сядет на десять лет, а тебя отпустят». Гордон понимал, что год они оба получают в любом случае, просто за ношение оружия, но чтобы пришить им вооруженный грабеж, улик не хватает. Загвоздка в том, что он знал: в соседней камере такую же сделку предлагают Тони. Если оба сознаются и заложат друг друга, каждый получит по пять лет. Вот если бы знать, что собирается делать Тони...

...Гордон не дурак, он тщательно взвешивает все за и против. «Предположим, Тони промолчит; тогда лучше бы его сдать – он получит десять лет, а я останусь на воле. Предположим, он меня сдаст. Все равно лучше сознаться, свалить все на него и получить 'пятерку' – если промолчу, то на десять лет упекут меня. Так что в любом случае лучше сознаваться». Проблема Гордона в том, что Тони тоже не дурак и приходит точно к такому же выводу. Они сдают друг друга, и оба получают по пять лет. Но если бы оба промолчали, каждый получил бы всего по году...»

Оба приняли разумное решение, учитывающее их собственные интересы, но результат оказался явно не лучшим из возможных. Что же пошло не так?

Теория игр Описанная выше история, известная как «дилемма заключенного», – один из самых известных сценариев, изучаемых теорией игр. Предмет теории игр – анализ ситуаций, в которых существует явный конфликт интересов, и определение рационального образа действий. В данном случае рациональной стратегией поведения будет та, которая позволит добиться максимального преимущества при помощи совместных с оппонентом действий («сотрудничать», на языке теории игр) или предательства его («предать»). Предполагается, что

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1651

Психологический эгоизм становится основой политической теории Гоббса

начало XX в.

Рождение математической теории конфликта интересов

Нулевая сумма

Теория игр оказалась столь плодотворной областью исследований, что некоторые специальные ее термины вошли в повседневное употребление. «Игра с нулевой суммой», например, часто используется неофициально, особенно в бизнесе, — технически это просто игра, вроде покера или шахмат, где выигрыш одной стороны точно соответствует проигрышу другой. Дилемма заключенного — это, напротив, игра «с не-нулевой суммой»; здесь оба игрока могут и выиграть, и проиграть в разной степени.

анализ подобных ситуаций позволит объяснить реальное поведение людей — прогнозируя либо помогая принять определенное решение.

С точки зрения теории игр возможные стратегии поведения могут быть представлены в виде следующей таблицы:

	Тони молчит	Тони сознается
Гордон молчит	Оба получают 1 год (оба в выигрыше)	Гордон получает 10 лет, Тони выходит на свободу (большой проигрыш — большой выигрыш)
Гордон сознается	Гордон выходит на свободу, Тони получает 10 лет (большой выигрыш — большой проигрыш)	Оба получают 5 лет (оба в проигрыше)

Проблема возникает, если каждый заинтересован только в минимизации своего срока заключения. Чтобы добиться наилучшего возможного выхода (каждый получает по году тюрьмы), заключенные должны сотрудничать и каждый из них должен отказаться от выхода, лучшего именно для него. В классической дилемме заключенного такое сотрудничество не допускается, да и причин доверять друг другу у преступников нет. Поэтому они

1944

Классическая монография
Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна
«Теория игр и экономическое поведение»

1994

Джон Нэш получает Нобелевскую премию
по экономике за достижения в области
теории игр и экономической теории

2001

Фильм «Игры
разума» о судьбе
Джона Нэша

выбирают стратегию, которая не позволяет добиться наилучшего возможного результата, но избавляет от наихудшего из вариантов для каждого лично. В итоге решение оказывается далеко не оптимальным.

Практическое применение Более общий вывод заключается в том, что эгоистичное преследование собственных интересов, хотя и может быть до некоторой степени рационально, зачастую не приводит к оптимальному результату; таким образом, сотрудничество (по крайней мере, в определенных обстоятельствах) является в большинстве случаев лучшей политикой. Каким образом «дилемма заключенного» действует в реальном мире?

В общественных науках, особенно в экономике и политологии, «дилемма заключенного» позволяет, например, понять мотивы принятия решений в ситуации эскалации вооружений при конфликте двух стран. Очевидно, что обеим сторонам выгодно было бы прийти к соглашению, но на практике такое редко случается. Согласно теории игр, невозможность прийти к соглашению объясняется страхом больших потерь (военного поражения), которые перевешивают относительно незначительные выгоды (снижение военных расходов). Реальный результат — не лучший и не худший из возможных — гонка вооружений.

Очевидная параллель с «дилеммой заключенного» наблюдается в некоторых юридических системах (в частности, в США) — практика сделок между защитой и обвинением. Логика «дилеммы заключенного» предполагает, что рациональная стратегия «минимизации максимальной потери» — согласие на меньшее наказание из страха получить большее — может побудить невиновных признавать вину и доносить на других.

Игры разума

Самый известный современный исследователь в области теории игр — Джон Форбс Нэш из Принстона. Его математический гений, борьба с тяжелым психическим заболеванием и, наконец, Нобелевская премия 1994 года по экономике даже стали сюжетом фильма «Игры разума». Основной вклад Нэша в теорию игр — идея «равновесия Нэша» — стабильная ситуация в игре, при которой ни одна из сторон не намерена менять существующее положение, пока этого не сделает другая сторона. В случае «дилеммы заключенного» двойное «предательство» (оба сознаются) как раз и представляет собой равновесие Нэша, которое, как мы знаем, не всегда соответствует лучшему выходу из ситуации.

В худшей ситуации виновный признает вину, а невиновный продолжает ее отрицать, и в результате, как это ни странно, невиновный получает более суровое наказание.

Игра в труса Еще одна игра, активно используемая в построениях теории игр, — «трус», нагляднее всего показанная в фильме 1955 года «Бунтарь без причины» с Джеймсом Дином. По условиям игры двое ведут машины с максимально возможной скоростью навстречу друг другу и проигрывает тот, кто первым свернет (трус). В этом сценарии цена «сотрудничества» (потеря лица) настолько меньше цены «предательства» (авария с возможным летальным исходом), что рациональным выходом является сотрудничество. Проблема появляется, когда игрок А решает, что игрок В так же рационален, как он сам, и свернет в сторону, позволив ему, игроку А, продолжить движение и выиграть.

Опасность очевидна: отказ от сотрудничества, «предательство» со стороны обоих участников (оба продолжают нестись по прямой) заканчивается катастрофой. Параллели с всевозможными конфликтами в реальной жизни (потенциально куда более разрушительными) не менее очевидны.

В сухом остатке
Люди играют в игры

48 Теории наказания

Многие скажут, что признаком цивилизованного общества является его способность защищать права своих граждан: защищать их от несправедливостей и всяческого вреда, который может быть причинен как самим государством, так и другими гражданами, защищать их право выражать свое мнение, гарантировать им свободу слова и передвижения. Может ли такое общество намеренно причинять вред своим гражданам, исключать их из политического процесса, ограничивать их свободы? Ведь именно этим оно и занимается, наказывая граждан за нарушение им же установленных правил.

Очевидный конфликт между разными функциями государства породил философский спор об оправданности наказания. Как и в других этических вопросах, стороны придерживаются либо консеквенциалистского, либо деонтологического подхода (см. с. 65): консеквенциалисты указывают на положительные последствия наказания преступников, а деонтологи настаивают, что наказание важно само по себе, вне зависимости от последствий.

И воздастся им по заслугам Ключевая идея деонтологических теорий — идея воздаяния. Интуиция подсказывает нам, что люди должны получать, что заслуживают: награду за достойное поведение, наказание — за недостойное. Представление о том, что преступники должны расплачиваться (потерей свободы) за проступки, не противоречит нашей интуиции. Иногда делают и следующий логический шаг: проступок нарушает существующее в обществе равновесие, и нарушитель должен его восстановить, «выплатив долг» обществу. Гражданин обязан соблюдать установленные обществом правила и, нарушив их, оказывается у общества в долгу,

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

около 400

В античной философии возникает вопрос о свободе воли

1789

Иеремия Бентам заявляет, что «все наказания по сути своей зло»

Уровни оправдания

«Проблема наказания» рассматривается обычно с точки зрения утилитарной, то есть устрашения преступника и защиты общества, и/или занимается таким важным вопросом, как воздаяние. Но при этом существуют аспекты как более частные, так и глобальные. Например, насколько оправдано наказание данного **конкретного** человека. Такой вопрос не ставит под сомнение необходимость наказания как такового и не представляет особого интереса с точки зрения философии.

Помимо таких вопросов есть еще и проблема ответственности. Несет ли обвиняемый ответственность за деяние в том смысле, как понимает ответственность закон? Действовал ли он в состоянии аффекта или в целях самозащиты? Вопрос ответственности приводит к довольно сложной философской проблеме. В самом общем смысле это проблема свободы воли: predeterminedены ли наши действия — есть ли у нас свобода выбора и, если нет, можем ли мы отвечать за свои поступки?

а долги следует возвращать. Финансовую метафору можно продолжить: как размер выплаты зависит от размера кредита, так и тяжесть наказания должна соответствовать тяжести преступления.

Идею о том, что «наказание должно соответствовать преступлению», отражает ветхозаветный принцип *lex talionis* — «око за око, зуб за зуб». В этом случае подразумевается, что не только тяжесть, но и сам характер наказания должен быть эквивалентен проступку. Например, сторонники смертной казни часто утверждают, что единственное достойное наказание за лишение жизни — ее утрата (см. с. 194). Правда, они не спешат с предложениями шантажировать шантажистов и насилловать насильников. Библейское обоснование ретрибутивизма порождает и основную его проблему: *lex talionis* тесно связан с представлением о «мстительном Боге», и приходится прилагать немалые усилия, чтобы отделить воздаяние от мести. Некоторые преступления якобы «вопиют» о страшных карах, и наказание всего лишь отражает общественное негодование, но по сути это немногим отличается от жажды возмездия, каковая, безусловно, не оправдывает расправы.

1823

В Великобритании благодаря усилиям Элизабет Фрай проведена реформа тюремной системы

2008

Смертная казнь применяется в 36 из 50 американских штатов

Смертная казнь?

Дебаты о смертной казни обычно развиваются по той же схеме, что и дебаты о других видах наказания. Сторонники смертной казни часто ссылаются на то, что по справедливости самые тяжелые преступления должны приводить к самому суровому наказанию, независимо от последствий; но и последствия — устрашение других потенциальных преступников и защита общества — часто также приводятся в качестве аргументов. Их оппоненты утверждают, что идея устрашения неубедительна, а пожизненное заключение преступника обеспечивает

не меньшую защиту обществу, в то время как сама идея смертной казни унижает общество в целом. Сильнейший аргумент против смертной казни — уверенность в том, что невиновные уже пострадали прежде и в дальнейшем, вероятно, неизбежны подобные судебные ошибки, — сложно опровергнуть. Сильнейший аргумент в пользу смертной казни — смертная казнь не так жестока, как пожизненное заключение, — приводит к выводу, что преступнику должна быть предоставлена возможность выбора — жить или умереть.

Необходимое зло В отличие от ретрибутивистов утилитаристы и другие консеквенционалисты не только отрицают положительные аспекты наказания, но и считают его явлением однозначно отрицательным. Создатель классического утилитаризма Иеремия Бентам считал наказание необходимым злом: наказание — зло, поскольку увеличивает количество несчастья в мире; но оправдано, поскольку пользы от него все же больше, чем вреда. Данную позицию не следует считать исключительно теоретической, ибо в высшей степени прагматичная Элизабет Фрай, инициатор тюремной реформы в XIX веке, заявила: «Наказание — это не месть, задача его — сократить преступность и изменить преступника к лучшему». Наказание способствует сокращению преступности двумя путями: поражением преступника в правах и устрашением. Казненный убийца, очевидно, не совершит новых преступлений, но не совершит их и убийца, сидящий в тюрьме. Степень поражения в правах — особенно если речь идет о лишении главного естественно-

«Все наказания несут в себе вред: все наказания по сути своей зло»

Иеремия Бентам, 1789

го права, о смертной казни, — может быть предметом дискуссий, но сложно возражать против самой необходимости принятия мер такого рода в интересах общества. Сложней оправдать устрашение. Кажется странным

утверждение, что кого-то следует наказывать не столько за уже совершенное преступление, но для того, чтобы никто больше не осмелился на подобные поступки; да и практическая польза такого подхода сомнительна: исследования показывают, что останавливает потенциальных преступников скорее страх быть пойманным, не зависящий от грядущего наказания.

Еще одна важная составляющая утилитаристского подхода к проблеме преступления и наказания – идея перевоспитания, или реабилитации, преступника. В этой идее есть своя привлекательность, по крайней мере, для либерально настроенных граждан: наказание как форма терапии, позволяющей перевоспитать преступника и сделать его полезным членом общества. Существуют, правда, серьезные сомнения относительно способности тюремной системы – по крайней мере, в ее современном виде – достичь такой благородной цели.

На практике не так уж сложно отыскать примеры неадекватности утилитаристского подхода к наказанию – случаи, когда преступник не представляет опасности или не нуждается в исправлении или когда наказание вовсе не имеет устрашающего эффекта. Утилитаристы склонны в ответ на критику предлагать целый набор возможных положительных последствий наказания, не настаивая, впрочем, на их универсальности. Но даже при этом утилитаристская концепция удовлетворяет не всех; мы убеждены, что за преступлением должна последовать расплата. Некоторые современные теории наказания совмещают утилитаристские и ретрибутивистские элементы. Главная задача таких теорий – определять недостатки современных юридических систем и предлагать способы их исправления.

**В сухом остатке
Око за око?**

49 Спасательная шлюпка Земля

«Дрейфуя в Море Морали... Мы сидим в шлюпке, где устроились 50 человек. Предположим, на борт можно принять еще десятерых, так что в общей сложности нас станет 60. А вокруг нас плавают, держась за обломки, еще 100 жертв кораблекрушения, умоляя взять их на борт...»

...У нас есть несколько вариантов: поддаться искушению по-христиански стать “сторожем брату своему” и возлюбить его или следовать марксистскому принципу “каждому по потребностям”. Поскольку потребности у всех находящихся в воде одинаковы, и все они — наши ближние, мы могли бы взять в лодку их всех, затолкав 150 человек в пространство, рассчитанное на 60. Лодка перевернется, утонут все. Абсолютная справедливость, тотальная катастрофа... Но раз уж в лодке осталось место для 10 пассажиров, мы все же могли бы взять на борт десятерых. Но кого именно?.. А если... не пускать никого? Мы выживем, но придется постоянно опасаться остальных, тех, кто пытается пробиться на борт силой».

В опубликованной в 1974 году работе американский эколог Гаррет Хардин использовал эту метафору, чтобы показать, почему богатые западные страны не должны помогать странам третьего мира. Бичуя прекраснодушных либералов, Хардин доказывал, что благонамеренное, но неразумное вмешательство Запада в долгосрочной перспективе вредит обеим сторонам. Страны, получающие помощь, попадают в зависимость от нее и на собственном горьком опыте познают опасности ошибочного планирования и неконтролируемого роста населения. А в странах Запада ничем не сдерживаемая волна беженцев-иммигрантов практически «смывает» местное население. Вину за это Хардин возлагает на совестливых либералов, отдельно подчеркивая

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1959

Концепция позитивной и негативной свободы Исайи Берлина

1968

Статья Гаррета Хардина о специфике потребления ресурсов общего пользования

порочность участия в «трагедии ресурсов общего пользования» — процессе, в результате которого ограниченные ресурсы, якобы являющиеся собственностью всего человечества, попадают в общее распоряжение, что приводит к их бесконтрольному использованию и уничтожению.

Этика суровой любви Сам Хардин даже не думал извиняться за свою «этику суровой любви». Не мучаясь угрызениями совести, он советовал тем, кто страдает от чувства вины, «вылезти и уступить свое место другому», избавившись заодно от губительного самобичевания, угрожающего моральному климату в шлюпке. Неважно, как мы пришли к нынешнему состоянию, — «прошлого не изменишь», но, только заняв суровую бескомпромиссную позицию, мы можем спасти мир (или хотя бы нашу его часть) для будущих поколений.

Трагедия общинных угодий

Хардин использовал метафору шлюпки как ответ на популярную среди экологом-мечтателей метафору космического корабля; согласно этой метафоре, мы все — экипаж космического корабля Земля, и наш долг не расходовать понапрасну его ресурсы. Проблема возникает, когда эта метафора сливается с любимой либералами картиной большого счастливого экипажа, каждый член которого работает ради общего блага. В такой ситуации ресурсы признаются собственностью всего человечества, и все должны иметь к ним равный доступ. К сожалению, против такой концепции находятя вполне аргументированные возражения. К примеру, фермер, владеющий участком земли, будет заботиться

о ее плодородии и не допустит истощения почвы, но как только земля станет общественной собственностью, никого не будет волновать ее состояние. Соблазн получения немедленной выгоды слишком велик, чтобы добровольно ограничивать посевные площади, и вскоре урожаи сократятся, а в итоге наступит полный крах. Этот процесс — неизбежный, с точки зрения Хардина, в «перенаселенном мире, где обитают совсем не идеальные создания», — он назвал «трагедией общинных угодий». Если природные ресурсы Земли, такие как воздух, вода и рыба в океанах, считаются общественными, о них никто надлежащим образом не заботится, и катастрофа не замедлит последовать.

1971

«Теория справедливости»
Джона Ролза

1974

Концепция Земли как спасательной шлюпки, ставшая основой представлений о «золотом миллиарде» населения

«Разрушение — вот к чему приходят люди в обществе, исповедующем свободу общинных владений, когда каждый стремится только к собственной выгоде. Свобода общинных владений разрушает все»

Гаррет Хардин, 1968

Картина отношений богатых и бедных стран явно не слишком привлекательна: первые спокойно сидят в своих «лодках» и, размахивая веслами, рутинно разносят головы и ломают руки тем, кто пытается к ним забраться. Но Хардин — не единственный, кто интерпретировал эту метафору. А действительно ли лодка может затонуть? Сколько человек на самом деле можно взять на борт? Может, если толстяки немного потеснятся, чуть сократят свой паек, места вполне хватит всем?

Во многом аргументы Хардина зависят от предположения, что высокие темпы роста населения не изменятся даже с улучшением экономического положения страны; он не допускает мысли, что нынешняя рождаемость в странах третьего мира является своеобразной *реакцией* на высокий уровень детской смертности, низкий уровень жизни, слабость системы здравоохранения, образования и т. п. По большому счету, говорили его противники, если опустить красивые рассуждения, позиция Хардина в высшей степени аморальна, эгоистична, самодовольна и лишена сострадания...

Моральные рамки С таких позиций чувство вины либералов не выглядит столь уж бессмысленным. Человек, который не собирается бить своих собратьев-пассажиров шлюпки по голове и выкидывать за борт, не может поступать подобным образом и с несчастными, оказавшимися за бортом (не может даже допустить, чтобы так поступал кто-то другой). И если в лодке еще осталось место, то долг любого достойного человека — помочь утопающим, втащить их в лодку и разделить с ними свой паек.

Тем не менее «сценарий» шлюпки ставит очень неприятные вопросы перед западным либерализмом. Одно из главных требований социальной справедливости — отсутствие предубежденности: факторы, неподконтрольные человеку (цвет кожи, пол и т. д.), не должны влиять на отношение к нему. И все же один такой фактор — место рождения — играет заметную роль в наших инстинктивных представлениях о морали как для либералов, так и для последователей Хардина. Как можно придавать столь существенное нравственное значение такому случайному элементу, как границы государства?

Столкнувшись с трудностями, либералы должны либо продемонстрировать, почему требования беспристрастности должны быть временно отложены, когда дело касается стран третьего мира, — то есть почему мы считаем нормальным отдавать предпочтение себе, — либо должны признать, что в самой основе современного

либерализма есть некоторая непоследовательность, и тогда необходимо распространить принципы социальной справедливости в равной степени на весь мир.

Современные теоретики пытались разобраться с проблемой и с той и с другой стороны. Справедливость, в ее либеральном понимании, действительно не является самым важным фактором, если речь идет о глобальных проблемах человечества. И сам космополитический либерализм, хоть и похвальный с точки зрения морали, требует существенных изменений в текущей политике международной помощи, чтобы не создавать новых глобальных проблем — возможно, куда более разрушительных. В любом случае, политической философии предстоит еще долго разрабатывать принципы морали и справедливости применительно к международным отношениям.

В обозримом будущем выживание вида требует принятия этики спасательной шлюпки. Только это спасет наших потомков

Гаррет Хардин, 1974

В сухом остатке
Для кого есть место
в общей лодке?

50 Справедливая война

Хотя сторонников у войны всегда хватало, большинство философов склонны скорее согласиться с поэтом Чарлзом Сорли, написавшим в 1915 году, за несколько месяцев до своей гибели в битве при Лусе в возрасте 21 года: «Нет такой вещи, как справедливая война, мы изгоняем дьявола при помощи дьявола». Тем не менее многие согласятся, что, хотя война всегда зло, некоторые дьяволы страшнее других. Да, войны следует по возможности избегать, но не любой ценой. Она может оказаться меньшим из двух зол; причина может быть настолько важна, что обращение к силе оружия морально оправданно. В таких обстоятельствах войну можно называть справедливой.

«Не бывает хорошей войны и плохого мира»

Бенджамин Франклин, 1783

Философские дебаты о моральности войны, столь же актуальные сегодня, как и тысячу лет назад, имеют богатую историю. На Западе вопрос, впервые поднятый философами Древней Греции и Рима, подхватила христианская церковь. Принятие христианства в Римской империи потребовало примирить пацифизм ранней церкви с военными потребностями огромной державы. Августин первым попытался найти такой компромисс, Фома Аквинский продолжил его дело и предложил ставшее теперь каноническим разделение между «*jus ad bellum*» («право войны», «оправдание перехода к войне»; условия, при которых морально оправдано применение оружия) и «*jus in bello*» («справедливость на войне», правила ведения боевых действий). Вокруг этих двух идей и вертится спор о «справедливой войне».

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

V в.

Святой Августин разрабатывает христианскую доктрину справедливой войны

XIII в.

Фома Аквинский определяет принципы справедливой войны

Оправдания войны Главные задачи теории справедливой войны — определить, при каких условиях обращение к силе оружия морально оправдано, и создать набор правил, по которым должны вестись боевые действия. Принципы *jus ad bellum* изменялись и уточнялись на протяжении веков. Некоторые из них до сих пор вызывают споры; как и следовало ожидать, «дьявол» в деталях и в их практической интерпретации. В целом философы согласны, что многочисленные условия необходимы, но ни одно из них само по себе не достаточно для оправдания войны. Более-менее все согласны, что возможными условиями для начала войны могут быть следующие:

- **Справедливые мотивы.** Главное и в то же время самое спорное условие — справедливый повод. Ранее это условие довольно широко интерпретировалось и включало, например, религиозные мотивы; в современном секулярном западном мире такой повод к войне сочтут идеологическим, а потому совершенно неприемлемым. Большинство современных теоретиков сузили это условие до защиты от агрессии. Чуть меньше споров вызывает объявление справедливым поводом к началу войны защиту основных прав государства — политического суверенитета и территориальной целостности (Кувейт против Ирака в 1990–1991 гг.); и многие согласны, что помощь третьей стороне, пострадавшей от агрессии, также вполне оправдана (освобождение Кувейта союзниками в 1991 г.). А вот справедливость превентивного нападения на возможного агрессора все же сомнительна. Зачастую сложно бывает определить, не были ли превентивные меры сами по себе агрессией, и некоторые философы считают, что справедливым поводом следует считать только уже свершившееся нападение.
- **Праведные намерения.** Недостаточно справедливого повода для начала войны; необходимо также, чтобы единственной целью этой войны было достижение справедливости. Фома Аквинский в связи с этим говорит о распространении добра и недопустимости зла, но по сути все сводится к тому, что единственной мотивацией должно быть исправление несправедливости, созданной агрессией, которая и предоставила повод к войне. Нельзя прикрывать справедливым поводом, как фиговым листком,

Бисмарк вел «необходимые» войны и погубил тысячи; идеалисты XX века ведут войны справедливые и губят миллионы

А. Дж. П. Тейлор, 1906–1980

Jus in bello

Другой аспект теории справедливой войны — *jus in bello*, моральные принципы, регулирующие порядок ведения боевых действий. Правил этих много, от поведения отдельных солдат по отношению к военным и гражданским вражеской страны до стратегических вопросов, таких как использование оружия (ядерного, химического, мин и т. д.). В этой области главными считаются два соображения — пропорциональность и различия.

Пропорциональность предполагает соответствие целей и средств. К примеру, практически все согласны, что ядерная бомбардировка недопустима — вне зависимости от возможных выгод с точки зрения тактики. **Различение** подразумевает

четкое разграничение военных и гражданских. Например, нельзя нападать на мирных граждан, даже если это поднимает воинский дух армии.

Очевидно, что справедливая война может вестись несправедливыми методами, а несправедливая — справедливыми. Другими словами, требования *jus ad bellum* и *jus in bello* различны, и одни из них могут быть соблюдены без соблюдения других. Многие аспекты *jus in bello* совпадают с международным законодательством (например, с Гаагской и Женевской конвенциями), и нарушения его как победителями, так и побежденными следует считать военными преступлениями.

низменные мотивы — национальные интересы, расширение территории и так далее. Освобождение Кувейта от иракской оккупации оправданно; помощь Кувейту с целью получить доступ к кувейтской нефти — нет.

- **Легитимность.** Решение о начале войны может быть принято только «легитимной властью» на законных основаниях — это кажется очевидным. «Легитимный» означает, что данный государственный орган управления обладает полномочиями для объявления войны (его компетенция обычно определена конституцией государства).

«В войне умеренного курса не бывает»

Уинстон Черчилль, 1949

лишился права на такие сантименты, проявив агрессию. «Легитимность власти» сама по себе довольно сложный вопрос и не всегда подтверждается отношением граждан к правительству.

«Объявление войны» настолько важный акт, что решение о начале военных действий должно быть официально объявлено как своим гражданам, так и противной стороне. Но эта необходимость сомнительна, если она даст врагу стратегическое преимущество, — при том, что враг явно

- **Последний довод.** Переход к войне — сколь бы справедливым ни был повод — оправдан, только если все другие, мирные, способы уладить конфликт были опробованы или, по крайней мере, обсуждались. Если конфликта можно избежать дипломатическими средствами, переходить к военным действиям будет категорически неправильно. Экономические и другие санкции также должны быть рассмотрены, и их последствия для гражданского населения необходимо сравнить с последствиями возможной войны.
- **Вероятность успеха.** Даже если все остальные условия соблюдены, страна должна обращаться к войне, только если имеет «разумные» шансы на успех. Это условие кажется достаточно благоразумным: какой смысл рисковать человеческими жизнями и тратить ресурсы напрасно? Но какой успех имеется в виду? Неужели слабой стороне *неправильно* защищаться от сильного агрессора — вне зависимости от шансов? Консеквенциалистский «привкус» этого условия многих не устраивает. Иногда абсолютно правильно сопротивляться агрессору, а вот не сопротивляться — трусливо и аморально, несмотря на всю возможную бессмысленность этого действия.
- **Пропорциональность.** Равновесие между желаемым результатом и вероятными реальными последствиями: ожидаемое добро (исправить несправедливость, вызванную агрессией) должно перевешивать возможный ущерб (жертвы, человеческие страдания и т. д.). Военные действия должны принести больше блага, чем вреда, — еще одно благоразумное, явно консеквенционалистское условие; хотя в данном случае практически невозможно определить и измерить степень добра и зла. Пытаясь оценить методы и результаты военных действий, мы вторгаемся в область *jus in bello* — правил ведения войны.

Не просто праведная война Теория справедливой войны по сей день активно обсуждается философами, но возможные взгляды на проблему войны не ограничиваются единственной концепцией. Самые крайние взгляды — реализм и пацифизм. Реалисты считают сомнительной саму идею применения принципов этики к войне (или даже к международной политике в целом); политическое влияние и национальная безопасность — главное, настоящие игроки играют жестко, мораль для слабаков. Пацифисты, напротив, считают, что международная политика должна в первую очередь определяться моралью. В отличие от сторонников теории справедливой войны пацифисты убеждены, что война не может быть правильным выходом ни при каких условиях.

«**Политика — это война без кровопролития, а война — политика с кровопролитием**»

Мао Цзэдун, 1938

В сухом остатке
Это будет славная драка

Словарь терминов

Термины, выделенные жирным шрифтом, разъясняются в отдельных словарных статьях.

Абсолютизм В этике точка зрения, согласно которой определенные действия считаются верными или неверными независимо от обстоятельств и возможных последствий.

Аналитический Утверждение, которое содержит только ту информацию, что уже заключена в значении используемых терминов; например: «Все жеребцы – самцы». Утверждение, которое содержит значимую информацию («Жеребцы скачут быстрее, чем кобылы»), называется синтетическим.

Аналогия Сопоставление двух объектов, имеющих сходство; доказательство по аналогии использует известное сходство между объектами для подтверждения их сходства в неизвестных аспектах.

Антиреализм (см. Субъективизм)

Апостериори (см. статью Априори)

Априори Утверждение, известное как истинное без доказательства. Утверждение, требующее подтверждения, известно как апостериори.

Дедукция Форма рассуждения (умозаключения), при которой вывод следует из предпосылки; если предпосылка истинна, вывод непременно будет истинным.

Деонтология Концепция, согласно которой действия являются верными или неверными сами по себе, независимо от их последствий; особое внимание уделяется обязанностям и намерениям субъекта.

Детерминизм Теория, согласно которой каждое событие имеет причину, и таким образом каждое состояние мира определено

его предыдущим состоянием. Детерминизм подвергает сомнению нашу способность совершать произвольные поступки, тем самым порождая философскую проблему свободы воли.

Дуализм В философии мышления представление о том, что сознание (или душа) и материя (или тело) разделены. Дуализм сущностей предполагает, что материя и сознание являются различными сущностями; дуализм свойств означает, что субъект обладает двумя различными типами свойств, ментальными и физическими. Противостоит дуализму идеализм (сознание и идеи – это единственная реальность) и физикализм, или материализм (телесное и материя – единственная реальность).

Заблуждение Ошибка в рассуждениях. Формальное заблуждение, в котором ошибка объясняется логической структурой доказательства, отличается от неформального заблуждения, включающего в себя множество ошибочных рассуждений.

Идеализм см. Дуализм

Индукция Форма рассуждения (умозаключения), при котором эмпирический вывод (всеобщий закон или принцип) делается на основе эмпирических предпосылок (наблюдений за тем, как происходят различные процессы в мире); вывод зависит только от предпосылок, поэтому последние обязательно должны быть безупречно верными, иначе вывод оказывается ошибочным.

Консеквенциализм В этике точка зрения, согласно которой поступок следует оценивать, исходя из его эффективности в достижении желаемого результата или состояния.

Либертарианство Точка зрения, согласно которой детерминизм не имеет под собой основы и, следовательно, человек всегда совершает свободный выбор.

Логика см. Умозаключение

Материализм см. Дуализм

Метафизика Раздел философии, изучающий природу реальности; основными понятиями являются сущность, реальность и причинно-следственная связь.

Натурализм В этике концепция, согласно которой моральные принципы могут быть объяснены или подвергнуты анализу исключительно в качестве «природных фактов» и, следовательно, стать предметом изучения естественных наук.

Необходимая истина см. Случайная истина

Нормативный Относящийся к нормам (стандартам или принципам), посредством которых регулируется поведение человека. Различия между нормативным и дескриптивным соответствуют различиям между ценностями и фактами.

Объективизм В этике и эстетике концепция, согласно которой такие качества, как красота и добродетель, являются неотъемлемыми свойствами объекта и существуют независимо от человеческих представлений.

Парадокс В логике тип доказательства, где безоговорочно точная и ясная предпосылка приводит в результате рассуждений к противоречивому выводу.

Рационализм Представление о том, что знание может быть получено без обращения к органам чувств, лишь путем рассуждений.

Реализм Представление о том, что этические и эстетические ценности, математические свойства и т. п. действительно существуют «где-то там» в мире, независимо от нашего знания о них.

Редукционизм Подход, допускающий анализ и изучение явления в иных (обычно гораздо более простых) терминах и понятиях; например, описание ментальных явлений в физической терминологии.

Релятивизм В этике теория о том, что представление о нравственном и безнравственном определяется культурой и традициями определенной социальной группы или общества.

Свобода воли *см.* Детерминизм

Синтетический *см.* Аналитический

Скептицизм Философская позиция, подвергающая сомнению наши притязания на знание в какой-либо области.

Случайная истина может перестать быть таковой при изменении внешних обстоятельств. Напротив, необходимая истина сохраняет свою истинность в любых обстоятельствах, будучи выражена любыми словами.

Субъективизм (или антиреализм) В этике и эстетике концепция, согласно которой человеческие ценности не существуют объективно во внешней реальности, но являются плодом наших представлений и реакцией на нее.

Умозаключение Логическое рассуждение, основанное на определенной предпосылке и ведущее к определенному выводу; существуют два типа умозаключений — дедукция и индукция. Установление различия между обоснованными и необоснованными умозаключениями является целью логики.

Утилитаризм В этике одна из консеквенциалистских (*см.*) систем, в которой поступки считаются верными

или неверными в зависимости от того, насколько они увеличили или уменьшили общую массу «пользы»; понятие «пользы» обычно трактуют как человеческое счастье.

Физикализм *см.* Дуализм

Эмпиризм Точка зрения, согласно которой все знания основаны на опыте, полученном экспериментально; отрицание знания априори.

Эмпирический Представление, основанное на опыте (то есть данных, полученных от органов чувств); эмпирическая информация может быть подтверждена только экспериментальным путем.

Эпистемология Теория познания, обосновывающая роль рассуждения и/или опыта в процессе познания.

Эстетика Область философии, изучающая искусство, в том числе определения произведения искусства, основные эстетические ценности, и объясняющая художественные суждения.

Указатель имен и названий

- A priori vs. a posteriori* 20
Cogito ergo sum (Декарт) 6, 16–19
Eudaimonia (Аристотель) 97
Lex talionis (закон воздаяния) 193
- А**
 Аборт 50, 56, 81, 87
 Абсолютизм 50, 52, 81
 Абстракционизм 146
 Августин Блаженный (354–430), христианский богослов 18, 200
 Айер, Альфред Дж. (1910–1989), английский философ 57
 Аквинский Фома (1225–1274), итальянский теолог 82, 157, 200–201
 Аллегория пещеры (Платон) 8, 9, 10, 11
 Аналитическое и синтетическое 21
 Ансельм Кентерберийский (около 1033–1109), теолог итальянского происхождения 160–163
 Антиреализм 11, 145
 Аргумент 108–111, 123
 Аргумент по аналогии 45–46, 101–102, 154
 Аристотелевская логика 109
 Аристотель (384–322 гг. до н. э.), греческий философ 96–99, 109, 145
 Атеизм 14, 174–175
- Б**
 Бентам, Иеремия (1748–1832), английский философ 69–71, 102, 105, 194
 Бердсли, Монро (1915–1985), американский литературный критик 148–151
 Беркли, Джордж (1685–1753), ирландский философ 14–15, 23, 30, 143
 Берлин, Исайя (1909–1997), философ латышского происхождения 176–179
 Беспристрастность 78, 182, 199
 Бесспорность 26
 Бихевиоризм 29, 39
 Благородный дикарь (Руссо) 186
 Блекберн, Саймон (р. 1944), британский философ 74
 Бог 56–59, 132–135, 152–175
 Божественной воли теория 56–59
 Боль и страдание 104, 105, 128, 154, 165–167, 168
 Больших чисел закон 116, 119
 Большой взрыв 157, 159
- Бостром, Ник (р. 1973), философ шведского происхождения 7
 Брэдбрюк парадокс 112–115
 Бурдано осел 143
 Бытия книга 132
- В**
 Вера 167, 172–175
 Верблюжий нос 87
 Вероятность см. Возможность и вероятность
 Вероятные миры 21, 161
 Видим 106
 Витгенштейн, Людвиг (1889–1951), британский философ австрийского происхождения 46, 128–131, 147
 Возвышенные и низменные удовольствия (Милль) 71
 Воздаяние 192–195
 Возможность и вероятность 116–119, 155, 171
 Войны моральное оправдание 200–203
 Вреда принцип 177
 Всеобщие ценности 145
- Г**
 Героизм 88–91
 Гетье, Эдмунд (р. 1927), американский философ 25–27
 Гипотетический метод 134
 Гоббс, Томас (1588–1679), английский философ 40, 182, 184–187
 Греллинга парадокс 113
 Грех 56, 169
- Д**
 Дарвин, Чарльз 28, 155, 158
 Двойной эффект 81–82, 91
 Двух сущностей теория 30
 Дедушка 109
 Декарт, Рене (1596–1650), французский философ 5–6, 7, 13, 16–19, 23, 28–31, 46, 102, 129, 163
 Деонтология 50, 65–66, 73, 81, 96, 107, 192
 Детерминизм 169–171
 Джексон, Фрэнк (р. 1943), австралийский философ 33–35
 Дизайнерские игрушки 84
 Добродетель/этика добродетели 54, 96–99
 Докинз, Ричард 154
 Доктрина действия-бездействия 80–83
 Домно эффект 86
 Дуализм 28–31, 39, 46, 142–143
 Дух в машине (Райл) 29
- Е**
 Евтифрона дилемма 57, 59
 Единообразие природы 111
 Единство добродетелей 98
- Ж**
 Животных права 100–107
 Животных сознание/боль 100–103, 105
 Жук в коробке 128–131
- З**
 Заде, Лотфи 122
 Заключенного дилемма 188–191
 Зла проблема 155, 162, 164–171
 Знания философия 4–27
 Злой демон (Декарт) 5, 16
 Золотое правило 62, 74, 76–79
 Зомби 44–45
- И**
 Игр теория 188–191
 Игра с нулевой суммой 189
 Игрока ошибка 116–119
 Идеализм (нематериализм) 15, 30, 143
 Идеальный наблюдатель 78
 Идеи 12–15, 129
 Идентичность неразличимого 35
 Изначальное состояние 184–186
 Изначальное состояние (Роуз) 181–183
 Изображение (в искусстве) 44–45
 Иллюзий машина (Нозик) 68–71
 Индивидуального языка аргумент (Витгенштейн) 128–131
 Индукция 46, 110–111, 134
 Институциональная теория (искусства) 146
 Интеллектуальная свобода 175
 Искусства природа 144–147
 Искусственный интеллект 38, 122
- К**
 KISS принцип 142
 Кант, Иммануил (1724–1804), немецкий философ 21, 66, 72–75, 77, 91, 96, 97, 145, 163
 Картезианский круг 19
 Картезианский театр 13
 Категориальная ошибка 29
 Категоричный императив (Кант) 72–75, 77
 Квантовая неопределенность 171
 Китайская комната (Серль) 38–39
- Когерентизм 23
 Консеквенциализм 50, 65–66, 70, 96, 192, 194, 203
 Концептуальные схемы 55
 Корабль Тезей 39, 40–43
 Космологическое доказательство 154, 156–159, 162
 Креационизм 132–135
 Кун, Томас С. (1922–1996), американский философ 136–139
- Л**
 Левиафан (Гоббс) 184–187
 Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646–1716), немецкий философ 23, 35
 Лженаука 132–135
 Лжепа парадокс 113
 Либерализм 174, 177–178, 196–199
 Либертарианство 55, 85, 170–171
 Литературная критика 149, 151
 Лицемеры 77
 Личностная идентификация 40–43
 Логика 108–111, 123
 Локк, Джон (1632–1704), английский философ 12–15, 23, 42, 129
- М**
 Максимы (Кант) 67, 73–74, 77
 Мальбранш, Никола (1638–1715), французский философ 30
 Математика 22, 112
 Математическая логика 109
 Международное законодательство 202
 Метаэтика 50
 Метод сомнений (Декарт) 5, 16
 Милль, Джон Стюарт (1806–1873), английский философ 70–71, 77, 96, 174–175, 177
 Множеств теория 112–115
 Модальная логика 161
 Моделирование (Бостром) 7
 Мозг в колбе 4–7, 68, 142
 Морали философия 48–99
 Мораль (vs этика) 97
 Моральная удача 92–95
 Моральное совершенство 96, 164, 166
 Мур, Джордж Эдвард (1873–1958), британский философ 49
 Мутанты 45
- Н**
 Нагель, Томас (р. 1937), американский философ 32–35, 38, 93, 101

- Наказание теория 95, 169, 192–195
 Намерение 81, 94, 201
 Натурализм 51
 Натуралистическая ошибка 49
 Науки прогресс 28, 136
 Науки философия 132–143
 Научный метод 134, 139
 Не-материализм *см.*
 Идеализм
 Недоопределенность 135, 141
 Незаинтересованный очевидец 78
 Необходимость *vs.* случайность 21
 Неопределенность 86, 120–123
 Неравенство социальное 183
 Нечеткая логика 122
 Нозик, Роберт (1938–2002) 68–71
 Нормативная этика 50
 Нравственный закон (Кант) 73
 Ньютон, Исаак 28, 96, 136
 Нэш, Джон Ф. (р. 1928) 191
- О**
 Объективизм 51, 60, 145
 Обязанность *см.* Права и обязанности
 Оказионализм 30
 Оккам, Уильям 140, 143
 Оккама бритва 140–143
 Онтологическое доказательство 126, 160–163
 Описание/предписание переход 48–51
 Описаний теория (Рассел) 124–127
 Опровергаемость (Поппер) 134
 Ответственность 193
 Ошибка намерения 148–151
 Ошибки 110
 Ошибок теория 63
- П**
 Парадоксы мена 136–139
 Парадоксы 110
 Паскаля пари 174
 Патнэм, Хилари (р. 1926), американский философ 4–7, 68
 Пацифизм 203
 Пелена восприятия 12–15
 Первичные
 и вторичные свойства 13
 Первопричины аргумент 157
 Плантинг, Алвин (р. 1932), американский философ 161
 Платон (около 429–347 гг. до н. э.), греческий философ 8–11, 24–27, 54, 57, 96, 98–99, 145, 146
 Платоническая любовь 9
 Платонова пещера 8–11
 Плюрализм 179
- Подделка 150
 «Покров незнания» (Ролз) 182–183
 Политици философия 176–203
 Поппер, Карл (1902–1994), британский философ австрийского происхождения 49, 134
 Поражение в правах 195
 Права и обязанности 50, 72, 81, 88, 100–107, 177, 185, 192
 Превышающие требования долга действия 88–91
 Предпосылки (логические) 108
 Предсказания парадокс 110
 Прекрасное 145, 149
 Прескриптивизм (Хэар) 51, 62–63, 79
 Прикладная этика 50
 Природы законы 134
 Причинность 30, 31, 156, 159
 Протагор (V в. до н. э.), греческий философ 54
 Психологическая непрерывность 42–43
 Пэйли, Уильям (1743–1805), английский теолог 154
- Р**
 Различия, социальное 180
 Различия принцип 180–183
 Разум 20–23, 61, 74–75, 98, 167, 172–175
 Разума и тела проблема 28–31, 47, 143
 Райл, Гилберт (1900–1976), английский философ 29, 39
 Рассел, Бертран (1872–1970), британский философ 45, 63, 112–115, 124–127, 159
 Рассела парадокс 12–15
 Рационализм 20–23; *см. также* Разум
 Реализм 10–11, 13, 51, 145, 203
 Редукция/редукционизм 31, 32–33, 139
 Рейган, Том (р. 1938), американский философ 107
 Рейд, Томас (1710–1796), шотландский философ 42
 Религии философия 152–175
 Релятивизм 51, 52–55, 137
 Репрезентативная модель (восприятия) 12–15, 129
 Реформа и реабилитация 179, 194–195
 Ролз, Джон (1921–2002), американский философ 180–183, 185
 Романтизм 186
 Руссо, Жан-Жак (1712–1778), французский философ 182, 185–186
- С**
 Самооборона 82, 193, 201
 Свобода 176–179, 192
 Свобода воли 95, 167, 168–171, 193
 Семейное сходство (Витгенштейн) 146
 Серль, Джон (р. 1932), американский философ 38–39
 Силлогизм 109
 Симпатия (Юм) 61
 Сингер, Питер (р. 1946), австралийский философ 107
 Скептицизм 6–7, 13–15, 19, 46, 68
 Скользкий путь 84–87
 Слепой часовщик 154–155
 Смертная казнь 53, 193, 194, 195
 Смит, Адам (1723–1790), шотландский экономист 78
 Сознание 18, 28, 31, 32–35, 42, 44, 47, 100–103
 Сознания философия 28–47
 Сократ (469–399 гг. до н. э.), греческий философ 11, 57, 71, 146
 Сорита парадокс 120–123
 Социальная справедливость 180–183, 198–199
 Социальные контрасты 184–187
 Спасательная шлюпка Земля (Хардин) 196–199
 Спиноза, Барух (1632–1677), голландский философ 23, 30
 Справедливой войны теория 200–203
 Справедливость как честность (Ролз) 180
 Страдание *см.* Боль и страдание
 Субъективизм 51, 56, 60–62, 145
 Счастье 65, 69–70, 91, 98, 181
- Т**
 Телеологическое доказательство 152–155, 166
 Тест Тьюринга 29, 36–39
 Тестирование препаратов 103, 107
 Толерантность 54
 Трагедия общинных владений (Хардин) 197
 Трехчастная теория знания 24–27
- У**
 Уайтхед, Альфред Норт (1861–1947), английский философ 54, 123
 Удача моральная 92–95
 Уильямс, Бернар (1929–2003), английский философ, 95
 Уимсетт, Уильям К. (1907–1975), американский литературный критик 148–151
 Умеренность 82, 98
- Умозаключение (логика) 108
 Универсалии 10
 Универсальность 62, 79
 Урмсон, Дж. О. 89
 Утилитаризм 50, 67, 69–71, 79, 90–91, 96, 181, 194
- Ф**
 Фидеизм 172–173
 Физикализм 30–31, 32–34, 39, 46, 143
 Философия и философы 11, 74, 112, 114, 130, 144, 172
 Форм теория (Платон) 9–10, 145
 Формализм 146
 Фреге, Готлоб (1848–1925), немецкий математик 109, 114–115
 Функционализм 39
 Фуу/ура теория 60–63
- Х**
 Халявчики 77
 Хардин, Гаррет (1915–2003), американский эколог 196–199
 Храбрый офицер (Рейд) 42
 Хрисиппа собака 102
 Хэар, Ричард М. (1919–2002), английский философ 62, 79
- Ц**
 Цели и средства 64–67, 69, 75, 82
- Ч**
 Человека в маске ошибка 35
 Чужого разума проблема 44–47, 142
- Э**
 Эволюция 132, 155, 158
 Эвтаназия 50, 56, 81, 83, 84
 Экономии принцип *см.* Оккама бритва
 «Экономика просачивания благ» 182
 Экспрессивизм 62
 Экспрессионизм 146
 Эмотивизм 51, 60–63
 Эмпиризм 20–23
 Эпистемология 7; *см. также* Знание
 Эстетизм 144
 Эстетика 144–151
 Этика 48–99
 Этика ответственности *см.* Деонтология
- Ю**
 Юм, Дэвид (1711–1776), шотландский философ 22, 43, 48–51, 61, 111, 134, 152–154, 185
 Юма гильотина (закон Юма) 48–51
- Я**
 Ядерное оружие 83, 191, 202
 Языковые игры (Витгенштейн) 128, 131
 Язык и значение 124–131

ББК 84.4
Д95

Copyright © Quercus Publishing Pls 2007.
Ben Dupré владеет правом считаться
автором этой работы.

Бен Дюпре читал классическую философию в Оксфорде, прежде чем стал писать популярные книги о философии. С 1992 по 2004 год он был ведущим автором в издательстве Оксфордского университета, за его спиной двадцатилетний опыт доступного и комплексного изложения философии для самой широкой аудитории.

Дюпре, Бен

Д95 Философия. 50 идей, о которых нужно знать. — Пер. с англ. М. Александровой. — М.: Фантом Пресс, 2014. — 208 с.

Принято считать, что философия сложна и скучна, а философы — заумные затворники, далекие от реальной жизни. Пора избавиться от заблуждений. Философия столетиями была опаснейшим делом. Декарту, Спинозе, Юму и Руссо грозили отлучением от Церкви, отправляли в изгнание. А самого знаменитого философа в истории, Сократа, власти Афин признали столь пагубно влияющим на общество, что и вовсе казнили. Современных философов не приговаривают к смертной казни, — человечество наконец осознало, что философия — это не только изощренная игра ума, но и практическая наука. Физика, химия, биология, медицина способны на многое, кроме одного — понять суть мироздания. Этим как раз и занимаются философы — они ищут смысл, везде и во всем. Философия — это высшее достижение человеческого разума, и, прочитав эту книгу, обдумав главные 50 идей этой великой науки, вы и сами станете немного мудрецом.

ISBN 978-5-86471-684-7 © М. Александрова, перевод, 2014
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2014

Бен Дюпре ФИЛОСОФИЯ 50 идей, о которых нужно знать

Перевод
Мария Александрова
Редактор
Игорь Алюков
Корректоры
Ольга Андрюхина,
Виктория Рябцева
Директор издательства
Алла Штейнман

Подписано в печать 29.07.2014.
Формат 70×90/16.
Печать офсетная.
Заказ № 1405080.
Тираж 3500 экз.
Гарнитура «NewBaskervilleС».

Издательство «Фантом Пресс»:
Лицензия на издательскую
деятельность
код 221 серия ИД № 00378
от 01.11.99 г.
127015 Москва,
ул. Новодмитровская, д. 5А, 1700
Тел.: (495) 787-34-63
Электронная почта:
phantom@phantom-press.ru
Сайт: www.phantom-press.ru

Отпечатано
в полном соответствии
с качеством
предоставленного
электронного
оригинал-макета
в ОАО «Ярославский
полиграф-комбинат»
150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97